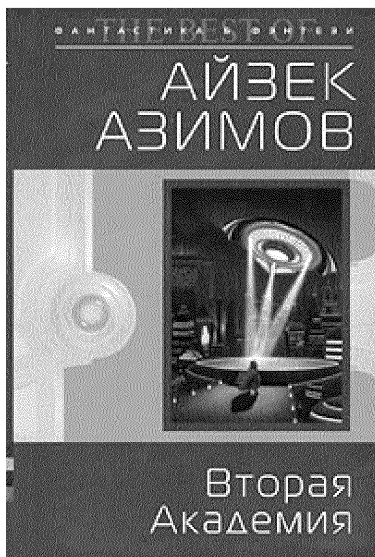

Айзек Азимов Вторая Академия

Академия [Основание] – 5

«Вторая Академия»: Эксмо; 2005

ISBN 5-699-12240-0

Оригинал: Isaac Asimov, "Second Foundation"

Перевод: Надежда А. Сосновская

Аннотация

Никто не подозревал что Основанию может угрожать всего один человек. Но именно так и получается – завоеватель Мул, появившийся с Периферии, захватывает Терминус без единого выстрела. Спасти Основание и План Седона возможно может только загадочное Второе Основание, находящееся на другом конце Галактике. Там где кончаются звезды...

Айзек Азимов Вторая Академия

Часть первая Поиски ведет Мул

Глава первая Двое плюс Мул

Мул. Режим, установленный Мулом, проявился во всей полноте после захвата Первой Академии. Добившись окончательного распада Первой Галактической Империи, Мул стал первым в истории, кому удалось подчинить себе территорию поистине имперского масштаба. Прежняя коммерческая империя, созданная павшей Академией, несмотря на то усердие, с которым невидимой рукой психоистории плелись ее тонкие сети, оказалась жалким подобием жестко управляемого «Союза Миров», во главе которого встал Мул. В «Союз Миров» входила примерно десятая часть Галактики и пятнадцатая часть ее населения. В особенности на протяжении эпохи так

называемых «Поисков»...

Галактическая энциклопедия

В «Энциклопедии» сказано довольно много о Муле и о его «Империи», но почти все там изложенное не имеет отношения к тому, о чем собирается поведать автор. К тому же стиль «Энциклопедии» грешит сухостью. Статья, посвященная Мулу, описывает далее экономические условия, которые привели к возвышению «Первого Гражданина Союза» – именно таков был официальный статус Мула, – и экономические последствия его возвышения.

Всякий раз, когда из контекста статьи чувствуется, что автор статьи испытывает хотя бы легкое удивление по поводу той колоссальной спешки, с которой Мул занимался созданием своей «Империи», превратившейся всего за пять лет из ничего в колоссальную по масштабам территорию, становится очевидно, что он всеми силами старается скрыть свое удивление. Всяким раз, когда его поражает внезапный переход от активной экспансии к пассивной консолидации захваченной территории, он явно скрывает факты.

Поэтому мы отложим «Энциклопедию» в сторону и пойдем собственным путем и попробуем описать историю Великого Безвластия – промежутка между падением Первой и началом Второй Империи, к концу пятилетия «консолидации».

С политической точки зрения, в Союзе царило спокойствие, с экономической – процветание. Мало кому приходило в голову мечтать о том, чтобы покой, установившийся под железной пятой Мула, сменился хаосом, ему предшествовавшим. В мирах, которые всего пять лет назад знали, что такое Академия, кое у кого, возможно, и появились чувства сродни ностальгическому сожалению, но не более того. Те лидеры Академии, которые были не нужны Мулу, были уничтожены, а те, которые были нужны, были «обработаны».

Самым нужным из «обработанных» был Хэн Притчер, ныне генерал-лейтенант.

Во времена Академии Хэн Притчер был капитаном и членом подпольной демократической оппозиции. После того как Академия без боя сдалась Мулу, Притчер продолжал вести борьбу против Мула до тех пор, пока не был «обработан».

«Обработка» была весьма специфичная. Это был не просто разумный добровольный переход на сторону победителя, и Хэн Притчер это отлично понимал. Его воззрения радикально переменились, потому что Мул был мутантом, психическая энергия которого подчиняла себе нужных ему людей. Сам Хэн Притчер никаких неудобств не испытывал. Все было, с его точки зрения, нормально. Само по себе чувство удовлетворения собственным состоянием являлось признаком того, что «обработка» прошла успешно, однако Хэн Притчер уже чувствовал себя так, что собственное состояние его нисколько не занимало.

Теперь, возвращаясь из своей пятой по счету экспедиции из беспредельных просторов Галактики за границами Союза, он с неестественной радостью предвкушал – он, бывший ас-звездолетчик, опытный агент разведки Академии, – будущую аудиенцию у «Первого Гражданина»... Его суровое лицо, словно выточенное из куска твердого дерева, казалось, неспособное улыбнуться, чтобы при этом не потрескаться, не выражало никаких чувств – по внешние проявления не имели никакого значения. Мул видел его насквозь – всего, до самой тончайшей эмоции, и замечал малейшие эмоциональные порывы, как обычный человек замечает, например, что у собеседника слегка дрогнула бровь.

Притчер поставил свой космический катер на стоянку в старом вице-королевском ангаре и отправился на территорию дворца пешком – так полагалось. Целую милю он прошел по снабженной указателями дороге. Она была безлюдна и тиха. Притчер знал, что на всей территории дворца нет ни одного охранника, ни одного солдата, ни одного вооруженного человека.

Мул не нуждался в защите.

Мул сам себе был лучшим и надежнейшим защитником.

Звук собственных шагов отдавался в ушах Притчера. Здание дворца приближалось, отражая яркий солнечный свет полированной поверхностью стен, покоящихся на высоких, полубезумных по очертаниям арках, – типичный образчик архитектуры былой Империи. Здание

крепко сидело в земле, возвышаясь и над обширной дворцовой территорией, и над многонаселенным городом, видневшимся на горизонте.

Внутри дворца находился тот один-единственный человек, от нечеловеческих психических способностей которого зависела и вся новая, им созданная аристократия, и вся структура «Союза».

Огромная входная дверь мягко отъехала в сторону, и генерал ступил на широкий пандус. Бесшумный лифт быстро поднял его наверх. Он остановился перед небольшой, непримечательной на вид дверью личных покоев Мула, расположенных на самом верху самой высокой башни дворца.

Дверь открылась...

Бейл Ченнис был молод. Бейл Ченнис не был «обработан». То есть, проще говоря, его эмоции не находились под управлением Мула. Они оставались такими, какими были даны ему от рождения и как впоследствии сформировались под воздействием окружающей среды. Это его вполне устраивало.

Ему еще не было и тридцати, но в столице он занимал высокое положение. Он был хорош собой и умен и потому пользовался успехом в высшем обществе. Он был прекрасно образован и самодушен и потому пользовался успехом у Мула. Его одинаково удовлетворяло и то и другое.

Сегодня впервые Мул удостоил его личной аудиенции.

Ноги легко несли его по длинной сверкающей нитке дороги, ведущей к дворцу, украшенному башнями из губчатого алюминия, – бывшей резиденции вице-короля Калгана, – который позднее стал резиденцией независимых князей Калгана, которые управляли государством сами по себе, и который теперь стал резиденцией Первого Гражданина Союза, который сам по себе правил в своей собственной Империи...

Ченнис шел, тихо мурлыкая мотивчик собственного сочинения. У него не было ни малейших сомнений, о чем пойдет речь. Конечно же, о Второй Академии! Об этом призраке, который заставил Мула прекратить свою политику безудержной экспансии и держал его в постоянном напряжении. Официально это называлось «консолидацией».

Сейчас Калган был переполнен слухами. Слухи – не экспансия, их во все времена остановить нельзя. Одни говорили, что Мул якобы нашел, где находится Вторая Академия, и собирается на нее напасть. Другие – что Мул сговорился со Второй Академией и они вместе собираются учинить передел Галактики. Третьи – что Мул наконец убедился в том, что Вторая Академия вообще не существует, и скоро сам завоюет всю Галактику.

Бесполезно перечислять все, о чем говорили в гостиных. Тем более что это была уже не первая полоса слухов. Однако теперь создавалось впечатление, что за разговорами действительно что-то стоит, и это страшно будоражило людей с развитой фантазией, которых хлебом не корми, а дай пожить во времена войн, сражений и политического хаоса; когда же тишь да гладь – они скучают и чахнут.

Бейл Ченнис был как раз из таких. Он не боялся таинственной Второй Академии. Именно поэтому он не боялся Мула, открыто этим бравируя. Возможно, некоторые, которым не слишком нравился этот человек, такой молодой и одновременно такой преуспевающий, злорадно поджидали, когда же этот дамский любимец поплатится за то, что позволяет себе во всеуслышание потешаться над внешностью Мула и его подозрительно уединенным образом жизни. Никто не осмеливался присоединяться к его саркастическим высказываниям, мало кто смеялся над его шутками, но, поскольку с ним, как бы то ни было, ничего не происходило, репутация его, естественно, росла.

Ченнис шел вперед, сочиняя слова на импровизированный мотивчик. Слова были самые что ни на есть дурацкие и сопровождались припевом: «Академия Вторая всю Галактику пугает, нам спокойно спать мешает».

Он подошел ко дворцу.

Огромная входная дверь мягко отъехала в сторону, и он ступил на широкий пандус. Бесшумный лифт быстро поднял его наверх. Он остановился перед небольшой,

непримечательной на вид дверью личных покоев Мула, расположенных на самом верху самой высокой башни дворца.

Дверь открылась...

Человек, у которого не было другого имени, кроме клички «Мул», не было другого титула, кроме как «Первый Гражданин Союза», смотрел на видневшийся на горизонте город сквозь странное окно – он видел все как на ладони, а с внешней стороны была глухая стена.

В сгущающихся сумерках на небе загорались первые звезды. Все они без исключения принадлежали ему.

Он горько усмехнулся. Они принадлежали тому, кого мало кто видел собственными глазами.

Он, Мул, был человеком, на которого нельзя было взглянуть без жалости и сострадания. Его исключительно скромный вес – сто двадцать фунтов – до смешного не соответствовал росту – пять футов и восемь дюймов.

Из тщедушного туловища, как скрюченные длинные стебли, росли руки и ноги. Длинное худое лицо почти терялось на фоне торчавшего на три дюйма, крючковатого, похожего на клюв хищной птицы носа.

Пожалуй, только глаза не соответствовали общему карикатурному облику того, кого называли Мулом. В этих глазах – странно мягких для величайшего покорителя Галактики – никогда не исчезала странная грусть.

В городе царило оживление, какое и должно царить в роскошной столице роскошного мира. Он мог основать столицу в Академии, на территории самого сильного из поверженных врагов, но это было далеко, на самом краю Галактической спирали. Калган, расположенный ближе к центру, имевший стойкую славу аристократического курорта, более устраивал его – со стратегической точки зрения.

Но типичная для столицы бурная жизнь, подкрепленная невиданным доселе процветанием, его вовсе не радовала и как бы совсем не касалась.

Его боялись, ему подчинялись, его, наверное, даже уважали – на расстоянии. Но кто бы взглянул на него без сожаления и усмешки? Только те, кто был «обработан». Но что толку было в их искусственной верности? Ему недоставало искренности. Он мог бы наделить себя кучей титулов, разработать неимоверно изощренные ритуалы поклонения своей персоне, но это бы ничего не изменило. Лучше – или, по крайней мере, не хуже – было оставаться «Первым Гражданином» и скрываться от посторонних взглядов.

Внутри у него шевельнулось нечто вроде протеста – сильное, грубое чувство. Никто в Галактике не смел отрицать его существования! Пять лет он хранил молчание, похоронив себя здесь, в Калгане, – и все из-за этого вечного, туманного, притаившегося в неведомых глубинах пространства призрака, этой постоянной угрозы – невидимой, неслышимой, неизвестной Второй Академии. Ему было тридцать два. Совсем немного, – но чувствовал он себя стариком. Тело его, несмотря на колоссальную психическую энергетику мутанта, было слабым, болезненным.

Каждая звезда! Каждая звезда, которую он видел, и каждая из тех, что были не видны. Все должно было принадлежать ему!

Мечь всем и всему. Мечь человечеству, частью которого он не был. Мечь Галактике, в которой для него не было места!

Над головой у него мигнул сигнальный огонь, По дворцу кто-то шел. Он спокойно следил за передвижениями этого человека, и одновременно, словно его мутантные психические способности обострились в одиночестве сумерек, он почувствовал, как волна чужого эмоционального удовлетворения легко коснулась его собственного сознания.

Он узнал идущего без особых усилий. Это был Притчер.

Капитан Притчер из бывшей Академии. Капитан Притчер, которого проигнорировало, недооценило насквозь бюрократившееся правительство времен упадка. Капитан Притчер, чью шпионскую деятельность он без труда разоблачил, кого он возвысил, вытащил из грязи. Капитан Притчер, которого он сначала сделал полковником, а потом генералом, предоставив

ему в полное распоряжение всю Галактику.

Теперешний генерал Притчер, в прошлом несгибаемый мятежник, был безоговорочно предан Мулу. Однако причиной его преданности была отнюдь не благодарность за данные ему привилегии, не логика, не чувство справедливости – только «обработка».

Мул прекрасно отдавал себе отчет в том, что прочный слой верности и преданности ему, который определял все эмоциональные проявления поведения Притчера, – тот самый слой, тот колпак, которым он накрыл его пять лет назад, исключительно поверхностен. В глубине души Притчер продолжал оставаться прирожденным упрямым, борцом с властью, идеалистом, хотя теперь даже сам этого и не признавал.

Дверь за спиной Мула открылась. Он обернулся. На месте окна появилась глухая стена, и пурпурные краски вечера сменились ярким, белым, безжалостным сиянием атомного освещения.

Хэн Притчер сел на указанный ему стул. Он не кланялся, не становился на колени. Никаких формальных выражений подобострастия на аудиенциях у Мула не требовалось. Мул был просто «Первым Гражданином». Обращаться к нему полагалось «сэр». В его присутствии можно было сидеть, можно было даже спиной повернуться, если уж так получалось.

Для Хэна Притчера все эти мелочи свидетельствовали о непререкаемом могуществе этого человека. Сама мысль об этом приятно радовала его.

Мул сказал:

– Вчера я получил ваш последний отчет. Не скрываю, он меня очень огорчил, Притчер.

Брови генерала сошлись на переносице.

– Да, сэр, я вас понимаю. Но к сожалению, другого просто быть не могло. Никакой Второй Академии нет, сэр.

Мул задумался, медленно, упрямо покачал головой, как делал уже много-много раз на памяти Притчера.

– Существует свидетельство Эблинга Миса. Всегда существовало и будет существовать свидетельство Эблинга Миса.

Старая песня, подумал Притчер и сказал без всякого выражения:

– Конечно, Мис был величайшим психологом в Академии, но в сравнении с Гэри Селдоном – он мальчишка-подмастерье. Ведь, изучая работы Селдона, он был под воздействием вашей искусственной стимуляции. Может быть, вы его перенапрягли. Он мог ошибиться. Скорее всего, он ошибся, сэр.

Мул вздохнул, вытянул вперед птичью головку на тонком стебельке шеи.

– Если бы только он прожил еще одну минуту! Он как раз должен был проболтаться, где находится Вторая Академия! Говорю вам, он *знал* это! Зря я медлил. Нельзя было ждать так долго. Сколько времени потеряно зря! Пять лет – и все впустую!

Притчер никак не отреагировал на минутную слабость своего господина – его контролируемые чувства не допускали этого. Он только слегка заволновался и сказал:

– Но как же можно иначе объяснить, сэр? Пять раз я отправлялся на поиски. Вы лично вычерчивали маршруты. Не осталось ни одного астероида, который бы я не перевернул вверх ногами! Триста лет назад Гэри Селдон из бывшей Империи основал две Академии, которые якобы должны были стать зародышами новой Империи, призванной заменить старую. Через сто лет после смерти Селдона Первая Академия, которая нам обоим так хорошо знакома, была известна на всей Периферии. Через сто пятьдесят лет после смерти Селдона ко времени последнего сражения со старой Империей – она была известна по всей Галактике. Теперь, когда прошло триста лет, – где же таинственная Вторая? Ни в едином уголке Галактики о ней никто слыхом не слыхивал.

– Эблинг Мис говорил, что она содержится в секрете. Только скрытность ее существования, по его словам, способна обратить ее слабость в силу.

– Ну, знаете, сэр, такая глубочайшая секретность может с успехом означать и то, что ее вообще не существует.

Мул поднял на него взгляд. Глаза его были широко раскрыты – подозрительно широко.

– Нет. Она существует, – твердо сказал он, многозначительно подняв указательный палец,

и добавил: – Будут кое-какие изменения в тактике поисков.

Притчер нахмурился:

– Вы собираетесь лично возглавить экспедицию? Я бы вам не советовал.

– Нет. Конечно, нет. Вам придется полететь еще раз самому. Последний раз. Но с вами полетит еще один человек. Вторым командиром.

– Кто это, сэр?

– Есть тут один молодой человек в Калгане, по имени Бейл Ченнис.

– Никогда не слышал о таком, сэр.

– Да, скорее всего, не слышали. Однако у него незаурядные способности и высочайшие амбиции. К тому же он... «не обработан».

Массивный подбородок Притчера едва заметно дрогнул.

– Не вижу в этом особых преимуществ.

– Преимущества есть, Притчер. Давайте посмотрим правде в глаза. Вы – неглупый и опытный человек. Вы сослужили мне неплохую службу. Но вы «обработаны». Вся мотивация ваших поступков зиждется всего-навсего на искусственно созданной, беспомощной верности мне. Утратив мотивацию поведения, данную вам от природы, вы потеряли нечто такое... какие-то душевные порывы, которые даже я не в силах в вас восстановить.

– Я этого не ощущаю, – угрюмо буркнул Притчер. – Я прекрасно помню себя – того, каким я был в те дни, когда был вашим врагом. Не думаю, чтобы тогда я был лучше, чем сейчас.

– Естественно, – криво усмехнулся Мул. – Но ваше мнение по этому поводу вряд ли можно считать объективным. Но вернемся к Ченнису. Итак, как я сказал, он амбициозен – по природе. Ему вполне можно доверять, поскольку он не признает никаких авторитетов, кроме самого себя. Однако отлично сознает, что он тем не менее существует, вцепившись в шлейф моего могущества. Поэтому он сделает все, чтобы провисеть на этом шлейфе как можно дольше, дабы добраться на этом транспортном средстве к своей цели – славе и могуществу. Если он отправится вместе с вами, его устремления получат дополнительный толчок – хотя бы для него самого.

– Тогда, – настаивал Притчер, – почему бы вам не освободить меня от эмоционального контроля, если вы и вправду считаете, что это пошло бы мне на пользу? Вряд ли теперь я сумею изменить вам.

– А вот это – никогда, Притчер. Пока вы от меня на расстоянии руки, на расстоянии выстрела бластера, вы будете оставаться под жестким контролем. Я отлично знаю, что, освободив вас, в следующую же минуту я буду мертв.

Щеки генерала вспыхнули лихорадочным румянцем.

– Для меня оскорбительно, что вы так думаете обо мне.

– Я вовсе не хотел оскорбить вас, но вы просто не можете себе представить, какие чувства овладеют вами, когда они будут отпущены на свободу, когда ваше поведение вернется в русло прежней мотивации. Человеческий разум сопротивляется контролю. Обычный гипнотизер-человек по этой самой причине не способен загипнотизировать человека, сопротивляющегося гипнозу. Я – могу, поскольку я – не гипнотизер, и поверьте мне, Притчер, сопротивление, которого вы не оказываете и о котором вы даже не помышляете, – это то, с чем мне совсем не хотелось бы столкнуться.

Притчер нагнул голову. Снаружи его охватила мука беспомощности, внутри у него были только тоска и усталость. Он с усилием выговорил:

– Но как же вы можете доверять этому человеку? Я хочу сказать – разве можно доверять ему так же безоговорочно, как мне – «обработанному»?

– Ну, наверное, полностью ему доверять нельзя. Именно поэтому вы и отправитесь вместе с ним. Видите ли, Притчер...

Мул забрался с ногами в глубокое кресло и стал похож на украшенную птичьей головкой зубочистку, сломанную посередине.

– Видите ли, Притчер, вам придется приглядывать за ним на тот случай, если ему взбредет в голову, что со Второй Академией он сумеет договориться более выгодно, чем со мной. Вы

понимаете?

В глазах Притчера мелькнул огонек удовлетворения.

– Так-то лучше, сэр.

– Вот именно. Но помните – до поры до времени ему должна быть предоставлена полная свобода действий.

– Ясно.

– И еще, Притчер... Молодой человек этот очень хорош собой, приятен в общении, обаятелен. Не позволяйте ему одурачить вас. Он опасный, непредсказуемый человек. Будьте с ним осторожны. Это все.

Мул снова остался один, Он выключил свет, и стена напротив снова стала прозрачной. Небо окрасилось в пурпур, город на горизонте утонул в бесчисленных огнях.

Ради чего было все это? Даже если бы он стал властелином Вселенной – что тогда? Разве перестали бы такие люди, как Притчер, быть высокими, стройными, самоуверенными, сильными? Разве отказался бы Бейл Ченнис от своих убеждений, перестал бы отпускать мерзкие остроты в его адрес? Разве он сам, Мул, стал бы другим?

Он думал так и проклинал собственные мысли. Чего же ему на самом деле хотелось? К чему он стремился?

Мигнул бесстрастный сигнальный огонек. Мул знал о том, что сейчас по дворцу идет человек, и почти помимо воли ощутил, как волна чужого эмоционального удовлетворения коснулась его мозга.

Он без труда узнал идущего. Это был Ченнис. На этот раз Мул не ощущал привычного однообразия эмоций, как у «обработанных». Наоборот, он чувствовал сопротивление сильного разума, нетронутого, неприкосновенного, не задетого ничем, кроме периодических размышлений о бренности всего сущего и неустойчивости Вселенной. От чужого сознания плыли к нему потоки и волны. Чувствовалась наружная осторожность – тонкая, мягкая, но под ней таилась циничная самоуверенность. Еще глубже ощущалось мощное течение честолюбия и самолюбия, вспучивающееся то там, то тут вспышками жестокого юмора, а в самой глубине стояло спокойное озеро амбиций.

Мул знал, что способен протянуть невидимую руку и преградить путь потоку, выплеснуть воду из русла и направить по другому пути, высушить одно русло и проложить другое. Но что из этого? Если бы он взял и накрыл кудрявую гордую голову Ченниса колпаком обожания, разве это хоть что-нибудь изменило бы в его собственном уродстве, вынуждавшем его ненавидеть солнечный свет и любить ночь, сделавшем его отшельником в Империи, безраздельно принадлежавшей ему одному?

Дверь у него за спиной открылась. Он обернулся. Прозрачная стена стала непрозрачной, И темнота позднего вечера сменилась белым, безжалостным атомным освещением.

Бейл Ченнис непринужденно уселся и сказал:

– Это – неожиданная честь для меня, сэр.

Мул всей пятерней почесал огромный нос и несколько раздраженно спросил:

– Почему же, молодой человек?

– Предчувствие, наверное. Если только, положи руку на сердце, не признаться, что до меня доходили кое-какие слухи.

– Слухи? Ну, их теперь множество, Какие же именно?

– Ну, пожалуй, те, в которых говорится о том, что планируется возобновить Галактические Завоевания, Очень надеюсь, что это – правда и что я смогу сыграть в этом достойную роль.

– Следовательно, выдумаете, что Вторая Академия существует?

– Почему бы и нет? Это было бы так интересно!

– И лично вам это интересно?

– Ну конечно! Хотя бы потому, что это так таинственно! Разве еще о чем-нибудь можно так фантазировать! В последнее время газеты только об этом и говорят – а это кое-что да значит. Тут вот, например, в «Космосе» опубликовали гипотезу одного из их обозревателей: он

предполагает, что существует мир, населенный существами, представляющими собой нечто вроде сгустков чистого разума – то есть так он представляет себе Вторую Академию, – ну вот, и они как будто бы разработали ментальную энергию такой силы, что она способна противостоять любой физической мощи. И будто они способны отбрасывать прочь от себя корабли на целые световые годы, сворачивать планеты с привычных орбит...

– Интересно. Занимательно. Да. Ну а у вас лично есть какие-нибудь соображения на этот счет? Вы считаете, что такое возможно – эта психическая сила?

– О, господа, ну конечно же, нет! Разве можно себе представить, что подобные существа посиживали бы на своей планете? Нет, сэр! Вторая Академия сохраняется в тайне именно потому, что они слабее нас.

– В таком случае, мне не составит труда объяснить вам, в чем, собственно, суть дела. Как вы отнесетесь к предложению возглавить экспедицию по поиску Второй Академии?

На мгновение Ченнис растерялся. События развивались быстрее ожидаемого. Казалось, у него просто-таки язык присох к небу.

Мул сухо поторопил его:

– Ну?

Ченнис потер лоб ладонью.

– Конечно. Согласен. Но куда я должен отправляться? У вас есть какая-нибудь идея?

– С вами отправится генерал Притчер.

– Следовательно, экспедицию возглавляю не я?

– Выводы будете делать, когда я закончу. Послушайте, вы не из Академии. Вы – уроженец Калгана, не так ли? Да? Отлично. Следовательно, ваши знания о Плане Селдона весьма туманны. Так вот. Когда Первая Галактическая Империя стала приходить в упадок, Гэри Селдон вместе с группой психоисториков, анализируя будущее течение истории математическими методами, которые в наше упадочное время безнадежно утрачены, основал две Академии – по одной на каждом краю Галактики – так, чтобы экономические и социальные тенденции, которые в то время только начали намечаться, сделали бы эти Академии впоследствии очагами создания Второй Империи. Гэри Селдон предполагал, что на ее создание уйдет тысяча лет. Не будь Академий, на это ушло бы тридцать тысячелетий. Но он не учел *меня*. Я – мутант, и мое появление не было запланировано психоисторией, которая оперирует только усредненными реакциями больших масс людей. Понимаете?

– Прекрасно понимаю, сэр. Но какое отношение это имеет ко мне?

– Скоро поймете. Я намерен объединить Галактику уже сейчас и тем самым достичь цели, поставленной Селдоном, скорее – всего за триста лет. Одна из Академий – мир ученых-физиков – все еще процветает под моим неусыпным наблюдением. В условиях расцвета и порядка, царящих в Союзе, атомное оружие, разрабатываемое ими, способно победить всех и вся в Галактике – всех и вся, кроме, пожалуй, Второй Академии. Поэтому я должен больше узнать о ней. Генерал Притчер твердо убежден, что она вообще не существует. Я убежден в обратном.

Ченнис осторожно поинтересовался:

– А откуда вы знаете, сэр?

– Знаю! – неожиданно взорвался Мул. – Потому что в умах людей, находящихся у меня под контролем, происходят кое-какие изменения. Кто-то вмешивается! Мягко! Осторожно! Но все-таки не настолько, чтобы я не мог заметить. И это вмешательство нарастает и затрагивает важных для меня людей в самые ответственные моменты. Теперь вам, думаю, не будет удивительно, почему я бездействовал по непонятной якобы причине последние годы?

Вот ваша задача. Генерал Притчер – лучший из моих людей, поэтому он наверняка не в безопасности. Он этого, естественно, не знает. Но вы не «обработаны», поэтому вас не сразу распознают как человека Мула. Вы сможете дурачить Вторую Академию дольше, чем кто-либо из моих людей. Может быть, достаточно долго. Понимаете?

– Гм-м-м... Да. Простите, сэр, хотелось бы кое о чем спросить вас. Каким образом я могу ощутить это... воздействие на ваших людей – конкретно, на генерала Притчера, если таковое произойдет? Они что – снова становятся «необработанными»? Нелояльными, так, что ли?

– Нет. Я же сказал вам, это почти неуловимо. И это-то как раз самое плохое, потому что

заметить что-либо конкретное исключительно трудно, и порой мне приходится ждать, прежде чем принимать меры, не будучи уверенным в том, что именно происходит с «ключевым» человеком; то ли он допускает естественные ошибки, то ли его «обрабатывают» по-своему. С лояльностью ничего не происходит – поражаются такие качества, как инициатива и способность принимать решения. Они как бы стираются из сознания. Мне оставляют совершенно нормального с виду человека, но абсолютно бесполезного. За последний год таким образом обработали шестерых. Шестерых лучших моих людей!

Уголок его рта нервно задергался.

– А они сейчас отвечают за работу тренировочных баз – и я всей душой желаю, чтобы у них не случилось ничего экстренного, что потребовало бы от них принятия решений.

– Но, сэр, а если допустить, что это все-таки не дело рук Второй Академии? Вдруг это кто-то вроде вас... другой мутант?

– Нет. Все чересчур тонко спланировано и чересчур надолго. Один человек торопился бы. Нет, это целый мир, и вы должны стать моим оружием против него.

Глаза Ченниса блеснули.

– Я счастлив, что вы оказываете мне эту честь.

Но от Мула не укрылся резкий всплеск эмоций. Прищурившись, он проговорил:

– Да, скорее всего именно вам доведется совершить уникальный подвиг, достойный уникальной награды, – возможно, вам даже доведется стать моим преемником. Даже так. Но не забывайте, что, кроме того, наказания мои тоже уникальны. Моя эмоциональная гимнастика рассчитана не только на создание верноподданности.

Легкая улыбка его была печальна.

Ченнис в страхе вскочил на ноги.

На одно лишь мгновение, лишь на одно короткое мгновение Ченнис ощутил, как его сознание сжало крепкой, безжалостной, невидимой десницей. Сильнейшая боль пронзила его мозг. Рука разжалась и отпустила его. Не осталось ничего, кроме кошмарного неукротимого гнева.

Мул объяснил:

– Не стоит гневаться. Это не поможет. Вы уже справились с собой, не так ли? Но я все вижу. Поэтому просто помните, что воздействие такого рода я могу усилить и сохранить. Я убивал людей с помощью эмоционального контроля, и нет смерти более жестокой.

Мул снова остался один. Он выключил свет, и стена перед ним снова превратилась в окно. Небо было черным, и сверкающее тело Галактической линзы протягивало во все стороны бесконечные лучи, мерцавшие серебристыми украшениями на фоне черного бархата межзвездного пространства.

Вся эта масса звезд и туманностей, которых было так много, что они соединялись друг с другом и становились похожими на облака света, – все это должно было принадлежать ему.

Оставалось сделать только одно, и он смог бы спать спокойно...

Первая интерлюдия

Чрезвычайный Совет Второй Академии собрался на заседание. Но мы не смогли бы услышать речей присутствовавших. Не увидели бы и заседания – в привычном смысле слова. Поэтому и неважно, кто именно на нем присутствовал.

Кроме того, строго говоря, нам не удалось бы точно воспроизвести детали этого странного заседания – всякая попытка описания того, что там происходило, грешила бы приблизительностью.

Тут мы имеем дело с психологами – и не просто с психологами. Скорее, скажем, мы имеем дело с учеными психологической ориентации. То есть с людьми, чьи фундаментальные понятия о научной философии абсолютно отличны от всех известных нам ориентации. «Психология» в привычном понимании слова – плод деятельности ученых, воспитанных на аксиомах, которые выведены на основании привычных представлений, типичных для

естественных наук, и она имеет весьма отдаленное отношение к той ПСИХОЛОГИИ, о которой пойдет речь.

Рассказывать о ней – все равно что объяснять слепому, что такое цвет, – и автор при этом так же незряч, как его читатели.

Все дело в том, что мозг каждого из собравшихся прекрасно воспринимал сигналы, исходившие от мозга остальных. Они знали о том, как функционирует человеческий мозг, не только теоретически, но и за счет специфического приложения этой теории к отдельным индивидуумам в течение долгого времени. Речь, к которой мы так привыкли и без которой наше общение было бы немыслимым, тут была не нужна. Фрагмент предложения равнялся длинному изощренному пассажи. Жест, усмешка, выражение лица – все несло информацию. Поэтому автор возьмет на себя дерзость вольно перевести небольшую часть заседания на язык, который бы поняли люди, разум которых с детских лет сориентирован на восприятие обычной речи, но, увы, с риском утратить нюансы тонкости такого общения.

Преобладал один «голос», и принадлежал он человеку, которого мы назовем для удобства «Первым Оратором».

Он сказал:

– Теперь совершенно очевидно, что именно остановило Мула во время первой безумной атаки. Не могу, к сожалению, констатировать, что это – результат контроля ситуации нами. На самом деле он чуть было не узнал наше местонахождение посредством искусственного усиления умственной деятельности одного из тех, кого в Первой Академии называют «психологами». Этот психолог был убит как раз перед тем, когда собирался сообщить Мулу о своем открытии. События, приведшие к его убийству, оказались совершенно случайными для развития ситуации, предусмотренного расчетами ниже Третьей Фазы. Позвольте предложить вам возглавить заседание.

Назовем того, к кому были обращены эти слова, «Пятым Оратором». На слух его слова звучали бы угрюмо:

– Безусловно, это так. Ситуация вышла из-под контроля. Конечно, мы исключительно уязвимы в отношении массированной атаки, в особенности если такую атаку возглавляет такой феномен разума, как Мул. Вскоре после того как он вплотную приблизился к своей цели – завоеванию Галактического господства – захватил Первую Академию, – а точнее, через полгода после этого, он оказался на Тренторе. Еще через полгода он мог бы оказаться здесь, и вероятность неблагоприятного для нас исхода была бы исключительно высока. Точнее – девяносто шесть плюс-минус пять сотых процента.

Довольно долгое время мы занимались анализом тех сил, которые остановили его. Мы, конечно, знаем о главных мотивах его действий. Врожденные последствия его физического уродства и уникальность его умственных способностей нам давно известны. Однако только посредством входа в Третью Фазу нам удалось определить – постфактум – вероятность отклонений в его поведении в присутствии другого человека, который испытывал к нему искреннее чувство.

И поскольку такие отклонения в его поведении зависели от присутствия такого человека рядом с ним в определенный момент времени, в этом смысле вся ситуация изобилвала случайностями. Наши агенты уверены, что психолога, которого «обрабатывал» Мул, убила девушка – та самая девушка, которой Мул доверял из чисто сентиментальных соображений и которую он именно из этих соображений не подвергал эмоциональному контролю – просто потому, что она к нему тепло, искренне относилась.

Начиная с этого события (кстати, для тех, кого интересуют детали: математическая обработка данных передана в Центральную Библиотеку), которое насторожило нас, мы держали Мула на безопасном расстоянии за счет применения неортодоксальных методов, используя которые, мы подвергали и подвергаем ежедневному риску весь исторический План Селдона. У меня все.

Выдержав паузу, позволяющую присутствовавшим осознать все, что стояло за этими словами, «Первый Оратор» сказал:

– Вследствие этого ситуация крайне нестабильна. В условиях, когда первоначальный

План Селдона находится на грани срыва, нам остался только один шанс и то очень рискованный.

Мы должны позволить Мулу разыскать нас – в некотором смысле.

После паузы, во время которой он выслушал возражения, он добавил:

– Повторяю – в некотором смысле!

Глава вторая Двое минус Мул

Корабль был готов к старту. Все было ясно, кроме одного: куда лететь. Мул предложил вернуться на Трентор – остров гигантской Галактической метрополии колоссальнейшей Империи, которую когда-либо знало человечество, – мертвый мир, некогда бывший столицей всех звезд.

Притчер возражал. Он считал, что это слишком старая, чересчур проторенная дорога.

Он нашел Бейла Ченниса в навигационной кабине корабля. Курчавые волосы молодого красавца были игриво растрепаны. Один непослушный завиток упал ему на лоб, но казалось, что там ему и место. Губы его расплылись в приветственной улыбке, обнажив безукоризненно белые, ровные зубы. Да, он был действительно хорош собой и знал это. В сердце твердокаменного офицера шевельнулась неприязнь к своему напарнику по экспедиции.

Ченнис был заметно возбужден.

– Притчер, – выпалил он, – это может быть совпадением!

Генерал холодно отозвался:

– Не понимаю, о чем вы.

– А? Ну да. Подсаживайтесь, старина, и давайте разберемся. Я тут просматривал ваши записи. Отличная работа, старина!

– Мне... очень приятно, что вы их так оцениваете, – выдавил Притчер.

– Понимаете... Я пришел к кое-каким выводам, и мне было бы интересно узнать ваше мнение. Вы не пытались подойти к этой проблеме дедуктивно? Я хочу сказать, что очень мило, конечно, прочесывать звезды наугад и в итоге сделать все, что вам удалось во время ваших пяти экспедиций. Но все-таки, простите, это отдает чем-то вроде прыгания со звезды на звезду на одной ножке. Но неужели вам никогда не приходила в голову мысль о том, сколько уйдет времени на то, чтобы посетить все известные миры?

– Почему же? Я думал об этом, и не раз.

Притчер не чувствовал жгучего желания идти навстречу молодому человеку. Ему, наоборот, хотелось вытянуть что-нибудь из него, чей разум не был под контролем и, следовательно, был непредсказуем.

– Ну, тогда давайте попробуем проанализировать ситуацию и зададим себе вопрос: что мы, собственно, хотим найти?

– Вторую Академию, – буркнул Притчер.

– Академию Психологов, – уточнил Ченнис, – которые настолько же слабы в физической науке, как Первая Академия была слаба в психологии. Теперь: вы из Первой Академии, но я-то – нет. Разница, надеюсь, вам ясна. Мы должны отыскать мир, в котором правят посредством психических способностей, но который с научной точки зрения сильно отстал.

– Разве это так уж обязательно? – спокойно возразил Притчер. – Наш собственный «Союз Миров» никак не назовешь научно отсталым, невзирая на то что могущество нашего правителя целиком и полностью зависит от силы его разума.

– Только потому, что у него была возможность опереться на научные достижения Первой Академии, – последовал нетерпеливый ответ. – И, заметьте, другого такого источника научных знаний в Галактике нет. Вторая Академия, по определению, должна находиться на высохших пепелищах разбитой Галактической Империи, из которых, как ни крути, ничего не выжмешь.

– Следовательно, вы пытаетесь утверждать, что они обладают силой разума, достаточной, чтобы править некоей группой миров, страдая одновременно физической беспомощностью?

– Относительной физической беспомощностью. Они, скорее всего, способны защитить

себя от пришедших в полный упадок окрестных миров. Против же сокрушительной силы Мула, подкрепленной мощной экономикой, они устоять не смогут. Почему же они столь тщательно скрывают свое местоположение – как в самом начале, при их основании Гэри Селдоном, так и теперь? Ведь ваша Первая Академия не делала из себя секрета даже тогда, когда представляла собой всего-навсего единственный город на единственной незащищенной планете триста лет назад!

Смуглое лицо Притчера подернулось сардоническими морщинками.

– Ну а теперь, когда вы закончили столь глубокий анализ, не откажетесь ли просмотреть перечень всех королевств, республик, федераций планет и диктатур всевозможных типов, которые соответствуют не только вашему описанию, но и еще целому ряду факторов?

– Значит, все это было учтено? – разочарованно нахмурился Ченнис.

– Ну, здесь так прямо не написано, но у нас есть тщательно разработанный путеводитель по противоположной Периферии. Нет, вы серьезно думаете, что Мул в бирюльки играет?

– Ну тогда...

Голос молодого человека вновь обрел решимость.

– Что вы скажете насчет олигархии Конзвездия? Притчер задумчиво потербил мочку уха.

– Конзвездия? Ах, ну да, знаю это место. Но это же не на Периферии, насколько я помню. Вроде бы это где-то в трети пути к центру Галактики.

– Да. И что из этого?

– В тех записях, что имеются в нашем распоряжении, место расположения Второй Академии указывается как «другой край Галактики». Черт подери, это единственное место, куда мы можем отправиться. Что толку болтать о какой-то Конзвездии? Тьфу ты, язык сломалась! Так вот, ее угловое склонение от радиана Первой Академии составляет что-то около ста десяти – ста двадцати градусов. Никак не восемьдесят.

– Послушайте, но ведь, кроме того, в записях мелькает еще такое определение места, как «конец звезд».

– Такого астрографического понятия не существует.

– Ну конечно. Так и было задумано! А теперь вслушайтесь в звучание: «Конзвездия»... Ни о чем не говорит?

– Ну что-то вроде бы есть. Нет, несерьезно.

– А вы там были когда-нибудь?

– Не припомню.

– Однако в ваших записях это название упомянуто.

– Где? Ах да. Но это только потому, что там можно было запастись водой и продовольствием. Ничего исключительного в этом мире не было.

– А вы приземлялись на главной планете? Там, где резиденция правительства?

– Не могу сказать с уверенностью.

Ченнис погрузился в раздумья под холодным взглядом своего спутника. Наконец он изрек:

– Не откажетесь взглянуть вместе со мной на «Линзу»?

– Как вам будет угодно.

«Линза» была новейшим изобретением, которым были оборудованы крейсера тех времен. Фактически это была сложнейшая вычислительная машина, способная выдавать на экране воспроизведение картины ночного неба, видимой из любой точки Галактики.

Ченнис установил на пульте координатные точки. Свет погас. В красноватых отблесках огоньков, горевших на панели пульта, лицо Ченниса выглядело довольно-таки злое. Притчер уселся в кресло пилота, вытянув длинные ноги. Его лица в полумраке кабины видно не было.

Медленно, одна за другой, на экране стали появляться светящиеся точки. Постепенно они становились все ярче. На экране возник участок населенных звездных скоплений центра Галактики.

– Это, – объяснил Ченнис, – зимнее ночное небо, видимое с Трентора. Это, кстати, на мой

взгляд, важнейшая деталь, до сих пор не учитывавшаяся в ваших поисках. Всякая разумная ориентация должна принимать за точку отсчета Трентор. Трентор был столицей Галактической Империи. Гораздо больше – с научной и культурной точки зрения, чем с политической. Поэтому значение любого названия должно в девяти из десяти случаев выводиться с учетом расположения Трентора. Вспомните в этой связи, что Селдон родился на Геликоне, то есть ближе к Периферии, но группа его работала на Тренторе.

– Что вы мне пытаетесь доказать?

Ледяной голос Притчера показывал, что он всеми силами старается противостоять горячему энтузиазму собеседника.

– «Линза» докажет все за меня. Видите ту темную туманность?

Тень от его руки упала на экран. Указательный палец остановился на крошечном темном пятнышке, казавшемся дырочкой в расшитой звездами ткани.

– В астрографии она называется туманностью Пелло. Смотрите внимательно. Сейчас я увеличу изображение.

Притчер, затаив дыхание, смотрел, как на его глазах растет изображение на экране. Это напоминало картину, возникшую бы на иллюминаторе кругового обзора, если представить, что корабль несется на сумасшедшей скорости по переполненной звездами Галактике, но при этом и не думает входить в подпространство. Звезды летели на них как бы из общего центра, расходились в стороны и исчезали за краем экрана. Какие-то точки раздваивались, превращались в сферы. Туманные пятнышки делились на мириарды точек. И все время сохранялась полная иллюзия движения.

Ченнис комментировал:

– Как видите, мы движемся по прямой от Трентора к туманности Пелло – как бы продолжая линию взгляда, направленного туда с Трентора. Вероятно, небольшая погрешность тут есть, если учитывать гравитационное отклонение света, которое я математически не рассчитывал, но уверен, оно невелико.

Тьма заполняла экран. Скорость увеличения изображения падала, и звезды со всех четырех краев экрана посылали последний прощальный свет. Туманность росла на глазах. Ее обрамляли сверкающие скопления звезд, внезапный резкий свет которых говорил о том, что они просто раньше были скрыты за бесчисленными темными фрагментами атомов натрия и кальция, заполнявшими кубические парсеки пространства.

Тень от руки Ченниса снова легла на экран.

– Населявшие этот участок пространства вот это местечко называли «Пастью». Это очень важно, потому что только с Трентора оно действительно выглядит похожим на пасть.

То, на что он показывал, представляло собой просвет в теле туманности, очерченный в форме извилистой, усмехающейся пасти в профиль, подчеркнутый ярким, величественным сиянием звезд, наполнявших его.

– Следуйте взглядом вдоль «Пасти». Видите – дальше она сужается, переходит как бы в «пищевод», что ли – вот в эту тоненькую ниточку света.

Изображение на экране вновь увеличилось и продолжала увеличиваться до тех пор, пока темная туманность, окружавшая «Пасть», не заняла весь экран, – только тонкая световая ниточка тянулась по ней, и указательный палец Ченниса безмолвно следовал по ней к тому месту, где она обрывалась, – к точке, где мерцала одна-единственная, последняя звезда. Здесь его палец остановился. Дальше была только темнота, мрачная, мертвенная темнота.

– «Конец звезд», – просто сказал молодой человек. – Ткань туманности в этом месте тонка – свет одной-единственной звезды проникает сквозь нее, посылая лучи в одном-единственном направлении – к Трентору.

– Вы хотите сказать, что... – начал генерал и замолчал, пораженный собственной догадкой.

– Да не хочу сказать, а так вот прямо и говорю: «Конец звезд» – Конзвездия.

Вспыхнул свет. Звезды на экране померкли. В три шага Притчер оказался рядом с Ченнисом.

– Как вы до этого додумались?

Ченнис откинулся на спинку кресла. На лице его играла самодовольная улыбка.

– Совершенно случайно! Конечно, мне было бы приятнее сообщить вам, что это – плод напряженного умственного труда, но на самом деле вышло все абсолютно случайно. Однако как бы то ни было, все сходится. Судя по нашим справочникам, Конзвездия является олигархией. Она правит двадцатью семью обитаемыми планетами. В научном отношении – полный ноль. И самое главное – это мир, который придерживается строжайшего нейтралитета в местной политике этого региона и не проводит никакой экспансии. Думаю, стоит взглянуть на них поближе.

– А Мулу вы об этом сообщили?

– Нет. И не собираюсь. Мы уже в космосе и вот-вот совершим первый прыжок.

Притчер, не веря собственным ушам, бросился к пульту видового иллюминатора. Когда он отладил изображение, глаза его встретились с холодной пустотой пространства. Он, не отрываясь, смотрел перед собой несколько мгновений, потом обернулся. Рука его автоматически легла на тяжелый, удобный, привычный приклад бластера.

– По чьему приказу?

– По моему приказу, генерал, – как ни в чем не бывало ответил Ченнис, впервые обратившись к спутнику, упомянув его звание. – Пока мы с вами тут беседовали, вы, вероятно, увлеклись и не почувствовали ускорения, поскольку в этот момент я как раз увеличил изображение на экране «Линзы», и вы, конечно же, приняли это за иллюзию, кажущееся передвижение меж звезд.

– Ну и чего вы добиваетесь? К чему был тогда весь этот треп насчет Конзвездии?

– Никакого треп. Все совершенно серьезно. Именно туда мы и отправляемся. Мы стартовали сегодня, потому что до старта оставалось целых три дня. Генерал, вы не верите во Вторую Академию, а я верю. Вы просто, не веря ни во что, слепо выполняете приказы Мула. Я же чувствую серьезную опасность. У Второй Академии было пять лет на приготовления. Насколько они подготовились, я не знаю, но что если у них были агенты в Калгане? Если бы я разгуливал там, нося в мозгу догадку о том, где находится Вторая Академия, они запросто могли бы это обнаружить. Тогда моя жизнь повисла бы на волоске, а я, признаться, ею очень дорожу. Вероятность такого стечения обстоятельств, возможно, мизерна, но я все-таки предпочел не рисковать. Поэтому в итоге о Конзвездии не знает никто, кроме вас, а вы узнали об этом тогда, когда мы были уже в космосе.

Ченнис иронично улыбнулся, всем своим видом показывая, что ему приятно чувствовать себя хозяином положения.

Рука Притчера сползла с приклада бластера. На какое-то мгновение его охватило чувство неловкости. Почему же он ничего не сделал? Что ему мешало? Что сдерживало его? Ведь было время, когда он был мятежным, непокорным капитаном в коммерческой империи, созданной Первой Академией. Тогда-то уж точно скорее он, чем Ченнис, предпринял бы такую смелую, дерзкую акцию. Неужели Мул прав? Неужели его разум настолько подчинен, что утратил всякую инициативу? Отчаяние все сильнее охватывало его, наваливалась страшная, непривычная усталость.

Справившись с собой, он сказал:

– Отлично сработано. Тем не менее попрошу вас на будущее консультироваться со мной при принятии подобных решений.

Не успел он произнести последнее слово, как замигала сигнальная лампочка.

– Это из двигательного отсека, – небрежно сообщил Ченнис. – У них была объявлена пятиминутная готовность, и я попросил их дать мне знать, если что-то будет не в порядке. Останетесь здесь – держать оборону?

Притчер кивнул. «Мне скоро пятьдесят», – с горечью признался он сам себе. На экране обзора мерцали редкие звезды. В тумане виднелся край Галактики.

Если бы только он был свободен от Мула!

Но от этой мысли у него по спине забежали мурашки...

Главный инженер Хакслейни бросил неприязненный взгляд на молодого, одетого в гражданское человека, который вел себя так, будто был офицером флота, и держался так, что все должны были ему повиноваться. Хакслейни, помнивший себя на службе в регулярных войсках с тех пор, когда у него еще молоко на губах не обсохло, привык к субординации совершенно определенного рода.

Но этого человека назначил Мул, а за Мулом было последнее слово. И в этом случае – единственное. Даже подсознательно у Хакслейни не возникало никакого протеста. Эмоциональный контроль работал четко.

Не сказав ни слова, он протянул Ченнису маленький яйцообразный предмет.

Ченнис взял его и ободряюще улыбнулся:

– Вы из Академии, не так ли?

– Да, сэр. Я служил во флоте Академии восемнадцать лет к тому времени, как к власти пришел Первый Гражданин.

– Какое образование вы получили в Академии?

– Я инженер-технолог Первого Класса. Учился в Центральной Школе Анакреона.

– Недурно. Это вы нашли в коммуникационном блоке, как я и предполагал?

– Да, сэр.

– Эта штука и должна там находиться?

– Нет, сэр.

– Тогда что это такое?

– Гипертрейсер, сэр.

– Непонятно. Я ведь не из Академии. Поясните.

– Это – устройство, позволяющее следить за кораблем через гиперпространство.

– Иначе говоря, за нами можно следить, где бы мы ни находились?

– Да, сэр.

– Отлично. Новейшее изобретение, судя по всему? Не иначе как придумано в каком-нибудь из исследовательских институтов, созданных Первым Гражданином?

– Скорее всего, сэр.

– Принцип его действия – государственная тайна. Так?

– Думаю, да, сэр.

– И тем не менее – вот он. Забавно.

Ченнис повертел гипертрейсер в руках и резко протянул его инженеру.

– Тогда вот что. Возьмите его и положите туда, где нашли. На то самое место. Ясно? И забудьте об этом. Навсегда!

Главный инженер автоматически отдал честь, резко повернулся и вышел.

Корабль несся через Галактику. Курс его на символической карте представлял собой широкую пунктирную линию. Черточки означали расстояния примерно в шестьдесят световых секунд, преодолеваемых в обычном пространстве, а расстояния между ними составляли более ста световых лет. Это были прыжки через гиперпространство.

Бейл Ченнис сидел у контрольной панели «Линзы» и в очередной раз восхищался совершенством ее конструкции. Он был не из Академии, и для него осознание взаимодействия сил, происходившего после нажатия очередной кнопки или поворота рычажка, не было так уж привычно.

«Линза» и для бывалого человека из Академии, честно говоря, не была проста и понятна. Внутри ее невероятно компактного корпуса помещалось невероятное количество электронных блоков, необходимых для точного размещения сотен миллионов звезд на соответствующем расстоянии друг от друга. И как будто одно это само по себе не было величайшим достижением, «Линза», кроме того, была способна осуществлять вращение картины любой части галактического поля в трех измерениях или вокруг центра.

Именно поэтому «Линза» произвела настоящую революцию в космической навигации. В прежние времена межзвездных странствий расчет каждого прыжка заключался в колоссальном объеме работы, занимавшей дни и недели, – и большая часть этого труда состояла в более или

менее точном расчете «положения корабля» на масштабной модели Галактики. Фактически это означало ориентацию относительно как минимум трех далеко отстоящих друг от друга звезд, положение которых относительно произвольно избранного галактического тройственного нуля было известно.

Но именно понятие «известно» и было в некотором смысле ловушкой. Для всякого, кто хорошо знает звездное поле от одной определенной точки отсчета, ясно, что звезды так же неповторимы, как люди. Прыгните на десяток парсеков, и даже ваше собственное солнце станет неузнаваемым. Оно может даже оказаться невидимым.

Ответ на эти вопросы дал, безусловно, спектроскопический анализ. В течение веков главной задачей межзвездной инженерии был анализ «световых позывных» все большего и большего числа звезд во все более и более тонких подробностях. Учитывая это, а также и все возрастающую точность прыжков самих по себе, были разработаны стандартные маршруты передвижения по Галактике, и межзвездные путешествия стали в большей степени наукой, чем искусством.

И тем не менее даже во времена расцвета Академии, когда было достигнуто совершенство конструкций вычислительной техники, был разработан новейший метод механического сканирования звездных полей для известных «световых позывных»; иногда уходили целые дни на то, чтобы определить координаты трех звезд, а затем рассчитать координаты регионов Галактики, до того пилоту неизвестных.

«Линза» стала устройством, коренным образом изменившим положение дел. Во-первых, для всех расчетов «Линзе» требовались координаты одной-единственной звезды. Во-вторых, с ней запросто мог управляться даже такой дилетант в вопросах космоплавания, как Ченнис.

Ближайшей звездой в тот момент была Винцетори – в соответствии с данными расчета прыжка. В центре видеозэкрана горела яркая звезда. Ченнис очень надеялся, что это была Винцетори.

Экран «Линзы» принял информацию с экрана обзора, и Ченнис старательно набрал на пульте координаты Винцетори. Нажал кнопку, и звездное поле ярко засветилось на экране. В центре экрана обозначилась звезда, горевшая ярче других, но это еще ни о чем не говорило. Рядом была другая. Ченнис сфокусировал экран по оси Z, увеличил изображение и отладил фотометр, чтобы обе звезды стали одинаковой яркости.

Ченнис поглядел на вторую звезду, тоже довольно яркую, на экране обзора и нашел соответствующую ей на экране «Линзы». Медленно развернул изображение на экране «Линзы» под соответствующим углом. Скривил рот в недовольной усмешке – результат его явно не устроил. Снова развернул изображение – оценил расположение второй яркой звезды, потом – на всякий случай – еще одной. Довольно улыбнулся. Все сходилось. Возможно, специалисту, искусному в астронавигации, хватило бы и одной попытки. Ему понадобилось три.

Итак, наводка осуществлена. После окончательной операции поля наложились друг на друга. При этом многие звезды как бы двоились. Но коррекция паводки не отняла много времени. Сдвоенные звезды соединились, осталось одно поле, и «положение корабля» можно было спокойно считать на табло. Вся процедура заняла не более получаса.

Ченнис нашел Притчера в его каюте. Генерал явно собирался спать. Не вставая с кушетки, он поднял взгляд на Ченниса.

– Новости?

– Да нет, ничего особенного. Еще один прыжок, и мы в Конзвездии.

– Знаю.

– Вы собрались отдохнуть, и мне не хотелось бы вам надоедать. Я только хотел спросить: вы просмотрели пленку, которую мы добыли в Циле?

Хэн Притчер бросил угрюмый взгляд на предмет разговора – пленка в черном футляре лежала на нижней полке книжного шкафа.

– Да.

– Ну и что скажете?

– Скажу, что, если когда-либо в истории и существовала какая-нибудь наука, в этой части Галактики она напрочь забыта.

Ченнис широко улыбнулся:

– Понятно. Мартышкин труд, хотите сказать?

– Ну, в общем, да, если только вы не любитель почитывать на досуге жизнеописания правителей. Информация ненадежна по двум причинам, я бы сказал. Там, где история занимается в основном ролью отдельных личностей, черное становится белым, а белое – черным в зависимости от склонностей автора. Я считаю, что такое чтение абсолютно бесполезно.

– Однако там есть упоминание о Конзвездии. Именно поэтому я и передал вам пленку. Это, кстати, единственный материал, где я нашел хоть что-то о ней.

– Да, конечно. Там говорится, что у них бывали хорошие правители, а бывали и плохие, что они завоевали сколько-то планет, выиграли сколько-то сражений, сколько-то проиграли, – проиграли, естественно, меньше, чем выиграли. Ничего конкретного. Короче говоря, Ченнис, ваша теория меня не слишком впечатляет.

– Но вы кое-что упустили. Вы не обратили внимания на то, что у них никогда не образовывались коалиции? Они все время оставались как бы вне политики этого уголка Галактики. Как вы сказали, они захватили несколько планет, но потом прекратили завоевания – и это произошло в отсутствие каких-либо драматических поражений или их последствий. Как будто они распространили свое влияние достаточно для того, что-бы суметь защитить себя, но недостаточно для того, чтобы привлекать к себе внимание.

– Прекрасно, – последовал равнодушный ответ. – Я не возражаю против посадки. В худшем случае – небольшая потеря времени.

– О нет. В худшем случае – полное поражение. Если это все-таки Вторая Академия. Не забывайте, что это может быть мир, в котором черт знает сколько Мулов.

– И какие же у вас планы?

– Высадиться на какой-нибудь второстепенной планете. Разузнать как можно больше о Конзвездии, а потом – импровизировать.

– Нормально. Возражений нет. А теперь, если не возражаете, мне бы хотелось выключить свет.

Ченнис исчез в двери, помахав рукой на прощание. В темноте крошечной каютки, на островке из движущегося металла, затерянном в бесконечности пространства, генерал Хэн Притчер тщетно пытался уснуть – он думал, думал, думал...

Все-таки уму непостижимо. Если все, к чему он так болезненно пришел, было правдой... но факты начинали сходиться... значит, Конзвездия – действительно Вторая Академия... Выхода не было. Но как? Как?

Неужели это действительно Конзвездия? Самый обычный мир? В котором нет ничего выдающегося? Хижина на руинах Империи? Обломок среди груды хлама? Он помнил, очень смутно, отдаленно, сморщенное лицо Мула, его тихий голос, рассказывающий о психологе из Первой Академии, Эблинге Мисе, единственном человеке, который – может быть – узнал тайну Второй Академии.

Притчер вспомнил о том, с каким значением Мул произносил фразы типа: «Было такое впечатление, что Мис был просто поражен, потрясен тем, что он узнал. Что-то он узнал о Второй Академии, что превзошло все его ожидания, повернуло его мысли в абсолютно противоположном направлении. Если бы я мог прочесть его мысли так, как мог читать эмоции! Однако его эмоции были в обычном состоянии – только вот это его удивление!»

Ключом ко всему было удивление. Что-то там было такое потрясающее! А теперь вот – откуда ни возьмись появился этот мальчишка, этот вечно улыбающийся сосунок, с превеликой легкостью рассуждающий о Конзвездии, о ее незаметной аномальности... Но он, скорее всего, прав. *Скорее всего.* Иначе все остальное лишено смысла.

Последняя мысль Притчера перед тем, как он наконец заснул, была окрашена самодовольным злорадством. Гипертрейсер был на месте – лежал на субэфирной трубке. Час назад он проверил, там ли он. Ченниса в это время поблизости не было.

Вторая интерлюдия

Это была случайная встреча в кулуарах приемной Палаты Совета. До начала заседания оставалось всего несколько минут. Двое встретившихся быстро обменялись мыслями.

– Значит, Мул уже в пути.

– Я тоже слышал. Рискованно. Очень рискованно.

– Не сказал бы, чтобы события укладывались в рамки рассчитанных функций.

– Мул – неординарный человек, и против него трудно действовать даже его оружием. Да, тяжело иметь дело с контролируемыми умами Говорят, он засек несколько случаев.

– Да, и я не представляю, как этого избежать.

– С «необработанными» легче. Но таких очень мало среди людей, занимающих при нем важные посты.

Двое вошли в Палату. Остальные сотрудники Второй Академии последовали за ними.

Глава третья Двое плюс крестьянин

Россем – один из тех пограничных миров, которым традиционно не уделялось особого внимания в истории Галактики. Живущие здесь редко принимали гостей из менее забытых Богом миров.

В те дни, когда Галактическая Империя доживала свой век, здесь отбывали ссылку несколько политических преступников. Только обсерватория да небольшой флотский гарнизон делали планету не совсем необитаемой. Позднее, в тяжкие дни сражений, еще до рождения Гэри Селдона, более слабые духом люди, уставшие за десятилетия непрерывной опасности и страха, изможденные жизнью на истощенных планетах в условиях призрачной смены эфемерных императоров, локтями пробивавших себе дорогу к трону, чтобы воссесть на нем на пару-тройку порочных и бесплодных лет, покидали населенные центры, чтобы найти приют в менее заброшенных уголках Галактики.

На открытых всем ветрам пустошах Россема там и сям были разбросаны сырые деревушки. Солнце Россема – крошечный красный карлик, тепла которого едва хватало для него самого. Девять месяцев в году здесь шел снег. Тощие зерна местных злаков тоскливо дремали в земле все эти месяцы напролет. Когда снег таял, они начинали расти с панической быстротой в те короткие месяцы, когда солнце лениво поднимало температуру примерно до пятидесяти градусов.

Маленькие, напоминавшие коз животные паслись на чахлых лугах, разбивая снег крошечными копытцами, оставлявшими следы, похожие на трилистник клевера.

У живущих на Россеме была, следовательно, пища – хлеб и молоко. А когда они позволяли себе забить животное – то и мясо. Мрачные, зловещие леса, занимавшие примерно половину экваториальной области, давали прочное, твердое дерево для постройки домов. Это дерево, кое-какие меха и полезные ископаемые были предметами экспорта, и время от времени на Россем навывались корабли из Империи, доставлявшие в обмен сельскохозяйственное оборудование, атомные обогреватели и даже телевизоры. Последние отнюдь не были роскошью, поскольку помогали крестьянам скоротать долгие, нудные зимы.

Имперская история пролетала мимо россемских крестьян. Новости они узнавали только от вечно куда-то торопившихся торговцев. Иногда прибывали новые партии ссыльных. Как-то сюда выслали довольно большую партию, которая так и осела на Россеме навсегда.

Вот тогда-то россемиты и узнали о том, что идут сражения за сражениями, об исчезнувших поколениях, о смене императоров-тиранов, о мятежах вице-королей. Они вздыхали, качали головами, поднимали повыше меховые воротники и задумчиво чесали длинные бороды, посиживая на деревенских площадях под тусклыми лучами ленивого солнца и рассуждая о бренности всего сущего.

Потом перестали прилетать и торговые корабли и жизнь стала еще трудней. Прекратились поставки деликатесов, табака, машин. Те, у кого были телевизоры, сообщали остальным отрывочные, но весьма тревожные новости. В конце концов все узнали о том, что пал Трентор.

Великая столичная планета Галактики, великолепный, многоэтажный, недоступный, несравненный мир, колыбель императоров, была разрушена, превращена в руины.

В это было трудно, невозможно поверить, и для многих крестьян на Россеме, ковырявших мерзлую землю своих полей, это означало начало конца Галактики.

И вдруг, в один прекрасный день, снова прилетел корабль. Старики во всех деревнях мудро закивали головами и зашептали друг другу, что вот так оно и было во времена их отцов, – но на самом деле все было совсем не так.

Корабль был не имперский. На его обшивке не было старинной эмблемы Империи – «Звездолет и Солнце». Это было довольно-таки корявое сооружение, собранное из остатков старых кораблей, а люди, прилетевшие на этом корабле, называли себя солдатами из Конзвездии.

Крестьяне недоумевали. Они сроду не слыхали ни о какой Конзвездии, но тем не менее приветствовали солдат с традиционным гостеприимством. Прибывшие подробно расспрашивали их о планете. Их интересовало, каково население, сколько городов – крестьяне объясняли, что городов у них нет, только деревни, и это очень удивило прибывших, – какая у них промышленность, ну и так далее.

Потом прилетели и другие корабли, и повсюду на стенах появились прокламации, извещавшие о том, что отныне правящим миром является Конзвездия, что в районе экватора – то есть в самом густонаселенном – будут организованы пункты сбора налогов и что туда следует сдавать определенный процент сбора урожая и мехов ежегодно.

Россемиты читали прокламации и молча моргали, не понимая значения слова «налоги». Когда же настало время сбора налогов, одни их уплатили, а другие – нет, поскольку якобы ничего не знали, не ведали. Сборщики налогов грузили зерно и шкурки на широкие, приземистые грузовики.

Тут и там недовольные крестьяне стали собираться в группы и доставали на свет божий древнее охотничье оружие – но это так ничем и не кончилось. Они поворчали и разошлись по домам, когда стали прибывать все новые и новые солдаты из Конзвездии и сборщики налогов, и жизнь их, и без того тяжелая, становилась все тяжелее и тяжелее.

Были установлены новые порядки. Губернатор из Конзвездии окопался в деревушке Джентри, из которой незамедлительно были выселены все россемиты. Он и его приспешники были призрачными пришельцами из другого мира, редко ступавшими в места обитания аборигенов. Сборщики налогов, которые теперь назначались из местных, периодически появлялись в деревнях, но к ним уже успели привыкнуть, и крестьяне научились вовремя прятать зерно и угонять скот в леса и создавать в своих домах обстановку, далекую от процветания. Крестьяне со скучающими, невыразительными физиономиями выслушивали резкие вопросы и разводили руками – вот, дескать, все что есть, не взыщите.

Они добились-таки своего. Налоги были снижены, как будто Конзвездия особо и не ждала ничего от этого нищего мира. Жители Россема больше не получали взамен красивых блестящих приспособлений времен Империи, но все-таки даже конзвездианская пища и конзвездианские машины были лучше их собственных. Кроме того, конзвездианцы привозили кое-какие платья для женщин, сшитые из ткани красивее, чем серое домотканое рядно, что было весьма немаловажно.

А галактическая история снова потекла мимо, и крестьяне продолжали борьбу за жизнь, ковыряя почти бесплодную землю Россема.

Выйдя на порог своего домика, Нарови выдохнул облачко пара. Густая борода его сразу покрылась инеем. Первый снег укрыл замороженную землю, небо было грязно-розового цвета. Он внимательно поглядел вверх и решил, что, пожалуй, сильного ветра сегодня не будет. Это означало, что он может спокойно отправиться в Джентри и обменять там излишки зерна на нужное количество консервированных продуктов, чтобы как-то протянуть зиму.

Он прорычал в щелку приотворенной двери:

– Горючее в бак залил, олух?

В ответ ему крикнули что-то неразборчивое, и на пороге появился старший сын Нарови, у которого только-только начала пробиваться рыжеватая борода. Физиономия у него была совсем мальчишеская.

– Машина заправлена, – сонным голосом сообщил он отцу. – И ездит ничего себе. Только оси маленько барахлят. Но тут уж я не виноват. Я же говорил, нужно показать тому, кто разбирается.

Старик отступил немного назад и угрюмо смерил сына с головы до ног суровым взглядом, выставив вперед мохнатый подбородок.

– Не ты виноват, а кто – я, что ли? Откуда взять того, кто разбирается? На какие шиши? Или мы пять лет подряд не собирали урожай – курам на смех? Или чума не покосила половину скота? Или шкурки облезли сами собой?

– Нарови! – прервал речь старика женский голос из дома.

– Ну-ну, – пробурчал старик, – сейчас твоя матушка будет вмешиваться в мужской разговор. Выведи машину да посмотри, чтобы прицеп был закреплен как следует!

Он сложил на груди руки в теплых перчатках и еще раз взглянул па небо. Начали собираться грязноватые кучевые облака. Солнце скрылось за ними.

Он готов был уже опустить взгляд, как вдруг заметил нечто заставившее его широко раскрыть рот. Опомившись, он заорал во всю глотку:

– Жена! Старуха! Да поди же сюда!

В окне появилось заспанное лицо. Взгляд женщины устремился туда, куда показывал палец супруга. Разразившись испуганным воплем, она выскочила из дома и сбежала по ступенькам крыльца, на ходу кутаясь в старое одеяло. Натянув его на нечесаную седую голову она остановилась рядом с мужем.

– Корабль, – хрипло проговорила она. – Корабль издалека.

Нарови сердито буркнул:

– А что же еще? Гости к нам пожаловали, старуха, гости!

Корабль медленно опускался на голое мерзлое поле на северной окраине владений Нарови.

– Но что же нам делать-то? – вздохнула старуха. – Разве мы можем оказать гостеприимство этим людям? Разве мы можем уложить их спать на грязный пол в нашей хижине и угостить их остатками пирога, испеченного на прошлой неделе?

– А что же, прикажешь к соседям их отправлять? Ну уж нет...

Нарови потер зарумянившиеся от мороза щеки рукавом меховой куртки и обнял плечи жены.

– Дорогая моя супружница, – промурлыкал он ласково, – пойдика принеси вниз два стульчика из нашей комнаты, зажарь молодого козленка да приготовь свежий пирог. А я пойду и встречу этих могущественных пришельцев издалека, и... и... – Тут он замолчал, натянул поглубже лохматую шапку и торопливо добавил: – Да не забудь принести из погреба кувшин пивка. Очень способствует душевной беседе.

Пока муж говорил, губы старухи беззвучно двигались. Она так ничего и не сказала, только горько вздохнула. Нарови многозначительно поднял указательный палец:

– Старуха, да ты вспомни, что когда-то говорили наши Старейшины? Ну? Пошевели мозгами-то! Старейшины ходили из деревни в деревню – сами! Ты только покумекай, как это важно! Они сами просили нас, чтобы мы, ежели откуда ни возьмись прилетит хоть какой ни на есть корабль, немедленно сообщили об этом Старейшинам – это же приказ самого Губернатора!

Так что же мне теперь, упускать такой случай выслужиться перед властями? Ты разуй глаза-то, на корабль погляди! Ты когда-нибудь такой видала? Эти люди из другого мира наверняка великие и богатые. Сам Губернатор отдал приказ насчет таких, как они, сами Старейшины ходят с фермы на ферму, хотя уже здорово похолодало. Наверно, по всему Россему знают, что этих людей хотят видеть правители Конзвездии, – а они приземляются не где-нибудь, а прямехонько на моей ферме! Соображаешь, старуха?

Он был так возбужден, что чуть не прыгал на месте.

– Так что, как я сказал, так и сделаем – окажем им соответствующее гостеприимство – а

потом... мое имя узнает сам Губернатор – и... чем черт не шутит?!

Жена наконец почувствовала, что на улице довольно-таки холодно. Зябко кутаясь в тонкое, ветхое одеяло, шаркая шлепанцами, она побрела к двери, на самом пороге обернулась и крикнула через плечо:

– Раз так, поторапливайся!

А Нарови уже во всю прыть неся на своей выдавшей виды колыхаге по направлению к приземлившемуся кораблю...

На генерала Притчера ни холод незнакомой планеты, ни ее суровые, пустынные небеса угнетающего впечатления не произвели. Ничуть его не взволновали ни нищета его обитателей, ни сам вспотевший от усердия хозяин.

Его волновало одно: хитрость их тактики. Ведь они с Ченнисом были туг совсем одни.

Корабль они оставили на орбите, что в обычных обстоятельствах означало бы гарантию безопасности, но тут он чувствовал себя не слишком уверенно, поскольку за все, что было связано с кораблем, отвечал Ченнис. Он украдкой взглянул на молодого красавца. Тот любезно улыбался пожилой женщине, появившейся в этот момент в дверном проеме, завешенном драной шкурой.

Да, Ченнис, напротив, вел себя исключительно непринужденно. Это слегка успокоило Притчера. Игра пока шла как будто не так, как задумал Ченнис. Но они все-таки могли держать связь с кораблем с помощью миниатюрных раций, пристегнутых на запястье.

Хозяин неправдоподобно широко улыбнулся, закивал головой и сказал голосом подобострастно-масленным:

– Благородные Господа, с превеликой радостью я сообщаю вам о том, что мой старший сын, которому наша нищета не позволяет получить достойное его ума и способностей образование, сообщил мне, что скоро сюда придут Старейшины. Я надеюсь, что ваше пребывание у меня было приятным, насколько позволяет судить мой слабый ум – ведь я всего лишь презренный нищий фермер, хотя и работаю в поте лица. Но я честный человек – это вам тут всякий скажет, и я сделал для вас все, что было в моих силах.

– Старейшины? – спросил Ченнис непринужденно. – Это люди, управляющие здешней областью?

– Да, да, Благородные Господа! Они – честные, достойные люди – все, все. И скажу не без гордости – наша деревня всему Россеу известна своей добропорядочностью и честностью, хотя жизнь тут у нас тяжелая, и урожаи плохие, и леса скудные. Может быть, вы не откажетесь намереть Старейшинам, Благородные Господа, о том, что я вас принял как подобает, – тогда я смог бы попросить у них новую машину, фургончик для фермы – вы же сами видели мою развалюху. А без машины, сами понимаете – как без рук.

Он заискивающе поглядывал по очереди на гостей, и Хэн Притчер благосклонно кивнул в ответ – со всей торжественностью, которую на него накладывала роль «Благородного Господина».

– Безусловно, мы расскажем вашим Старейшинам о вашем гостеприимстве.

На некоторое время они остались наедине с Ченнисом, и Притчер воспользовался этим. Он шепнул полусонному от еды и выпивки спутнику:

– Что-то я не в восторге от этой затеи со Старейшинами. А вы? Вы-то что думаете?

Ченнис, казалось, был искренне удивлен подозрительностью Притчера.

– Ничего не думаю. А вы что так разволновались? У нас тут есть дела поважнее, чем излишняя подозрительность.

Ченнис быстро, монотонно проговорил:

– Позднее, позднее подозрительность нам не повредит. Людей, которые нам нужны, Притчер, мы не найдем, наугад шаря рукой в мешке. Люди, которые правят силой разума, вовсе не обязательно на вид должны казаться сильными и могучими. Во-первых, психологи из Второй Академии, скорее всего, составляют небольшую часть здешнего населения – точно так же, как в вашей собственной Первой Академии инженеры и ученые составляли меньшинство. А обычное население – оно и должно так выглядеть – обычное, подчеркиваю. Психологи, скорее

всего, здорово скрываются. А те, кто с виду тут правит, могут честно и откровенно полагать, что правят именно они. И задача наша может быть решена именно здесь, на этом мерзком клочке заброшенной планеты.

– Не вижу никакой логики.

– Господи, да пошевелите вы мозгами, это же чертовски очевидно! Конзвездия, вероятно, представляет собой довольно обширный мир, населенный миллионами, сотнями миллионов людей. Как мы можем определить, кто из них психологи, и с полной ответственностью сообщить Мулу, что мы нашли Вторую Академию? Только здесь, на этой крошечной планете – крестьянской, поработанной, все конзвездианские правители, как сообщил наш гостеприимный хозяин, сконцентрированы в одной-единственной деревеньке под названием Джентри. Их тут всего-навсего, наверное, тысяча наберется, и среди них наверняка должен быть хоть один – а может, и не один представитель Второй Академии. Туда мы непременно отправимся, а пока давайте встретимся со Старейшинами – это абсолютно логичный шаг.

Они слегка отодвинулись друг от друга, как только на пороге комнаты появился заметно взволнованный хозяин.

– Благородные Господа, Старейшины приближаются. Я позволю себе еще раз нижайше просить вас замолвить обо мне словечко.

Кланяясь, он согнулся пополам.

– Конечно, конечно, замолвим, – заверил Ченнис. – Это и есть ваши Старейшины?

Скорее всего, это они и были. Их было трое. Один подошел поближе. Торжественно кивнул и сказал:

– Мы польщены оказанной нам честью. Благородные Господа, машина ждет вас. Вы окажете нам еще большую честь, если согласитесь встретиться с нами в Зале Встреч.

Третья интерлюдия

Первый Оратор задумчиво глядел на ночное небо. Легкие облака неслись куда-то вдаль мимо бесчисленных звездных скоплений. Странной враждебностью веяло от небес. Они и никогда не были слишком дружелюбны, но теперь в их глубинах таилось странное создание – Мул, и от этого небеса казались еще более неприятно пугающими и темными.

Заседание окончилось. Оно получилось коротким. Были высказаны кое-какие сомнения, возникли кое-какие вопросы, связанные со сложностью математических выкладок проблемы воздействия на мутанта с неограниченными психологическими способностями. Должны были быть учтены все крайние пермутации.

И все-таки – все ли они учли? Могли ли они быть спокойны? Где-то там, далеко, но не так уж недостижимо далеко, по современным понятиям о скорости, был Мул. Что он собирался делать?

С его людьми особых проблем не было. Они среагировали и продолжали реагировать в соответствии с Планом.

Но сам Мул?

Глава четвертая Двое плюс старейшины

Старейшины в этом районе Россема были какие-то нетипичные. Они не производили впечатления людей некрестьянского происхождения, не казались ни более старыми, ни менее дружелюбными.

Подчеркнутое достоинство, с которым они повели себя в начале встречи с чужестранцами, постепенно возрастало, и в конце концов в их поведении, кроме этого достоинства, ничего не осталось.

Они сидели вокруг овального стола – задумчивые и медлительные мудрецы. Некоторые из них действительно были преклонного возраста, однако у бородатых бороды были коротко и аккуратно подстрижены. Довольно многие между тем выглядели моложе сорока, из чего можно

было сделать вывод, что звание «Старейшины» скорее подчеркивало не возраст, а некое уважительное отношение.

После скромной трапезы и обмена приветственными речами, произнесенными со стороны хозяев двумя, видимо, наиболее уважаемыми из Старейшин, собрание перешло к неофициальной беседе.

Складывалось впечатление, что Старейшинам просто-таки невтерпех поскорее покончить с формальной частью и дать волю естественному любопытству и дружелюбию.

Они подсели поближе к гостям, и вопросы посыпались как из рога изобилия.

Их интересовало буквально все: трудно ли управлять кораблем, сколько для этого нужно человек, можно ли усовершенствовать моторы их автомобилей, идет ли в других странах снег, как в Конзвездии, сколько народу живет в их мире, так ли он велик, как Конзвездия, далеко ли он, из чего сшита их одежда и почему у нее металлический отлив, почему они не одеваются в меха, каждый ли день они бреются, какой камень вставлен в перстень Притчсра – и так далее и тому подобное.

Почти все вопросы адресовались Притчеру – видимо, судя по возрасту, они наделили его большими полномочиями. Притчер с удивлением замечал, что его ответы становятся все более пространными. Он чувствовал себя окруженным толпой любопытных детей. Его ответы вызывали у них неподдельное удивление и новые вспышки жаркого интереса. Трудно было не откликнуться.

Притчер объяснял, что кораблем управлять несложно и что состав команды зависит от размеров корабля – может быть один пилот, а может быть и много пароду; что он пока не видел, как устроены их автомобили, но что двигатели наверняка можно усовершенствовать; что климат в разных мирах разный и кое-где тоже идет снег; что в его мире живет более ста миллионов человек, но что он, конечно, не так могуч, как великая Конзвездия; что их одежда сшита из силиконового пластика, а металлический отлив у нее потому, что в ткани особым образом сориентированы поверхностные молекулы, что обеспечивает искусственный подогрев и поэтому им не нужны теплые меха; что бреются они каждый день; что в перстень его вставлен аметист. И так далее и тому подобное. Он отвечал и отвечал и, к своему удивлению, чувствовал, что ему все больше и больше нравятся эти наивные провинциалы.

Всякий раз после очередного ответа Старейшины разражались удивленными возгласами и переговаривались между собой. Понять, о чем именно они говорят, было трудно, потому что, хотя разговор и шел на универсальном общегалактическом языке, акцент был кошмарный. Видимо, язык их стал архаичным за счет долгой изоляции. То есть общий смысл их высказываний был более или менее понятен, но оттенки смысла терялись.

Наконец Ченнис не выдержал и вмешался:

– Добрые господа, позвольте же и нам спросить вас кое о чем. Мы – чужестранцы, и нам хотелось бы узнать как можно больше о Конзвездии.

Ответом ему было гробовое молчание. Все Старейшины затихли как по команде. Руки их, дотоле активно сопровождавшие их речи, застыли на коленях. Они обескураженно поглядывали друг на друга, надеясь, очевидно, что кто-нибудь заговорит первым.

Притчер мягко пояснил:

– Уверяю вас, мой друг интересуется вашей страной из самых миролюбивых побуждений. Слава Конзвездии широко известна в Галактике, и мы, несомненно, сообщим вашему Губернатору о верности и любви к нему Старейшин Россема.

Вздохов облегчения в ответ не послышалось, однако лица Старейшин немного просветлели. Один из них разгладил бороду большим и указательным пальцами, стараясь подровнять упрямые завитки, и торжественно произнес:

– Мы – верные слуги правителей Конзвездии.

Раздражение Притчера, вызванное неосторожным вопросом Ченниса, постепенно утихло. По крайней мере, он с удовлетворением отметил, что собственный возраст, о котором он недавно думал с горечью, не лишил его способности сглаживать острые углы. Опыт, как ни крути. Он продолжал:

– Проживая далеко отсюда, мы не знакомы с прошлой историей правителей Конзвездии.

Мы полагаем, что они милостиво правят здесь уже долгое время.

Ответил ему тот же Старейшина:

– Даже дед самого старого из нас не сможет припомнить времен, когда правителей из Конзвездии тут не было.

– Это были времена мира и спокойствия?

– Времена мира и спокойствия? – вскричал Старейшина и сам испугался. – Губернатор – сильный и могущественный правитель, который безжалостно накажет всякого изменника. Но никто из нас здесь не изменник.

– Вероятно, в прошлом он наказывал изменников?

Снова испуг и растерянность...

– Среди нас никогда не было изменников, так же как их не было среди наших отцов и дедов. В других мирах были, и они были осуждены на смерть. Но мы об этом не помышляем. Мы скромные, честные фермеры и не думаем о делах политики.

По его испуганным глазам было видно, как он волнуется.

Притчер мягко проговорил:

– Не могли бы вы любезно сообщить нам, как нам встретиться с Губернатором?

Старейшины были не на шутку обескуражены. Прошло довольно долгое время, и наконец Старейшина, которому выпало отвечать на неловкие вопросы, проговорил:

– А вы разве не знаете? Губернатор прибудет сюда завтра утром. Он знает о вашем прибытии. Для нас это была большая честь. Мы... очень надеемся, что вы сообщите ему о том, что мы верой и правдой служим ему.

Притчер широко улыбнулся:

– Он знает о нашем прибытии? Он ожидал нас?

Старейшина удивленно посмотрел поочередно на обоих чужестранцев:

– А как же? Мы ждали вас целую неделю!

Жилище, в котором их поселили, видимо, по россемским понятиям, считалось роскошным. Во всяком случае, Притчер видал и похуже, поэтому слишком не расстраивался. Ченнису, казалось, вообще ни до чего не было дела.

Однако между ними возникла некоторая натянутость. Притчер чувствовал, что пора принять уже какое-то более или менее определенное решение, но обстоятельства вынуждали ждать. Повидаться с Губернатором означало довести игру до опасной черты, но зато выигрыш мог вдвое повысить шансы на успех в общем зачете. Он поглядывал на Ченниса и замечал, как тот все чаще хмурится и покусывает губы. Притчер чувствовал, что игра затянулась, и всей душой желал, чтобы все поскорей закончилось.

– Похоже, нас не очень-то жалуют, – не вытерпел он.

– Да, – коротко отозвался Ченнис.

– Вот как? И вы того же мнения? Больше вам сказать нечего? Хорошенькое дельце! Мы попадаем сюда и обнаруживаем, что Губернатор, оказывается, нас ждал. Потом окажется, что в Конзвездии нас тоже ожидают – ждут не дождутся. Что же толку от всей нашей миссии?

– Одно дело – ждать нас, а другое – знать, кто мы и зачем здесь.

– И вы полагаете, что это можно скрыть от людей из Второй Академии?

– Наверное. Почему бы и нет? А вы уже готовы спасовать? Допустим, наш корабль заметили на подлете. Разве у них не может быть пограничных наблюдательных постов? Даже если бы мы были просто путешественники, нами бы заинтересовались.

– Хорош интерес! Такой сильный, что Губернатор едет к нам собственной персоной!

Ченнис пожал плечами:

– Об этом можно подумать и потом. Сначала поглядим, что за птица этот Губернатор.

Ченнис обнажил зубы в усмешке. Неожиданно оживился:

– По крайней мере, одну вещь мы уже знаем. Либо Конзвездия – Вторая Академия, либо все свидетельства до одного ошибочны. Как, например, можно иначе объяснить тот страх, с которым аборигены говорят о Конзвездии? Не похоже, чтобы их тут слишком притесняли. Группы Старейшин, судя по всему, встречаются совершенно свободно, без всяких помех.

Налоги, о которых они говорили, похоже, не слишком высоки, и опять-таки не чувствуется, чтобы их очень-то усердно собирали. Местные все говорят о нищете, но между тем не выглядят ни заморенными, ни голодными. Дома у них не слишком уютны и грубы, это правда, но, скорее всего, просто оправдывают свое предназначение.

Знаете, а мир довольно симпатичный. Раньше я никогда не сталкивался с такой суровой жизнью, но такое впечатление, что население не страдает. Как будто в суровой неприхотливости такого бытия есть некое устойчивое счастье, которого так не хватает обитателям технически развитых планет, где живут искусственно усложненной жизнью.

– У вас что же, склонность к пасторальным добродетелям?

– И рад бы, да не судьба!

Ченнис, казалось, был страшно доволен своими размышлениями.

– Я просто стараюсь подчеркнуть, как все это важно. Скорее всего, Конзвездия – неплохой администратор. Неплохой в том смысле, что суть насаждаемых ею порядков в корне отлична от того администрирования, к которому привыкли в старой Империи или в Первой Академии, да и в нашем собственном Союзе. Все эти структуры основаны на том, чтобы добиться подчинения любой ценой. Конзвездия дает своим подданным счастье и достаток. Разве вы не видите, что все их правление ориентировано иначе? Оно носит не физический, а психологический характер.

– Вот как? – иронично хмыкнул Притчер. – А как же ужас, с которым Старейшины говорили о наказании изменников этими добросердечными администраторами от психологии? Это как укладывается в вашу схему?

– Да их-то самих разве кто-нибудь наказывал? Они ведь говорили только о наказании каких-то абстрактных «других». Такое впечатление, что боязнь наказания им так здорово привита, что само наказание никогда не потребуется. Разрази меня гром – я уверен, что на планете нет ни одного конзвездианского солдата. Понимаете?

– Может быть, пойму, – холодно ответил Притчер, – когда увижу Губернатора. Кстати, вы не думаете, что наш собственный разум уже может быть под контролем?

– Вот уж к чему вам не привыкать, – грубо, презрительно парировал Ченнис.

Притчер заметно побледнел и неловко отвернулся. Больше они в этот день не разговаривали.

В тишине безветренной морозной ночи, слушая, как сладко посапывает его спутник, Притчер тихо настроил свою миниатюрную рацию на ультраволновой канал, к которому рация Ченниса не была подсоединена, и связался с кораблем. Ответ поступил в виде коротких, едва слышных звуков.

Притчер дважды спросил:

– Есть сообщения?

Ему дважды ответили:

– Пока никаких. Мы постоянно на связи.

Он встал с постели, В комнате было холодно, и он, завернувшись в меховое одеяло, уселся в кресле перед окном и стал смотреть на звездное небо. Оно было так не похоже на небо его родной Периферии!

...Где-то там, меж звезд, был ответ на все вопросы, которые мучили его, и он очень хотел, чтобы вес они поскорее разрешились.

На мгновение он задумался о том, прав ли Мул, – действительно ли «обработка» лишила его способности самостоятельно принимать какие-либо решения? Или это все-таки возраст и усталость, накопившаяся за последние годы?

Вообще-то говоря, ему было все равно.

Он смертельно устал.

Прибытие Губернатора Россема особой помпой не отличалось. Сопровождал его один-единственный человек в военной форме, сидевший за рулем автомобиля.

Автомобиль был неплохой, можно даже сказать – шикарный, но двигался рывками, а на подъезде к дому пару раз здорово буксовал – видимо, из-за слишком быстрой смены скоростей. По его конструкции Притчер сразу понял, что работает он на химическом, а не на ядерном

топливе.

Конзвездианский Губернатор мягко ступил на тонкий слой снега, выпавшего за ночь, и быстро прошел сквозь строй склонившихся в почтительных поклонах Старейшин. На них он даже не взглянул. Они гуськом последовали за ним в дом.

Из окна своих апартаментов два человека из Союза Миров – Империи Мула – смотрели на улицу. Губернатор был полноват, приземист, наружности совершенно невыразительной.

Ну и что?

Притчер проклинал себя за то, что нервничает. То есть, надо отдать ему должное, лицо его было, как всегда, спокойно. В этом смысле ему нечего было стесняться перед Ченнисом, но сам-то он прекрасно знал, что у него наверняка подскочило давление и в горле жутко пересохло.

Нет, не физический страх. Он был, конечно, не из породы тупоголовых, начисто лишенных воображения людей с железными нервами, которые тупы настолько, что ничего не боятся, – но он знал, что такое физический страх. Страх был другой.

Он незаметно взглянул на Ченниса. Молодой человек лениво разглядывал ухоженные ногти на левой руке. Обнаружив на одном из них неровность, он преспокойно обкусал краешек.

Внутри у Притчера поднялась волна раздражения. Конечно, хорошо Ченнису – чего ему бояться мозговой атаки?!

Генерал взял себя в руки и постарался припомнить, как все было. Каким же он был до того, как Мул «обработал» его, неукротимого демократа? Вспоминалось трудно. Он не мог разумно, трезво оценить себя, не мог порвать невидимых проводов, эмоционально связывавших его с Мулом. То есть умом он помнил, что однажды пытался убить Мула, но как ни старался, не мог вспомнить, каковы тогда могли быть его эмоции – не влезая в детали, а просто пытаясь представить себе тот порыв. Может быть, собственный его разум защищался от этих воспоминаний? Как бы то ни было, как только он пытался представить, какие им владели тогда чувства, у него начинало противно сосать под ложечкой.

А вдруг это Губернатор так действовал на его сознание?

Что если нематериальные психологические антенны представителя Второй Академии уже начали ощупывать его мозг, отыскивая в сознании щелочки, забираются в них, пытаются разъединить его разум на части?

Да нет, ничего он не чувствовал, никакой боли, никакого давления. Все в порядке. Нет, он всегда любил Мула. Как будто те времена, пять лет назад, когда он его ненавидел, были всего-навсего кошмарным сном. Мысль об этом кошмаре напугала его.

Но боли не было.

Что если встреча с Губернатором усилит эти ощущения? Вдруг все, что давно миновало, – его служба у Мула... все, к чему он успел привыкнуть... исчезнет... и он соединится с туманной, потусторонней мечтой, стоящей за словом «демократия»? Мул – тоже сон, тоже иллюзия. Есть только Конзвездия, и ей нужно подчиниться...

Он резко отвернулся от окна.

Его сильно поташнивало.

Голос Ченниса донесся до него, как сквозь вату:

– Думаю, это то самое, генерал.

Притчер обернулся. Старейшина молча открыл дверь и в торжественном молчании застыл на пороге. Он сказал:

– Его Сиятельство, Губернатор Россема от имени правителей Конзвездии рад дать вам аудиенцию и просит вас предстать перед ним.

– Само собой, – с готовностью откликнулся Ченнис, поправил ремень и натянул на голову россемитский капюшон.

Притчер скрипнул зубами. Да, начиналась настоящая игра.

Внешность Губернатора Россема и вблизи не производила угрожающего впечатления. Голова его была непокрыта. Редеющие светло-каштановые волосы, кое-где тронутые сединой, придавали его лицу некоторую мягкость. Глаза глубоко посажены и окружены щеточками бесчисленных мелких морщинок. Казалось, он что-то подсчитывает, прикидывает «на глазок».

Но свежесбранный подбородок был мягко очерчен, невелик, и, если судить по данным псевдонауки, определяющей характеры людей по строению черепа, характер Губернатора должен быть «слабым».

Притчер старался не смотреть Губернатору в глаза и уперся взглядом в потолок. Он не знал, поможет ли это – и вообще, поможет ли что-нибудь.

Голос у Губернатора оказался довольно-таки высоким и невыразительным.

– Добро пожаловать в Конзвездию. Приветствуем вас с миром. Вы не голодны?

Он почти по-королевски указал рукой с холеными длинными пальцами и сильно выступавшими венами на «П»-образный стол.

Они поклонились и сели. Губернатор сел с внешней стороны перекладины «П», они – напротив. По обе стороны расселись хранившие молчание Старейшины.

Губернатор произносил короткие, отрывистые фразы – расхваливал еду, привезенную из Конзвездии, которая, действительно, на вкус была лучше россемитской, но ненамного, поругивал россемскую погоду, с деланной непринужденностью интересовался трудностями их путешествия.

Ченнис говорил мало, а Притчер и вообще помалкивал.

Трапеза подошла к концу. На десерт были поданы мелкие фрукты в желе. Наконец все отложили в сторону салфетки, и Губернатор откинулся в кресле.

Его маленькие глазки заблестели.

– Я поинтересовался насчет вашего корабля. Естественно, мне хотелось, чтобы к нему отнеслись с должной заботой. Но мне сообщили, что его местонахождение неизвестно.

– Да, – непринужденно отозвался Ченнис. – Мы оставили его на орбите. У нас большой корабль, приспособленный для долгих путешествий. Порой нам приходится посещать враждебные миры, но нам показалось, что не стоит приземляться на нем здесь, чтобы наши добрые намерения не были превратно истолкованы. Мы предпочли совершить посадку на легком катере, невооруженными.

– Это дружественный акт, – сказал Губернатор без тени подозрения в голосе. – Большой корабль, вы говорите?

– Большой, но не военный, Ваше Сиятельство.

– Гм-гм... А откуда вы прибыли?

– Из небольшого мира в секторе Сантанны, Ваше Сиятельство. Может быть, вы не знаете о его существовании, поскольку он слишком мал и незначителен. Мы заинтересованы в установлении торговых связей.

– Торговых, вот как? А что вы можете предложить?

– Всевозможные машины, Ваше Сиятельство. Взамен – продукты, дерево, руды...

– Гм-м-м...

Губернатор был несколько смущен.

– Я в этих делах мало что смыслю. Может быть, мы и сумеем договориться. Возможно, после того, как я более подробно ознакомлюсь с вашими документами. Вы, надеюсь, понимаете, что моему правительству нужна более подробная информация. А после того как я лично осматрю ваш корабль, я бы посоветовал вам отправиться в Конзвездию.

Ответа на это предложение не последовало, и тон Губернатора стал заметно прохладнее.

– Как бы то ни было, я должен осмотреть ваш корабль.

Ченнис сдержанно ответил:

– К сожалению, в настоящее время на корабле идет ремонт. Если Ваше Сиятельство не будет возражать, через сорок восемь часов мы примем вас на борту.

– Я не привык ждать.

Впервые за все время встречи Притчер встретился взглядом с Губернатором и ощутил мягкий толчок в груди. На мгновение ему показалось, что он тонет в бездонном море, и он поспешно отвел взгляд в сторону.

Ченнис не дрогнул и твердо отчеканил:

– Раньше чем через сорок восемь часов, Ваше Сиятельство, корабль просто не сможет приземлиться. Мы перед вами и не вооружены. Неужели вы сомневаетесь в дружелюбии наших

намерений?

Наступила долгая неловкая пауза, потом Губернатор хрипло проговорил:

– Расскажите мне о мире, из которого вы прибыли.

И Все. Вроде сошло. Больше никаких трений не возникало. Губернатор, исполнив официальный долг, явно утратил интерес к беседе, и вся аудитория погрузилась в тягостное молчание.

Вернувшись в отведенную им комнату, Притчер решил еще разок покопаться в своих ощущениях.

Осторожно, затаив дыхание, он попытался «пощупать» свои эмоции. Нет, никаких резких изменений в себе он не ощущал. Но разве он должен был ощутить какие-то изменения? Разве он почувствовал изменения после муловской «обработки»? Разве он не чувствовал себя тогда совершенно естественно? Так и должно было быть.

Тогда он решил поэкспериментировать.

С холодным упорством он мысленно прокричал внутрь своего сознания фразу: «Вторая Академия должна быть найдена и уничтожена».

Ответом на этот крик души была искренняя ненависть. Никаких колебаний и сомнений.

Тогда он мысленно прокричал ту же фразу, заменив слова «Вторая Академия» на слово «Мул». Дыхание его остановилось, язык присох к небу.

Пока все было в порядке.

Но может быть, на него воздействовали более тонко, менее откровенно? Может быть, произошли маленькие, едва заметные изменения? Изменения, которых он не мог ощутить, поскольку само их наличие повлияло бы на его суждения?

Этого он не знал и судить об этом не мог.

Но до сих пор он ощущал полную и бесповоротную преданность Мулу! Если это не изменилось, решил он, все остальное не имело значения.

Закончив этот безмолвный эксперимент, он посмотрел на Ченниса. Тот сидел в своем углу, отвернувшись к стене, не обращая на Притчера никакого внимания. Большой палец руки Притчера незаметно нажал кнопку рации.

Когда он выслушал ответ, он почувствовал, как его словно окатила теплая волна облегчения. Он расслабился.

Натренированные мышцы лица не выдали его, но внутри он просто-таки прыгал до потолка от радости, и, когда Ченнис обернулся, Притчер уже знал, что комедии скоро конец.

Четвертая интерлюдия

Двое Ораторов встретились на дороге, и один остановил другого.

– Есть новости от Первого Оратора.

В глазах второго вспыхнул огонек радости.

– Точка пересечения?

– Да. Дай нам бог увидеть развязку!

Глава пятая Один из двоих плюс Мул

Ченнис вел себя так, словно не замечал никаких перемен ни в отношении Притчера к ситуации, ни в их отношении друг к другу. Прислонившись к спинке стула, он закинул ногу на ногу.

– Ну, как вам Губернатор?

Притчер пожал плечами:

– Никак. Впечатления гения разума он на меня не произвел. Весьма бледный образчик представителей Второй Академии, если он действительно оттуда.

– Не думаю, чтобы он был оттуда. Просто не знаю, что и подумать. Притчер, попытайтесь себе представить, что вы из Второй Академии, – сказал Ченнис, становясь все более

задумчивым. – Что бы вы сделали? Допустим, вы знаете, какова цель нашего пребывания здесь. Как бы вы с нами обращались?

– «Обработал» бы, конечно.

– Как Мул? – спросил Ченнис, бросив на Притчера быстрый взгляд. – Как бы мы узнали, что нас «обработали»? Интересно... А что если они просто психологи, но только очень умные и хитрые?

– В таком случае на их месте я бы нас поскорее прикончил.

– И корабль наш тоже? Не-е-ет... – Ченнис покачал указательным пальцем. – Мы ведь блефуем, Притчер, старина. Только блефовать и можно. Даже если бы они задумали применить эмоциональный контроль, единственные мишени для них мы – вы и я. Но сражаться они должны с Мулом, и с нами они так же осторожны, как и мы с ними. Я предполагаю, что они знают, кто мы такие.

Притчер холодно взглянул на него:

– Что вы собираетесь делать?

– Ждать, – твердо ответил Ченнис. – Пусть покажут себя. Они боятся – может быть, корабля, но скорее всего – Мула. С Губернатором они сблефовали. Но у них не вышло. Мы выстояли. Следующим, кого к нам подошлют, будет представитель Второй Академии, и он наверняка предложит нам сделку того или иного сорта.

– Ну а потом?

– Потом мы заключим сделку.

– Я так не думаю.

– Вы считаете, что тем самым мы обманем Мула? Нисколько.

– Да Мул расщелкает все ваши обманы. Но тем не менее я так не думаю.

– Может быть, вы думаете, что тогда мы не обманем Вторую Академию?

– Не уверен. Но это не причина.

Ченнис перевел взгляд на правую руку Притчера и угрюмо поинтересовался:

– Значит, причина – вот это?

Притчер навел на Ченниса бластер.

– Вот именно. Вы арестованы.

– За что?

– За измену Первому Гражданину Союза.

Ченнис сжал губы.

– Что происходит?

– Я же сказал – измена. А с моей стороны – ответные действия.

– А доказательства? Ну – свидетельства, предположения, ночные грезы, что там у вас? Вы в своем уме?

– Вполне. А вы? Вы что, думаете, Мул посылает сосунков вроде вас на умопомрачительные задания просто так? Мне все время это покоя не давало. Я слишком долго сомневался. Почему он послал именно вас? Потому что вы очаровательно улыбаетесь и одеты в модные тряпки? Потому что вам всего двадцать восемь, вот почему!

– Наверное, все-таки потому, что мне можно доверять. Или логичные мысли вам в голову не приходят?

– А может быть, как раз потому, что вам доверять нельзя. Что как раз вполне логично следует из всего, что происходит.

– Мы что тут – в парадоксах соревнуемся? Или это игра такой – кто скажет больше меньшим количеством слов?

Но бластер приближался, и Притчер тоже. Он встал перед Ченнисом, навис над ним как скала.

– Встать!

Ченнис повиновался, но не особенно резво и почувствовал, как дуло бластера уткнулось в пряжку ремня. Как ни странно, внешне он был спокоен.

Глядя на Ченниса в упор, Притчер сказал:

– Мул хотел, чтобы мы нашли Вторую Академию. Ему это не удалось, не удалось и мне,

потому что тайна, которую ни он, ни я не могли раскрыть, была хорошо спрятана. Поэтому оставалась одна-единственная возможность – найти человека, который бы знал место, где она скрывается.

– Это я?

– Естественно. Раньше я этого, конечно, не знал, но хотя разум мой работает замедленно, он мыслит тем не менее в верном направлении. Как легко вы нашли Конзвездию! Как волшебным образом вы исследовали нужное звездное поле на «Линзе», хотя вероятностей миллион! Как точно вы нашли нужную точку! Дурень вы набитый! Неужели вы настолько недооценивали меня, что думали, будто такое стечение невероятностей не позволит мне раскусить вас?

– Только потому что мне слишком везло?

– Вам слишком везло даже для верноподданного Мула.

– Может быть, у вас заниженные представления о том, насколько мне должно было повезти?

Только холодный блеск глаз Притчера выдавал его ярость, но бластер грубо ткнул Ченниса в живот. – Вам платит Вторая Академия!

– Платит? – искренне удивился Ченнис. – Докажите.

– Или вас «обработали».

– Вот как? И Мул об этом не знает. Смешно!

– Мул об этом знает. О том и речь, дурашка. Мул знает! А вы-то небось думали, что вам просто так дали корабль, поиграть? Вы привели нас ко Второй Академии, как мы и рассчитывали.

– В вашей болтовне нет и крупинки здравого смысла. Можно поинтересоваться – зачем мне все это было нужно? Если я – изменник, на кой черт мне нужно было тащить вас во Вторую Академию? Почему бы мне вместо этого не таскать вас за собой по всей Галактике?

– Корабль вам был нужен, потому что людям из Второй Академии, как воздух, необходимо атомное оружие для самозащиты.

– Додумались, нечего сказать! Да один корабль для них – капля в море! Если вы думаете, что они покопаются в нем и через год воздвигнут на своей территории ядерные заводы, то тогда они действительно очень глупые представители Второй Академии. Не умнее вас, я бы сказал, уж простите за откровенность.

– У вас будет возможность объяснить все это Мулу.

– Мы возвращаемся в Калган?

– Совсем наоборот. Мы остаемся здесь. А Мул присоединится к нам минут через пятнадцать. Неужели вы думаете, что ему было неизвестно, куда мы отправляемся, – вы, прозорливый, всезнающий себялюбец! Вы сыграли нам на руку, не помышляя об этом. Вы не привели бы наши жертвы к нам, но зато привели нас к ним.

– Можно мне присесть? – спросил Ченнис – И объяснить вам кое-что на пальцах? Ну, пожалуйста!

– Стойте, где стоите!

– Ладно, я могу и стоя. Вы уверены, что Мул следил за нами потому, что в системе коммуникации находился гипертрэйсер?

Бластер дрогнул, хотя, возможно, Ченнису и показалось. Он улыбнулся:

– Вы не удивлены. Я так и думал. Да, я знал об этом. А теперь, когда я показал вам, что знаю кое-что, о чем, как вы думали, я не знаю, я скажу вам кое-что еще, чего не знаете вы, – и я знаю, что вы не знаете.

– Слишком много вводных слов, Ченнис. Я думал, вы более изощрены в словоблудии.

– Тут нечего изощряться. Изменники, конечно, были – или вражеские агенты, если вам так больше нравится. Но Мул знал об этом – вернее – узнавал крайне странным способом. Видимо «обработанных» им людей «обрабатывал» по-своему кто-то еще.

На этот раз бластер действительно дрогнул – сомнений быть не могло.

– Подчеркиваю, Притчер. Вот почему ему понадобился я. Я не был «обработан». Разве он не говорил вам, что ему нужен как раз «необработанный» человек? Говорил он вам почему или нет?

– Попробуйте что-нибудь еще, Ченнис. Если бы я восстал против Мула, я бы знал об этом. Быстро, хладнокровно Притчер проверил свое состояние. Все было, как обычно, Конечно, врал Ченнис, врал как сивый мерин.

– Вы хотите сказать, что чувствуете себя по-прежнему? Вы чувствуете себя преданным Мулу? Очень может быть. Лояльность тут ни при чем. На нее не действуют. Мул сам сказал мне, что это было бы слишком легко заметить. Но как вы себя чувствуете с эмоциональной точки зрения? Слабовато? Вспомните свое состояние – с самого начала полета. Можете вы, положив руку на сердце, утверждать, что чувствовали себя нормально? Или все-таки порой вас одолевали странные ощущения – как будто вы как бы не совсем вы? Да что вы дурака валяете и пытаетесь во мне дырку бластером просверлить, не нажимая на курок?

Притчер отодвинул бластер.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что вас «обработали» другие. Вами управляли. Вы не видели, как Мул положил этот гипертрейсер. Вы не видели, как это сделал кто-либо другой. Вы просто нашли его там и решили, что это сделал Мул, и с тех пор думали, что он за нами следит. Да, конечно, ваша рация настроена на длину волны, на которой моя не работает. Вы думаете, я не знаю, что вы связывались с кораблем?

Он говорил быстро, гневно. Напускное безразличие сменилось неприкрытой яростью.

– Но к вам оттуда придет не Мул. Не Мул, ясно?

– Кто же, если не он?

– Ну а вы как думаете? Я нашел этот гипертрейсер в день, когда мы стартовали. Но мне и в голову не пришло, что это – дело рук Мула. У него на то не было причины. Разве вы не видите, какая это чепуха? Если бы я был изменником и Мул знал об этом, я был бы «обработан» им так же легко, как вы, и тайну расположения Второй Академии он выудил бы из моего мозга, не посылая меня за тридевять земель на другой край Галактики. Вы можете утаить что-либо от Мула? Нет? То-то. А если я не знал, где она находится, то я и привести бы его туда не смог, при всем своем желании. Зачем же тогда было меня посылать в противном случае?

Несомненно, гипертрейсер был положен туда агентом Второй Академии. *Вот кто* к нам придет. Могли бы вы быть одурачены, если бы не были обработаны ими? Насколько же вы в порядке, если такую чепуховину не раскусили? Чтобы я привел корабль во Вторую Академию? Да что им делать с нашим кораблем? На кой черт он им сдался?

Вы им нужны, Притчер. Вы знаете о Союзе Миров больше всех, кроме Мула, но вы для них не так опасны, как он. Вот почему они вложили мне в голову маршрут поисков. Конечно, сам я бы ни за что не догадался отыскать Конзвездию с помощью «Линзы». Я это понимал. Я догадался, что это они так задумали. Я знал, что это – дело рук Второй Академии. Почему не подыграть им? Это был взаимный блеф. Они хотели заполучить нас, а мне нужно было узнать, где они находятся, И тут уж был вопрос – кто кого переблефует.

Но проиграем мы, если вы немедленно не уберете свою дурацкую пушку. И это, конечно, не ваша идея. Их, как пить дать. Отдайте мне бластер, Притчер. Я знаю, вам трудно в это поверить, но вами двигает сейчас не ваш собственный разум – внутри вас работает Вторая Академия. Отдайте мне бластер, Притчер, и давайте встретим опасность плечом к плечу!

Притчер в ужасе смотрел на Ченниса. Черт подери, правдоподобно! Но откуда эта проклятая неуверенность в себе? И почему Ченнис так уверен?

Правдоподобно!

Или его перевернутое сознание сопротивлялось чьему-то воздействию?

Он что – раздвоился?

Как сквозь туман смотрел он на стоявшего перед ним Ченниса и понимал, что сейчас, вот сейчас отдаст ему бластер. И как только он собрался сделать это, за спиной у него открылась дверь, и он резко обернулся.

Могут быть в жизни ситуации, когда одного человека можно принять за другого, даже будучи в относительно спокойном состоянии. Можно спутать абсолютно непохожих друг на друга людей. Но Мула ни с кем и никогда спутать невозможно.

И пламя агонии, охватившее в тот миг сознание Притчера, не могло противостоять волне холодной силы, нахлынувшей на него, окатившей его с ног до головы.

Физически Мул никогда не выглядел хозяином положения, как и сейчас.

Он неуклюже смотрелся даже в просторной одежде, которая не скрывала его жуткую худобу и физическое уродство. Лицо его было закрыто капюшоном, нос же торчал сильнее обычного – крючковатый красный клюв экзотической птицы.

Трудно представить себе более анекдотичную фигуру демона мщения.

Он сурово приказал:

– Держите бластер, Притчер!

Потом повернулся к Ченнису. Тот ссутулился и опустил на стул.

– Похоже, вы тут повздорили. Ну, так что у вас там такое было насчет того, что за вами следил не я, а кто-то другой?

Притчер горячо вмешался:

– Так гипертрейсер был помещен в блок связи по вашему приказу, сэр?

Мул ответил холодным взглядом.

– Естественно. Разве кто-либо, кроме Союза Миров, во всей Галактике располагает такими приборами?

– А он сказал...

– Ну-ну, не ябедничайте, генерал. Не будем играть в испорченный телефон. Он же здесь. Так что вы сказали, Ченнис?

– Да... Сказал. Но, видимо, ошибся, сэр. Я был уверен, что трейсер установил кто-то из тех, кому платит Вторая Академия, и что нас заманили сюда для какой-то цели, и я приготовился к контратаке. Кроме того, я был уверен, что генерал в какой-то степени у них в руках.

– Можно подумать, что теперь вы в этом не уверены.

– Боюсь, что так. Или вы сейчас не были бы тут.

– Хорошо, давайте пока забудем об этом.

Мул сбросил с плеч просторный плащ с электрическим обогревом.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я тоже присяду? Ну так вот. Здесь мы в безопасности, и никто нам не помешает. Ни один абориген не осмелится близко подойти к этому дому, уверяю вас, – сказал он тоном человека, ни на йоту не сомневающегося в своей силе.

Ченнис был возмущен:

– К чему эта таинственность? Не лучше ли приказать, чтобы подали чай и привели девушек, которые бы потанцевали перед нами?

– Пока не стоит. Так какова же ваша теория, молодой человек? Кто-то из Второй Академии следил за вами с помощью устройства, которое есть только у меня, – да, кстати, как вы его обнаружили?

– Очень просто, сэр. Если опираться на известные факты, получается, что кто-то мне это подсказал...

– Все те же люди из Второй Академии?

– А кто же еще?

– В таком случае не приходило ли вам в голову, что, если Вторая Академия решила затаскать вас на свою территорию для каких-то своих целей, – а я предполагаю, что они пользовались своими методами примерно так же, как я своими, хотя, напомню вам, что я управляю эмоциями, а не мыслями, – так не приходило ли вам в голову, что, если они могут это сделать, им для этого вовсе не требуется гипертрейсер?

Ченнис с испугом встретил взгляд своего повелителя. Притчер удовлетворенно откашлялся и уселся в кресле поудобнее.

– Нет, – ответил Ченнис, – это мне в голову не приходило.

– А не задумывались ли вы о том, что, если они вынуждены за вами следить, это означает, что они не чувствуют уверенности в том, правильно ли вы выберете направление, и что в случае, если вы ошибетесь, у вас будет маловато шансов попасть сюда. Это вам тоже в голову не приходило?

– И это тоже не приходило, сэр.

– Ну почему же? Неужели ваш интеллектуальный уровень пал так низко?

– Единственным ответом может быть вопрос, сэр. Вы едины во мнении с генералом Притчером о том, что я – изменник?

– У вас есть возражения, если это действительно так?

– Те же самые, которые я высказал генералу. Если бы я был изменником и знал, где находится Вторая Академия, вы могли бы «обработать» меня и напрямую выудить из меня эти знания. Если вы решили, что за мной нужно следить, значит, этих знаний изначально у меня не было, и я, следовательно, не изменник. Так что я ответил вам парадоксом на парадокс.

– И каков же отсюда вывод?

– Я не изменник.

– С чем я пока вынужден согласиться, ибо ваши свидетельства неоспоримы.

– В таком случае позвольте поинтересоваться, зачем вы тайно следили за нами?

– Затем, что для всех фактов есть еще и третье объяснение. И вы, и Притчер уже объяснили случившееся – каждый по-своему. Я – если вы любезно уделите мне время – объясню все. И довольно быстро, так что не успею вас утомить, Притчер, отдайте мне ваш бластер. Никакой опасности, что на нас кто-то нападет, больше нет, Ни отсюда, ни из более отдаленных мест. Даже из самой Второй Академии. Включите свет. Благодарю вас, Ченнис.

Комната была освещена обычным для Россема способом. Единственная электрическая лампочка мерцала под потолком тускло-желтым светом. Все трое отбрасывали причудливые тени.

Мул сказал:

– Когда я понял, что за Ченнисом нужно следить, стало очевидно, что я чего-то ожидаю. Поскольку он отправился ко Второй Академии с потрясающей скоростью и по удивительно прямому маршруту, можно заключить, что все вышло именно так, как я и предполагал. Раз мне не удалось выудить из него знаний напрямую, значит, что-то мне мешало. Таковы факты. Ченнис, несомненно, знает ответ. Знаю его и я. А вы знаете, Притчер?

– Нет, сэр, – угрюмо буркнул Притчер.

– Тогда я объясню. Только один человек одновременно может знать, где находится Вторая Академия, и не позволить мне узнать об этом. Боюсь, Ченнис, что вы – человек из Второй Академии.

Ченнис поставил локти на колени и уперся подбородком в плотно сжатые кулаки.

– Как вы это докажете? Логика доказывает обратное.

– Есть и прямые доказательства, Ченнис. Это оказалось достаточно легко, Я говорил вам, что заметил, что моих людей «обрабатывают»? Тот, кто «обрабатывал» их, должен был быть: а) «не обработан» мной и б) приближен к центру событий. Поле для поисков велико, но не безгранично. Вам слишком везло, Ченнис. Вас слишком любили люди. Вы были слишком удачливы. Меня это заинтересовало...

Тогда я решил отправить вас в экспедицию, и это вас несколько не удивило. Я следил за вашими эмоциями. Вы этого не замечали. Но вот тут-то вы превысили предел доверия, Ченнис. Любой человек, даже очень компетентный, испытал бы хоть малую толику неуверенности в подобной ситуации. А вы, полный дилетант, не испытали. И здесь просчитывалось два варианта: либо ваша миссия плохо подготовлена, либо вами хорошо управляли.

Варианты было легко проверить. Я захватил ваше сознание в тот момент, когда вы расслабились, и сжал его, а потом отпустил. Вы жутко разозлились, настолько натурально, что это – естественная реакция. Но я почувствовал и сопротивление в момент вмешательства в ваши эмоции. Это все, что мне нужно было знать.

Никто бы не устоял, даже на короткое мгновение, не найдись он под воздействием, подобным моему.

Ченнис глухо и горько проговорил:

– Ну и что? Что теперь?

– Теперь вы умрете – как шпион из Второй Академии. Это, как вы, надеюсь, понимаете, совершенно логично.

Дуло бластера вновь уставилось на Ченниса. На этот раз смертоносное оружие было в руках человека, обладающего сокрушительной психической силой. Это был не Притчер, руку которого можно было отвести. Это был достойный противник, такой же сильный и такой же устойчивый к силе, как он сам.

А времени, чтобы изменить ход событий, у Ченниса было мало.

То, что случилось потом, трудно поддается описанию для тех, у кого нормально развиты чувства и отсутствует способность эмоционально воздействовать на других людей.

Вот что фактически понял Ченнис за тот кратчайший промежуток времени, пока Мул держал палец на кнопке бластера.

Эмоциональное состояние Мула в тот момент выражало твердую, непоколебимую уверенность, незамутненную никакими сомнениями. Если бы у Ченниса была возможность рассчитать время, которое должно было пройти от решения стрелять до самого выстрела – выброса дезинтегрирующей энергии, – он бы узнал, что у него в запасе всего лишь около одной пятой доли секунды.

Можно сказать, времени не было совсем.

За это же время Мул почувствовал, что эмоциональный потенциал Ченниса неожиданно получил непонятно откуда мощную поддержку и как оттуда же на него самого хлынул поток неприкрытой, страшной ненависти.

Именно это неожиданное эмоциональное вмешательство заставило его убрать палец с кнопки. Ничто другое не заставило бы его так поступить, но, сделав это, он сразу же понял, что ситуация в корне изменилась.

Наступила немая сцена, какой не увидишь и в театре: Мул убравший палец с кнопки бластера, немо уставившийся на Ченниса; Ченнис, натянутый как струна, затаивший дыхание; и Притчер, скрючившийся в кресле, скованный страшным спазмом. Лицо его вытянулось, одеревенело, стало похоже на посмертный слепок, на котором отпечаталась жуткая ненависть, А взгляд его был устремлен на Мула, только на Мула – неотрывно.

Только слово-другое было сказано Мулом и Ченнисом друг другу мысленно. Только слово-другое, но этого было достаточно для людей, владеющих силой эмоционального воздействия. Они прекрасно поняли друг друга. Но для того чтобы и мы поняли, что стояло за этими «словами», давайте переведем их безмолвную беседу на понятный нам с вами язык.

Ченнис:

– Вы – меж двух огней, Первый Гражданин. Вы не можете управлять разумом двоих людей одновременно, когда один из двоих – я. Так что перед вами выбор. Притчер сейчас свободен от вашей «обработки». Я освободил его. Он сейчас – прежний Хэн Притчер, тот самый, что однажды пытался прикончить вас. Тот самый, который считает вас врагом всего свободного и справедливого на свете, всего святого. Кроме того, он знает, что это вы превратили его в беспомощного раба на пять лет! Я удерживаю его сейчас, подавляя его волю, но, если вы убьете меня, этому придет конец, и скорее, чем вы успеете выстрелить в него или применить свою волю, он убьет вас.

Мул понял его сразу. Он не двинулся.

Ченнис продолжал:

– Если же вы сейчас обернетесь для того, чтобы убить его или воздействовать на него своими методами, да для чего угодно, вам не удастся опередить меня.

Мул по-прежнему не двинулся. Он только коротко вздохнул, понимая, что к чему.

– Так что, – сказал Ченнис, – бросьте ваш бластер и давайте-ка снова по-честному. Тогда получите Притчера обратно.

– Я совершил ошибку, – наконец проговорил Мул. – Нельзя было позволять третьему присутствовать здесь. Это я сделал зря. Все испортил. Это моя ошибка, за которую мне придется дорого заплатить.

Он небрежно разжал пальцы. Бластер упал на пол, и Мул отфутболил его в дальний угол комнаты. В то же мгновение мышцы Притчера расслабились, он обмяк и погрузился в глубокий сон.

– С ним все будет в порядке, когда он проснется, – безразлично заметил Мул.

С того момента, когда Мул был готов нажать на кнопку бластера, до того мгновения, когда он бросил его, прошло всего-навсего полторы секунды. Все было сказано противниками друг другу за это время.

Но за границей сознания Мула за это же время – даже раньше – Ченнис уловил легкое движение в эмоциональных вихрях, бушевавших в мозгу противника. Там до сих пор чувствовался триумф победителя.

Глава шестая Ченнис, Мул плюс...

Оба противника вели себя теперь совершенно открыто, физически они были полными противоположностями. Но это было неважно. Каждый нерв, отвечающий за контроль эмоций, у каждого из них был напряжен до предела. Мул впервые за долгие годы не был уверен в себе. Ченнис знал, что краткая самозащита далась ему с колоссальным трудом и что у противника еще полно сил в запасе. Шла игра на выносливость. Ченнис знал, что проиграет.

Но думать об этом было страшно. Отступить эмоционально перед Мулом означало добровольно отдать оружие в его руки. Он ведь уже отследил в подсознании Мула что-то вроде радости победителя.

Выиграть время...

Почему тянут остальные? Почему Мул так уверен в себе? Что он знал такое, чего не знал Ченнис? Сознание Мула помалкивало. Эх, если бы он мог читать мысли... И все-таки...

Ченнис резко прервал собственные раздумья. Оставалось одно – тянуть время...

Ченнис сказал:

– Поскольку вы решили, а я после небольшой дуэли не отрицаю, что я – из Второй Академии, может быть, вы теперь объясните мне, зачем, по вашему мнению, я прилетел в Конзвездию?

– О нет, – несколько истерично рассмеялся Мул. – Я вам – не Притчер, Я не обязан давать вам объяснения. У вас на то были причины. Каковы бы они ни были, ваши действия меня устраивали, а остальное меня не интересует.

– Однако в ваших представлениях о том, что произошло, не достает существенных деталей. Разве Конзвездия – та Вторая Академия, которую вы ожидали найти? Притчер много рассказывал о ваших прежних попытках отыскать ее и о том психологе, которым вы пользовались, как подопытным кроликом, Эблинге Мисе. Иногда он выбалтывал кое-какие подробности с моей... ну, скажем, небольшой помощью. Вспомните Эблинга Миса, Первый Гражданин!

– Зачем?

Внимание – уверенность!

Ченнис ощутил, как уверенность, которую он раньше нащупал в подсознании Мула, все возрастает и как все более и более спокойно держит себя Мул внешне.

Он попытался улыбнуться, старательно прогоняя наплыв отчаяния.

– А вы, оказывается, нелюбопытны? Притчер мне говорил, что мне к концу поисков был чем-то очень удивлен. Он почему-то очень торопился, спешил предупредить Вторую Академию. Зачем? Почему? Эблинг Мис погиб. Вторая Академия не была предупреждена. И тем не менее Вторая Академия существует.

Мул с явным удовольствием осклабился и с неожиданной и грубой жестокостью, которую Ченнис ощутил еще до того, как Мул раскрыл рот, объявил:

– Но, видимо, Вторая Академия все-таки была предупреждена. Откуда бы иначе взялся Бейл Ченнис, который явился в Калган для того, чтобы «обрабатывать» моих людей и попытаться одурачить меня. Просто предупреждение несколько запоздало, вот и все.

– Тогда, – с сожалением вздохнул Ченнис, – вы просто не представляете себе, что такое Вторая Академия, и ваши суждения обо всем происходящем более чем поверхностны.

Тянуть, тянуть время!

От Мула не укрылось ни сожаление, ни пренебрежение, с которым это было сказано, и глаза его враждебно сузились. Он привычно поскреб пятерней свой клювоподобный нос и буркнул:

– Забавляйтесь, забавляйтесь. Ну так что насчет Второй Академии?

Ченнис заговорил спокойно, стараясь больше пользоваться словами, чем эмоциональными символами:

– Насколько мне известно, именно тайна, окружавшая Вторую Академию, больше всего удивляла Эблинга Миса. Гэри Селдон основал две совершенно различные структуры. Первая Академия похожа на вспышку, которая за два столетия озарила половину Галактики. Вторая подобна темной бездне.

Вы не поймете, почему это так, если не сумеете почувствовать вновь атмосферу тех дней упадка Империи. Это было время абсолютов, великих конечных обобщений как минимум – в образе мысли. Это были признаки упадка культуры, безусловно – плотины на пути развития живой мысли. Именно бунт против догм и сделал Селдона знаменитым. Именно последняя искра молодого энтузиазма, жившего в нем, зажгла закат старой Империи, в лучах которого угадывался рассвет новой.

– Весьма образно. И что?

– Поэтому он создал свои Академии на основании законов психоистории, но кто лучше его знал, насколько эти законы относительны? Он и не думал создавать конечный продукт. Конечные продукты – это для декадентов. Он создал развивающиеся механизмы, и Вторая Академия была инструментом такого развития. Мы, слышите, Первый Гражданин вашего времени, тленного Союза Миров, мы – хранители Плана Селдона. Только мы.

– Вы сами себя воодушевляете, – сердито поинтересовался Мул, – или пытаетесь на меня впечатление произвести? Развели тут театр! Да вся ваша болтовня насчет Второй Академии, Плана Селдона, Новой Империи не производит на меня ни малейшего впечатления, не вызывает у меня ни сочувствия, ни симпатии, не действует ни на какие эмоциональные струны, которые вы пытаетесь задеть. Во всяком случае, глупец несчастный, советую вам говорить о Второй Академии в прошедшем времени, поскольку с ней покончено.

Мул встал и пошел к Ченнису, и тот мгновенно ощутил, как катастрофически растет давление на его сознание. Он изо всех сил сопротивлялся, но что-то надорвалось у него внутри, а давление становилось все сильнее и сильнее...

Он прислонился к стене и увидел прямо перед собой лицо Мула. Тот стоял перед ним – руки в боки, тонкие губы разъехались в злорадной усмешке под противным длинным носом.

Мул прошипел:

– Кончена ваша игра, Ченнис! Вся ваша игра кончена – всех, кто был Второй Академией! Был! Был!

Чего ради вы сидели тут и ждали все это время и играли в бирюльки с Притчером, когда давным-давно могли прикончить его, забрать его бластер, пальцем не пошевелив? Вы ждали меня, не так ли? Ждали меня, чтобы встретиться в ситуации, которая бы не вызвала у меня подозрений?

Сплоховали, Ченнис! Никаких подозрений и не надо было вызывать. Я прекрасно вас знал, Ченнис из Второй Академии!

И чего же вы ждете сейчас? Вы по-прежнему отчаянно пытаетесь меня заговорить, как будто сам звук вашего очаровательного голоса должен приковать меня к полу. Говорить-то вы говорите, но что-то в вашем сознании ждет и ждет. Но никто не придет. Никто из тех, кого вы ждете. Никто из ваших. Вы здесь один, Ченнис, и вы здесь останетесь. А знаете почему?

Потому что ваша Вторая Академия просчиталась со мной от начала до конца! Я рано раскусил их планы. Они думали, что я поплечусь следом за вами и предстану перед ними на блюде с голубой каемочкой – вот он я, ешьте! Вы были приманкой – приманкой для несчастного, глупенького мутанта – такого глупенького, что он с радостью бы отправился за вами в такую очевидную ловушку. И вы думаете, я попался?

Просто поразительно, как им в голову не пришло, что я ни за какие коврижки не отправлюсь сюда без своего флота, против одного-единственного корабля которого они

абсолютно беспомощны! Неужели они думали, что я тут с ними буду мирные переговоры вести?

Мои корабли двенадцать часов назад атаковали Конзвездию. Конзвездия лежит в руинах, ее города стерты с лица земли! И никакого сопротивления. Вторая Академия больше не существует, Ченнис, а я – странный, уродливый, хилый мутант – правитель, властелин Галактики!

Ченнис только слабо мотал головой.

– Нет... Нет...

– Да! Да! – передразнил его Мул. – И вы – последний из оставшихся в живых, но ненадолго.

Наступила короткая мучительная пауза, и Ченнис чуть было не застонал от дикой боли, сковавшей его сознание.

Мул немного отступил назад и пробормотал:

– Еще не все. Вы пока не выдержали испытания. Ваше отчаяние притворно. Ваш страх – это не тот смертельный ужас, которым сопровождается крушение идеалов. Пока что это только ваш собственный, жалкий, мелкий страх за собственную жизнь.

Хилая рука Мула схватила Ченниса за горло – не сильно, но Ченнис не мог освободиться.

– Вы – моя страховка, Ченнис. Вы – мой гид и телохранитель, моя защита от всех возможных просчетов.

Глаза Мула пронизывали его насквозь – требовательно, безжалостно.

– Ну что, правильно я рассчитал, Ченнис? Перехитрил ваших умников из Второй Академии? Конзвездия разрушена, Ченнис, разрушена до основания, так почему же ваше отчаяние притворно? Где правда? Мне нужна правда! Неужели я не докопался до истины? Есть еще опасность? Говорите, Ченнис! Что я сделал не так?

Ченнис почувствовал, что сейчас заговорит, заговорит против своей воли. Он пытался сжать зубы, чтобы слова не вырвались у него изо рта, прикусил язык, напряг мышцы гортани.

Но слова вырывались наружу, как выдох, разрывая глотку, царапая язык, обжигая губы.

– Правда... – хрипел он. – Правда...

– Да, правда, мне нужна правда! Что еще не сделано?

– Селдон основал Вторую Академию здесь. Здесь, как я и говорил. Я не лгал... Психологи прибыли сюда, чтобы держать под контролем местное население.

А Мул копал и копал все глубже почву эмоционального состояния противника, грубо разрывая его.

– Население Конзвездии! Я разрушил ее. Вы знаете, чего я хочу. Говорите!

– Не Конзвездия... Я сказал, что люди из Второй Академии – не те, кто здесь пользуется властью. Конзвездия – это... обман.

Слова вырывались против воли измученного Ченниса:

– Россем... Россем?! *Россем – вот мир...*

Мул ослабил хватку, и Ченнис часто задышал, обливаясь потом.

– И вы собирались меня обмануть? – мягко спросил Мул.

– Вы и были обмануты, – в последней попытке защититься прохрипел Ченнис.

– Но только не вами и не вашими пособниками. Я держу связь с моим флотом. После Конзвездии настанет очередь Россема. Но сначала...

Ченнис ощутил, как вокруг него смыкается непроницаемая тьма, он инстинктивно поднял ладони к измученным глазам, но закрыться от мрака не смог. Тьма наваливалась на него, и он чувствовал, как погружается в нее, как тонет в ней его безнадежно истерзанное сознание. Перед глазами был только один образ – образ торжествующего Мула – смеющегося уродца, и его длинный, мерзкий, трясущийся от злорадного смеха нос.

Звуки исчезли. Темнота ласково обняла его.

Но ее объятия неожиданно дрогнули от чего-то, что показалось Ченнису вспышкой молнии, и он медленно вернулся на землю. Глаза его вновь обрели зрение, но он видел все сквозь пелену слез.

Голова невыносимо болела. Он с невероятным, нечеловеческим усилием поднес ко лбу

налитую свинцом руку. Кажется, он жив. Мягко, как перышки, кружившиеся в воздухе, его мысли вернулись к нему и улеглись в сознании. Он чувствовал, как на него откуда-то извне нисходит покой. Медленно, мучительно он повернул голову и с острой болью почувствовал, что может расслабиться.

Потому что дверь была распахнута настежь и порог переступил Первый Оратор. Ченнису хотелось говорить, кричать, предупредить его, но язык его словно прирос к небу, и он понял, что невидимая рука Мула все еще держит его и не дает ему говорить.

Голова его беспомощно упала на грудь. Мул был рядом. Он был взбешен, глаза его метали молнии. Он уже не смеялся, но зубы его были обнажены в страшной усмешке.

Ченнис ощущал, как мягкие волны, исходящие от мозга Первого Оратора, касаются его воспаленного, истерзанного сознания, исцеляют его, и, собрав все силы, он попытался коснуться порога защиты сознания Мула, по тут же отступил.

Мул напряженно, с плохо скрываемым гневом, который плохо сочетался с его карикатурным обликом, проговорил:

– Значит, кое-кто еще решил меня поприветствовать? Сознание его устремилось за пределы комнаты – дальше, дальше...

– Вы – один, – произнес он удовлетворенно.

– Да, я совершенно один, – быстро согласился Первый Оратор. – Я и должен быть один, потому что именно я неверно рассчитал ваше будущее пять лет назад. Поэтому мне будет особенно приятно исправить свою ошибку без посторонней помощи. К сожалению, я не учел силы вашего Поля Эмоционального Отражения, которым окружена эта местность. Долго пришлось пробиваться. Поздравляю вас – сработано хорошо.

– Не тратьте времени на комплименты – я в них не нуждаюсь, – враждебно отозвался Мул. – Вы пришли, чтобы добавить свою мозговую атаку к той, которую безуспешно пытался предпринять этот сопляк из вашей компании?

Первый Оратор улыбнулся:

– Ну что же, человек, которого вы называете Бейлом Ченнисом, справился со своим заданием неплохо, тем более что он не идет в сравнение с вами по силе мозгового воздействия. Я вижу, вы его сильно измучили, но даже сейчас мы сумеем ему помочь и восстановить его здоровье. Он – храбрый человек, сэр. Он добровольно пошел на это задание, хотя мы могли математически прогнозировать высокую степень вероятности поражения его мозга – более опасного поражения, чем физическая травма.

В сознании Ченниса пульсировала мысль, которую он силился высказать, прокричать, но не мог. Он только выпускал позывные страха, опасности.

Мул был спокоен.

– Вы, безусловно, знаете о разрушении Конзвездии?

– Знаю. Атака вашего флота была предусмотрена.

Мул угрюмо проговорил:

– Так я и думал. Но не предотвращена, не так ли?

– Нет, не предотвращена.

Эмоциональная символика сознания Первого Оратора была для Мула проста. Она выражала только собственный страх, собственное презрение к самому себе.

– И вина в этом больше моя, чем ваша, – продолжал Первый Оратор. – Кто бы мог предположить, какова ваша истинная сила, пять лет назад? Мы с самого начала, еще тогда, когда вы только захватили Калган, предполагали, что вы обладаете силой эмоционального контроля. Это было не так уж удивительно, Первый Гражданин, и я могу вам это объяснить.

Эмоциональный контакт, с помощью которого вы и я сейчас общаемся, – не такое уж новое изобретение. На самом деле он присущ мозгу человека. Большинство людей способны читать эмоции примитивным способом, ассоциируя их – прагматически – с выражением лица, интонациями голоса и так далее. У большого числа животных эта способность развита сильнее – они широко используют обостренное обоняние, и эмоции, вовлеченные в этот процесс, естественно, более сложны.

Конечно, люди способны на большее, но способность к эмоциональному контакту

атрофировалась с развитием речи примерно миллион лет назад. Главным достижением деятельности нашей Второй Академии было то, что мы реставрировали до какой-то степени это забытое чувство.

Но мы с ним не рождаемся. Миллион лет простоя – существенное препятствие, и мы вынуждены проводить обучение, воспитание этого чувства, тренировать его так, как мы тренируем наши мышцы. В этом мы радикально отличаемся от вас. Вы *родились* с этим даром.

Это мы смогли рассчитать. Мы смогли подсчитать, каков эффект воздействия такого дара на человека в мире людей, им не обладающим. Зрячий в мире слепых... Мы рассчитали также, до какой степени у вас разовьется мания величия, и решили, что приготовились. Но к двум моментам мы готовы не были.

Первый из них – высочайшая степень развития ваших способностей. Мы можем устанавливать эмоциональный контакт только при непосредственном общении с глазу на глаз, и именно поэтому мы беззащитны перед лицом физического уничтожения – еще более беззащитны, чем вы думаете. Зрение, видимость противника играют для нас колоссальную роль. С вами все иначе. Известно, что у вас под контролем много людей, причем вам нет нужды непосредственно общаться с ними для установления эмоционального контакта. Это было обнаружено слишком поздно.

Во-вторых, мы не знали о ваших физических недостатках, в особенности об одном из них, который мучил вас настолько, что вы взяли себе кличку «Мул». Мы не предполагали, что вы не просто мутант, но стерильный мутант и что у вас есть отклонения в психике, сопутствующие физическому комплексу неполноценности. Это мы упустили из виду. Мы учили только манию величия, не обратив внимания на то, что, кроме того, вы страдаете параноидальной психопатией.

Именно я виноват в том, что все это не было учтено, потому что я руководил Второй Академией в то время, когда вы захватили Калган. Когда вы разрушили Первую Академию, мы поняли это – но слишком поздно, из-за чего погибли миллионы людей в Конзвездии.

– И теперь вы пытаетесь исправить ошибку? – Тонкие губы Мула скривились в усмешке. Мозг его излучал импульсы ненависти, – Что вы собираетесь предпринять? Что вы можете сделать? Разве вам под силу нарастить мои хилые мышцы или восстановить мою детородную способность? Вычеркнуть из прошлого мучительное детство в чужеродном окружении? Вы жалеете меня, сочувствуете моим страданиям? Вас трогают мои несчастья? Нет, я ни на йоту не сожалею о том, что сделал для себя. Пусть теперь Галактика попробует защититься как может, потому что, когда мне нужна была защита, никто пальцем не пошевелил!

– Ваши эмоции сейчас, безусловно, – мягко прервал его Первый Оратор, – цветочки по сравнению с тем, что вы думаете на самом деле, и судить вас за это я не собираюсь. Разрушение Конзвездии было неизбежно. В противном случае последовали бы гораздо более страшные разрушения по всей Галактике в течение нескольких столетий. Мы сделали все, что смогли. Эвакуировали с Конзвездии людей, сколько сумели. Остальных расселили по планете. К сожалению, всего этого оказалось мало. Многие миллионы погибли – их вам не жалко?

– Ни капельки – не больше, чем тех, кто погибнет на Россеме в ближайшие шесть часов:

– На Россеме? – быстро спросил Первый Оратор. Он обернулся к Ченнису, который успел немного оправиться. Сознание его было напряжено из последних сил. Ченнис чувствовал, как два разума борются за него, и наконец ему удалось разорвать связывавшие его невидимые путы, и он выкрикнул:

– Сэр, я проиграл. За десять минут до вашего прихода он вытянул это из меня. Я не мог ему сопротивляться, и нет мне прощения. Он знает, что Конзвездия – не Вторая Академия. Он знает, что это – Россем.

Путы снова сомкнулись.

Первый Оратор снова нахмурился:

– Ясно. Что вы собираетесь делать?

– Вам так интересно? Вы не видите очевидного? Все это время, пока вы читали мне лекцию об эмоциональном контакте – все это время я работал, а вы бросали на ветер громкие слова типа «мания величия» и «паранойя». Я связался с моим флотом, и они выполняют мой

приказ. Через шесть часов, если только у меня не будет причины его отменить, они будут здесь и бомбардируют Россем – за исключением этой заброшенной деревушки и местности на сто квадратных миль вокруг. Они сделают это, а потом приземлятся здесь. У вас есть шесть часов, а за шесть часов вы не успеете ни победить мой разум, ни спасти остальных на Россеме.

Мул довольно потер руки и рассмеялся, а Первый Оратор, казалось, с трудом осваивается с новым поворотом событий.

– Варианты? – спросил он.

– Да с какой стати должны быть какие-то варианты? Никаких вариантов! Что я – должен заботиться о жизни жителей Россема? Хотя... В принципе можно было бы дать моим кораблям возможность приземлиться здесь и подвергнуть мозговой атаке всех вас – всех людей из Второй Академии. Тогда можно было бы отменить приказ о бомбардировке. Неплохо было бы занять такое количество умных людей! Но для этого мне пришлось бы изрядно потрудиться, а я не вижу в этом особого смысла. Потому и не предлагаю. Что вы языком-то треплете, вы, человек из Второй Академии? Какое оружие вы можете противопоставить моему разуму, который как минимум не слабее вашего, и моим кораблям, которые сильны настолько, что вам такое и в голову никогда не приходило?

– Что я могу противопоставить? – медленно проговорил Первый Оратор. – Да ничего, кроме крошечного зернышка – крошечного зернышка истины, которое у меня есть, а у вас пока нет.

– Говорите быстрее, – расхохотался Мул. – И говорите вразумительно. Вы умеете выворачиваться, но на этот раз вам это не удастся.

– Бедный мутант, – с сожалением вздохнул Первый Оратор. – Не из чего мне выворачиваться! Спросите себя – зачем Бейл Ченнис был послан в Калган как приманка для вас, – Бейл Ченнис, который, невзирая на свою молодость и отвагу, настолько же уступает вам в отношении психологических способностей, как этот храпящий солдафон, ваш доблестный Хэн Притчер? Почему туда не отправился я или кто-то другой из наших руководителей, который мог бы с вами потягаться?

– Наверное, – последовал уверенный ответ, – потому, что вы не окончательно сошли с ума и понимали, что никто из вас все равно не сможет со мной тягаться.

– Истинная причина более логична. Вы узнали, что Ченнис из Второй Академии. У него были возможности скрыть это от вас. Кроме того, вы знали, что по способностям он вам не ровня, потому-то и пошли так легко на эту игру и последовали за ним, как он и хотел, чтобы переиграть его потом. Если бы в Калган прилетел я, вы бы меня просто убили, потому что я представлял бы для вас реальную опасность. А если бы мне удалось избежать смерти, скрыв от вас, кто я такой, мне бы ни за что не удалось заманить вас в путешествие. Только чувство собственного превосходства двигало вами. А если бы вы остались на Калгане, никакие силы Второй Академии не смогли бы вам повредить – там вы окружены своими людьми, своей военной техникой и своим психологическим полем.

– Мое психологическое поле и сейчас при мне, трепач, – рявкнул Мул, – а мои люди и мои корабли не так уж далеко.

– Именно так, но вы – не на Калгане. Вы – в королевстве Конзвездия, которое, как вам внушили, является Второй Академией, – хорошо внушили. Так и должно было быть, поскольку вы – мудрый человек, Первый Гражданин, и только логикой можно было вас убедить.

– Верно. В этом вы, конечно, победили, но я вытянул правду из вашего Ченниса, поскольку предполагал заранее, что такая правда может существовать.

– Но не такие уж мы слабаки, как вы думаете. Мы предусмотрели и этот вариант, поэтому Ченнис был соответствующим образом подготовлен.

– Сомневаюсь, чтобы он был подготовлен, – я ощипал его сознание, как цыпленка. Он был голенький передо мной, и, когда он сказал, что Россем – это Вторая Академия, – это было правдой, Он не мог лгать. Я видел все, как под микроскопом.

– Все правильно. Тем лучше это подтверждает, что планы мы построили правильно. Я же сказал вам, что Бейл Ченнис был добровольцем. А знаете, каким именно добровольцем? Прежде чем отправиться на Калган, он был подвергнут серьезной психологической операции.

Неужели вы думаете, что нам было достаточно обмануть вас словами? Неужели вы думаете, что Бейл Ченнис, не будь он предварительно подготовлен соответствующим образом, сумел бы одурачить вас? Нет, Бейл Ченнис был сам обманут – по необходимости и добровольно. Ченнис честно, до последней клеточки своего мозга верил, что Россем – Вторая Академия.

И в течение трех лет мы, люди из Второй Академии, создавали в королевстве Конзвездия декорации и готовились к встрече с вами. И мы преуспели в этом, не правда ли? Вы попали в Конзвездию, и даже на Россем, – но дальше этого вы бы не попали.

Мул резко вскочил на ноги.

– Вы... осмеливаетесь утверждать, что и Россем – не Вторая Академия?

Ченнис, лежа у стены на полу, почувствовал, как окончательно разорвались связывавшие его сознание путы. Собрав все силы, он приподнялся с пола и пораженно выкрикнул:

– Разве Россем – не Вторая Академия?

Его память, все знания, которые он имел, – все закружилось в мозгу безумным вихрем.

Первый Оратор улыбнулся:

– Вот видите, Первый Гражданин, Ченнис поражен не меньше вас. Конечно, Россем – не Вторая Академия. Неужели мы – безумцы, чтобы привести вас, нашего злейшего и опаснейшего врага, в наш собственный мир? О нет!

Пусть ваш флот бомбардирует Россем, Первый Гражданин, если вам уж так хочется. Пусть разрушают все, что хотят и могут. Единственные, кого они здесь могут убить, – так это меня и Ченниса, но это вам ничего не даст.

Потому что Вторая Академия, вернее – ее экспедиция на Россеме, которая работала тут три года под видом Старейшин этой деревни, вчера отбыла с Россема и отправилась на Калган. Они опередят ваш флот и придут на Калган как минимум на день раньше вас, вот почему я вам рассказываю все это. Если я не отменю свой приказ, то, когда вы вернетесь, застанете дома взбунтовавшуюся Империю, разрушенное государство, и только люди из вашего флота останутся верны вам. Но их будет очень мало по сравнению с восставшими военными. Кроме того, люди из Второй Академии внедрятся в те соединения флота, которые остались дома, и позаботятся о том, чтобы вы больше никого не смогли «обработать». С вашей Империей покончено, мутант.

Мул медленно склонил голову. Злоба и отчаяние загнали его сознание в тупик.

– Да, слишком поздно... Слишком поздно... Теперь понятно...

– Теперь понятно, – согласился Первый Оратор. – Но все-таки не до конца.

Улучив момент, когда сознание Мула было обнажено отчаянием поражения, Первый Оратор быстро проник в него. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы радикально переориентировать противника.

Мул рассеянно взглянул на него и проговорил:

– Значит, я вернусь на Калган?

– Конечно. Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно. – Брови его удивленно приподнялись. – Кто вы?

– Какая вам разница?

– Никакой, конечно. Извините.

Мул коснулся плеча Притчера.

– Проснитесь, Притчер, мы летим домой.

Прошло еще два часа, прежде чем Ченнис сумел самостоятельно передвигаться. Он спросил:

– И он никогда ни о чем не вспомнит?

– Никогда. Его способности, его сила, его Империя – все останется при нем, но мотивация его поступков теперь радикально изменена. Понятие «Вторая Академия» теперь для него не существует, и он – совершенно миролюбивый человек. Отныне он будет и более счастлив – хотя бы те немногие годы, которые отпущены ему из-за его болезни. А потом, после его смерти, План Селдона будет осуществлен дальше.

– Но неужели это правда? – настаивал Ченнис. – Неужели Россем – не Вторая Академия?

Я могу поклясться, что это так! Я же не сошел с ума!

– Вы не сошли с ума, Ченнис. Просто, как я сказал, вы были так подготовлены. Россем – не Вторая Академия. Пойдемте. Мы тоже отправимся домой.

Последняя интерлюдия

Бейл Ченнис находился в небольшой комнате с белыми стенами. Сознание его постепенно приходило в норму. Он был счастлив тем, что жил в настоящем. Он видел стены, и окно, и траву под окном, но не помнил, как все это называется. Они просто были. Он видел кровать, и стул, и книги, которые перелистывались на экране библиовизора, стоявшего в ногах кровати. Он видел сиделку, которая приносила ему еду.

Сначала он пытался соединить обрывки фраз, которые он слышал. Кажется, говорили двое.

Один говорил:

– Пока – полная афазия. Все вычищено, и, думаю, полностью. Но без вреда. Теперь нужно только возвратить записи его первоначального сознания.

Он помнил звуки наизусть, но почему-то они казались ему особенными. Но напрягаться не хотелось, как и думать об этом.

Куда приятнее было смотреть на смену цветов на экране, лежа на том, на чем он лежал.

Потом кто-то вошел и что-то делал с ним, а потом он долго спал.

Когда он проснулся, кровать стала «кроватью», и он понял, что находится в «больнице», и все слова обрели смысл.

Он сел.

– Что происходит?

Рядом с ним был Первый Оратор.

– Вы во Второй Академии, и ваше сознание вернулось к вам – ваше собственное сознание.

– Да. Да! – Ченнис понял, что он – это он, и это его страшно обрадовало.

– А теперь скажите мне, – спросил Первый Оратор, – знаете вы, где Вторая Академия?

Истина окатила Ченниса теплой волной, но он не ответил. Как до него Эблинг Мис, он не испытал ничего, кроме всепобеждающего удивления.

Наконец он кивнул и ответил:

– Клянусь всеми звездами Галактики – теперь я знаю.

Часть вторая Поиск ведет Академия

Глава седьмая Аркадия

Дарелл, Аркади – писательница, родилась 11.5.362 А.Э., умерла 1.7.443 А.Э. Известная прежде всего как беллетрист, Аркада Дарелл снискала заслуженную славу автора блестящей биографии своей знаменитой бабушки – Байты Дарелл. Эта книга, основанная на достоверной информации, в течение многих веков служила главным источником данных о Муле и его времени. Книга вышла под названием «Неподслушанные мемуары» и, наряду с романом «Снова и снова и всегда», содержит блестящее описание высшего света Калгана времен начала Безвластия, основанное, как принято считать, на воспоминаниях Аркадии Дарелл о посещении ею Калгана в ранней юности...

Галактическая энциклопедия

Аркадия старательно продиктовала в микрофон своего принтера:

– «Будущее Плана Селдона», Аркадия Дарелл.

«Вот стану знаменитой писательницей, – подумала она, – и буду подписывать свои шедевры псевдонимом «Аркади». «Аркади» – и все. Никакой фамилии».

«А. Дарелл» – такую подпись она пока была вынуждена ставить под своими сочинениями на уроках Композиции и Риторики. Это было ужасно скучно и обыденно. Так должны были подписывать свои сочинения все ученики – все, кроме Алинтуса Дама. Когда он впервые подписал свое сочинение «А. Дам», класс чуть не помер со смеху.

Аркадия – ну и имечко! Годится для маленькой девчушки с бантиком в косичке. Ее так называли в честь прабабушки. Ну неужели папа с мамой ничего получше придумать не могли? Фантазии у них, что ли, не хватило?

Теперь, когда ей было четырнадцать лет и два дня, уж теперь-то, по ее мнению, все должны были понять, что она уже взрослая, и называть ее «Аркади»...

Она презрительно скривила губы, отчетливо представляя, как отец отрывается от библиовизора и, улыбаясь, говорит: «Если ты сейчас притворяешься, будто тебе девятнадцать, что же будет, когда тебе будет двадцать пять, а? Все парни будут считать, что тебе все тридцать?»

Оттуда, где она сидела, забросив ноги на подлокотник кресла, ей было видно собственное отражение в зеркале. Только лицо загораживало отражение правой ноги, на большом пальце которой небрежно повисла домашняя тапочка. Она поправила тапочку, села прямо, неестественно выпрямив спину, совершенно уверенная в том, что стала выше дюйма на два, и постаралась придать своему облику королевское величие.

Аркадия придирчиво разглядывала свое лицо. «Щеки слишком пухлые», – подумала она и изо всех сил втянула их. Облизнула губы, чуть-чуть приоткрыла рот. Томно, устало опустила веки – право, все бы ничего, но этот дурацкий румянец!

Тогда она пальцами растянула веки, чтобы придать глазам то таинственное, экзотическое выражение, которым отличались женщины из центральных звездных систем, но тут ее отражение загородили собственные локти, и она не сумела разглядеть, хорошо ли вышло.

Она опустила руки, вздернула подбородок, повернула голову в полупрофиль и произнесла фразу, страдая от боли в неестественно вывернутой шее и рези в скошенных глазах:

– Знаешь что, папочка, если ты думаешь, что меня волнует, что про меня думают всякие ослы, то ты жестоко...

Тут она вспомнила, что в руке у нее микрофон, и сердито буркнула:

– О, черт! – и выключила приемное устройство.

На бледно-сиреневой бумаге, выползшей из принтера, отпечаталось следующее:

Будущее плана Селдона

– Знаешь что, папочка, если ты думаешь, что меня волнует, что про меня думают всякие ослы, то ты жестоко...

– О, черт!

Она раздраженно вырвала лист из принтера. На его место тут же вполз другой.

Она прочитала, что получилось, и усмехнулась. Очень мило, решила она. Очень даже элегантно и изящно.

Принтером – последним словом техники в писательском ремесле – она обзавелась позавчера. Он был куплен и подарен ей в ее первый взрослый день рождения. В магазине она капризно сказала отцу:

– Ну, папочка, у всех-всех, кто в нашем классе что-то из себя представляет или думает, что представляет, – у всех есть такие. Никто теперь, кроме каких-нибудь занюханных стариков, не пользуется механическими пишущими машинками!

Продавец усиленно рекламировал принтер:

– Это – самая компактная, самая удобная модель. Она может правильно писать орфографически, расставлять знаки препинания в соответствии со смыслом предложения.

Кроме того, это устройство является и обучающим, поскольку заставляет пользующегося им правильно говорить и правильно дышать. В результате развивается верная постановка речи и получается безупречно написанный текст.

Но даже это не сразу убедило отца, и он склонен был все-таки купить ей пишущую машинку, как будто делал подарок не ей, а какой-нибудь тощей, как веник, классной даме.

Но в итоге было куплено именно то, что она хотела, – пришлось, правда, немного покланчить и похныкать, но ведь ей было всего-навсего четырнадцать. И вот теперь она держала в руках лист бумаги с очаровательным началом сочинения, написанным так мило и резво – чисто по-женски. Буквы выглядели написанными от руки, а заглавные вдобавок были украшены красивыми завитушками.

Даже фраза «О, черт!» смотрелась неплохо.

Но такое начало не устроило бы учительницу. Поэтому Аркадия выпрямилась, сделала глубокий вдох и начала снова, старательно выдерживая паузу между словами. С театральным пафосом она произнесла:

– Будущее Плана Селдона.

Прошлые Академии, я думаю, хорошо известно всем, кто имел счастье обучаться в системе великолепных школ нашей планеты.

(Вот! Именно так надо было начать, чтобы угодить мисс Эрлинг, этой старой гримзе.)

Наша история, наше прошлое – это в основном прошлое Великого Плана Селдона. Это – одно и то же. Но сегодня многие задают вопрос: будет ли выполнение Плана продолжено во всей его полноте и мудрости или он будет грубо и непоправимо нарушен? А может быть, он уже нарушен.

Чтобы понять это, лучше всего быстро пробежаться по основным положениям Плана в том виде, в котором он сегодня известен Человечеству.

(Этот абзац дался ей легко – в прошлом семестре они как раз изучали курс Новой Истории.)

Примерно четыре столетия назад, когда Первая Галактическая Империя была скована параличом, предшествовавшим ее окончательной гибели, один человек – великий Гэри Селдон – предвидел приближавшийся крах.

С помощью науки психоистории, хитросплетения математической теории которой с тех пор были утрачены...

(Тут она умолкла и засомневалась. Слово «хитросплетения» выглядело как-то не так. Ей почему-то казалось, что после или должно быть «и». Ну да ладно, машина тоже может ошибаться...)

Уже было слишком поздно, чтобы предотвратить упадок, но еще существовала возможность сократить продолжительность периода хаоса и анархии.

Поэтому План был составлен так, чтобы между падением Первой и возникновением Второй Империи прошло только одно тысячелетие. Мы находимся в конце четвертого столетия этого тысячелетия. Многие поколения людей жили и умерли, а План неизменно продолжал выполняться.

Гэри Селдон основал две Академии на противоположных концах Галактики – таким образом и в таких обстоятельствах, которые позволили бы наилучшим образом решать математические аспекты психоисторических проблем. В одной из них, нашей Академии, основанной здесь, на Терминусе, была сконцентрирована физическая наука Империи. Обладая достижениями этой науки, Академия отразила атаки варварских Королевств, которые отделились от старой Империи и обрели независимость на ее Периферии.

Постепенно Академия окончательно победила эти иллюзорные Королевства под руководством мудрых и героических людей – таких, как Сальвор Гардин и Ховер Мэллоу, которые сумели умно интерпретировать План и провести пашу страну через все его сложности.

(Она, было, снова хотела сказать «хитросплетения», но решила не рисковать.)

Все наши планеты до сих пор хранят память о тех днях, хотя прошли столетия.

Постелено Академия разработала и внедрила торговую систему, благодаря которой взяла под контроль большую часть сивеннианского и анакреонского Секторов Галактики и даже

сумела победить остатки Первой Империи – армию, возглавляемую последним из великих генералов – Белом Риозом. Казалось, ничто не могло помешать выполнению Плана Селдона. Каждый из запланированных им кризисов наступал в соответствующее время и разрешался; преодолев очередной кризис, Академия делала очередной гигантский шаг по пути осуществления Плана, по направлению ко Второй Империи и Галактическому Миру.

И тогда...

(Тут у нее перехватило дыхание, в голосе от волнения появилась хрипота, но принтер бесстрастно продолжал.)

...когда исчезли последние останки Старой Империи и не стало других врагов, кроме никому не опасных диктаторов, правящих жалкими осколками и обломками павшего колосса...

(Эту фразу она почерпнула из боевика, который видела по библиовизору на прошлой неделе, но старая мисс Эрллинг ничего, кроме симфоний и лекций, в жизни не слушала, поэтому и не узнает никогда, откуда взялся этот перл.)

...на сцену истории вышел Мул.

Этот необычный человек не был предусмотрен Планом. Он был мутантом, чье рождение не могло быть предсказано. Он обладал странной, таинственной силой управления человеческими эмоциями и сумел подчинить всех людей своей воле. С потрясающей легкостью он стал покорителем миров и создателем своей Империи и, наконец, сумел захватить и саму Академию.

Но вселенского господства ему достичь так и не удалось, поскольку как раз во время первого мощного броска к этой цели он был остановлен мудростью и отвагой великой женщины.

(Ну вот, опять – старая проблема. Отец наверняка будет возражать против упоминания этого факта. Он не любил, когда она упоминала, что она – внучка Байты Дарелл. Но ведь это было известно всем, и Байта действительно была величайшей женщиной в истории, и именно она остановила Мула!)

А как это произошло на самом деле, никто точно не знает.

(Вот! Когда она будет читать это в классе, эту фразу она произнесет таинственно и загадочно, и кто-нибудь обязательно спросит, как же это на самом деле произошло, и тогда... ну что же, тогда она просто не сможет не рассказать правду. Если спросят – надо рассказать, правда же? Она прокручивала эту ситуацию в уме и представляла, какими словами она опишет великий подвиг своей бабушки.)

Через пять лет после начала единоличного правления Мула произошли непонятные изменения, причины которых неизвестны. Но факт остается фактом – Мул отказался от дальнейших завоеваний. Последние пять лет его правления были годами господства просвещенного деспота.

Некоторые говорят, что изменение намерений Мула было вызвано вмешательством Второй Академии. Однако до сих пор никому не удалось определить, где она находится и чем занимается. Поэтому гипотеза остается гипотезой.

Целое новое поколение появилось на свет после смерти Мула. Каково же будущее – после того, как он явился и ушел? Он прервал выполнение Плана Селдона и, казалось, разорвал его на части, но, как только он умер, Первая Академия вновь воспряла к жизни, как сверхновая звезда из мертвенного пепла звезды погасшей.

(А вот эту фразу она придумала сама.)

И вновь планета Терминус стала центром Торговой федерации, почти такой же великой по размерам и богатству, какой была до завоевания, но гораздо более миролюбивой и демократичной.

Запланировано ли это? Жива ли до сих пор великая мечта Селдона и будет ли создана Вторая Галактическая Империя через шестьсот лет? Лично я верю в это, потому что...

(Это было очень важно – вставить фразочку такого типа. Мисс Эрллинг вечно своим безобразным здоровенным красным карандашом черкала под их сочинениями что-нибудь вроде: «Чересчур описательно! Где твое собственное мнение? Подумай! Вырази свои мысли! Внеси свою душу!» – и тому подобное. Старая дура! Что бы она понимала в их душах – со

своей чахлой, высушенной, как лимон, физиономией, никогда в жизни не улыбавшейся...)

...не было еще в истории более благоприятной политической ситуации. Старая Империя полностью разрушена, и период правления Мула завершил эпоху правления военных диктаторов, предшествовавшую его воцарению. Большая часть окружающих нас миров цивилизована и миролюбива.

Кроме того, и внутренняя ситуация в Академии сейчас лучше, чем когда бы то ни было. Времена деспотизма наследственных мэров, правивших в Академии до Завоевания, прошли, и мы вернулись снова к демократическим выборам прежних времен. Не существует больше и мятежных миров Независимых Торговцев, нет несправедливости и неравномерности в распределении материальных благ, которые раньше были сосредоточены в руках малочисленных групп населения.

Поэтому нет причин опасаться неудач, если только действительно Вторая Академия сама по себе не представляет опасности. У тех, кто считает, что это так, нет фактов, которыми они могли бы подтвердить свои предположения. Есть только смутные опасения и суеверия. Я считаю, что мы должны верить в себя, в свой народ, что великий План Гэри Селдона должен прогнать из наших сердец всякую неуверенность и...

(Гм-м-м... Это было ужасно избито, но в конце сочинения именно что-то в этом роде и требовалось.)

...поэтому я заявляю...

Но именно в это мгновение «Будущее Плана Селдона» было прервано – кто-то постучал в окно. Аркадия Дарелл выпрямилась и увидела за стеклом улыбающееся лицо молодого незнакомого мужчины, правильные черты которого подчеркивал указательный палец, прижатый к губам.

После короткой паузы, необходимой для того, чтобы справиться с неожиданностью, так не вовремя оторвавшей ее от исторического труда, Аркадия выбралась из кресла, подошла к кушетке, стоявшей у широкого окна, и встала на колени, чтобы разглядеть, кто же это такой.

Улыбка быстро исчезла с лица незнакомца. Стоять на карнизе под окном верхнего этажа ему явно было неудобно. Пальцы одной руки побелели, крепко сжимая край подоконника. Другой рукой он быстро произвел недвусмысленный жест. Аркадия поняла и нажала кнопку. Нижняя треть окна плавно отъехала в сторону, убравшись в проем стены. Теплый весенний воздух смешался с кондиционированным воздухом комнаты.

– Вы не сможете влезть в окно, – язвительно сообщила она. – Все окна в доме экранированы, и залезть может только тот, кто здесь живет. Если попытаетесь забраться, сработает целая куча сигнальных устройств.

Немного помолчав, она добавила:

– А умнее вы ничего не придумали? Зачем забрались на карниз? Вот свалитесь, шеей сломаете и вдобавок кучу дорожных цветов.

– Тогда, – сказал человек за окном, который, судя по всему, именно эту проблему и обдумывал, только с употреблением несколько других эпитетов, – может быть, ты все-таки будешь настолько добра, что отключишь экранирование ипустишь меня?

– Это еще зачем? – ехидно поинтересовалась Аркадия. – Вы, вероятно, ошиблись адресом, если принимаете меня за легкомысленную дурочку, которая впускает ночью кого ни попадя в свою... в свою спальню!

Произнося эти слова, она придала глазам такое выражение, что и впрямь можно было так подумать.

Лицо молодого незнакомца стало совсем серьезным.

– Это дом мистера Дарелла? – пробормотал он.

– С какой стати я должна отвечать?

– О, черт подери!..

– Если вы прыгнете, юноша, я сама включу сигнализацию!

Слово «юноша» было сказано с легкой иронией – на наметанный взгляд Аркадии, злоумышленнику было никак не меньше тридцати.

После короткой паузы он взмолился:

– Послушай, детка, я вижу, ты не хочешь, чтобы я остался, и не хочешь, чтобы я ушел. Чего же ты от меня хочешь?

– Пожалуй, я вас все-таки впущу. Доктор Дарелл действительно здесь живет. Сейчас отключу экранирование.

Оглядевшись по сторонам, молодой человек покрепче ухватился за подоконник и скользнул в проем окна. Сердито отряхнул колени. Лицо его покраснело от напряжения.

– А ты уверена, что твоя репутация не пострадает, если меня здесь застанут, а?

– Не больше, чем ваша. Как только поблизости раздадутся чьи-нибудь шаги, я тут же заору во весь голос и объявлю, что вы сами сюда забрались.

– Да? – искренне удивился незнакомец. – А как ты собираешься объяснить, почему отключила защитное поле?

– П-ф-ф! Вот уж ерунда. Начнем с того, что никакого защитного поля нет и не было.

Незнакомец ошарашенно вытаращил глаза.

– Обманула, значит? Сколько тебе лет, детка?

– Неприличный вопрос, молодой человек. К тому же я не привыкла, чтобы меня называли «деткой».

– Неудивительно. Ты – не иначе как переодетая прабабушка Мула. Может, мне лучше убраться отсюда подобра-поздорову, пока ты будешь готовить ужин с изысканными пытками в мою честь?

– Нет уж, пожалуй, вам лучше остаться. Мой отец ждет вас.

Взгляд незнакомца стал настороженным. Брови слегка приподнялись.

– Вот как? У него кто-нибудь уже есть в гостях?

– Нет.

– Кто-нибудь заходил к нему недавно?

– Только торговцы. И вот – вы.

– Ничего необычного не происходило?

– Кроме вашего появления – ничего.

– Про меня давай забудем. Хотя нет – погоди. Откуда ты знаешь, что отец ждет меня?

– О, это очень просто. На прошлой неделе он получил персональную капсулу, зашифрованную лично для него, с самоокисляющейся запиской. Оболочку он выбросил в дезинтегратор, а вчера он отпустил Полли – нашу служанку – на месяц в отпуск, понимаете, чтобы она поехала к сестре на Терминус. А сегодня вечером постелил себе в пустующей комнате. Поэтому я и догадалась, что он кого-то ждет и я об этом не должна знать. Обычно-то он мне все рассказывает.

– Неужели? Удивительно зачем. Похоже, ты и так все знаешь.

– Как правило, да.

Она весело рассмеялась. Она чувствовала себя все более уверенно. Незнакомец был взрослый, но очень неплохо выглядел – у него были длинные, выющиеся каштановые волосы и ярко-голубые глаза. Может быть, когда она станет взрослой, ей доведется с кем-нибудь вроде него познакомиться.

– Ну а все-таки, – настаивал незнакомец, – как ты догадалась, что он ждет именно меня?

– Господи, а кого же еще? Он ожидал кого-то и так таинственно к этой встрече готовился, если вы понимаете, о чем я говорю, и тут являетесь вы, прыгаете под окнами, врзаете на верхний этаж, вместо того чтобы просто взять и войти в переднюю дверь, как любой нормальный человек. – Тут ей на ум пришла любимая цитата, и она быстро проговорила: – Мужчины так наивны!

– А ты самоуверенна, детка! То есть, прошу прощения – мисс. Ты можешь ошибаться. А что если я скажу тебе, что все это – чепуха и твой отец, наверное, ждет кого-то другого?

– О нет, я так не думаю. Я же до тех пор не разрешила вам влезть в окно, пока не убедилась, что вы бросили свой портфель.

– Мой... что?

– Ваш портфель, молодой человек. Я не слепая. И уронили вы его не случайно – сначала поглядели вниз, чтобы удостовериться, что он упадет куда надо. Когда вы убедились, что он

упал под изгородью, где его никто не заметит, больше вы вниз не смотрели. Потом: поскольку вы не вошли в дом через дверь, а полезли в окно, это означает, что вы боялись войти, не исследовав для начала обстановку. А после того как мы тут с вами немного попрепирались, когда вы еще были за окном, вы решили позаботиться о своем портфеле, что означает, что его судьба вам более дорога, чем ваша собственная, а уж вот это означает, что, пока вы здесь, а портфель – там, а мы оба знаем, что он – там, вы, скорее всего, просто беспомощны.

Она остановилась, чтобы набрать побольше воздуха в легкие, а гость, вымученно улыбнувшись, проговорил:

– Ну да, только если мне не взбредет в голову стукнуть тебя покрепче и удалиться с портфелем.

– Ну да, молодой человек, если только у меня под кроватью не лежала бы бейсбольная бита, достать которую мне нужно всего две секунды. Я не такая уж слабенькая, как может показаться.

Незнакомец просто онемел. Наконец с вымученной улыбкой он выговорил:

– Пожалуй, надо представиться, раз уж мы так мило беседуем. Меня зовут Пеллеас Антор. А тебя?

– Меня – Аркади. Аркади Дарелл. Очень приятно.

– Ну, а теперь, Аркадия, будь паинькой и позови папу.

Аркадия нахмурилась:

– Я вам не паинька. Вы жутко невоспитанны, особенно если учесть, что обращаетесь ко мне с просьбой.

Пеллеас Антор обреченно вздохнул:

– Ладно, будь по-твоему. Будь хорошей, милой, дряхлой, насквозь пропахшей нафталином старушкой и позови папу. Идет?

– Это не то, чего я ожидала, но, так уж и быть, позову. Но учтите, с вас я глаз не спущу, молодой человек.

Она громко топнула ногой, В холле тут же раздался звук поспешных шагов, и дверь распахнулась настежь.

– Аркадия! – изумленно вскрикнул отец. – Кто вы такой, сэр?

Пеллеас облегченно вскочил на ноги.

– Доктор Торан Дарелл? Я – Пеллеас Антор. Надеюсь, вам сообщили обо мне. По крайней мере... так утверждает ваша дочь.

– Утверждает моя дочь?

Он, нахмурившись, взглянул на Аркадию, но она встретила его испытующий взгляд широко раскрытыми невинными глазами.

Доктор Дарелл вынужден был признаться:

– Да, я вас ждал. Пожалуйста, пройдите со мной. Он шагнул к двери, но оглянулся и в следующий момент был рядом с принтером. Аркади рванулась за ним. Отец мягко упрекнул ее:

– Ты все время оставляешь его включенным, Аркадия.

– Папа! – обиженно вскрикнула она. – Это возмутительно! Настоящий джентльмен никогда не станет читать чужие письма, особенно если это «говорящее письмо»!

– Ах-ах! – покачал головой отец. – Но «говорящее письмо» написано в присутствии незнакомого мужчины в твоей спальне. Должен же я блюсти твою нравственность.

– Елки-палки, да ничего такого не было!

Пеллеас неожиданно расхохотался:

– Было, было, доктор Дарелл! Юная леди пыталась обвинить меня в самых тяжких грехах, поэтому я настаиваю, чтобы вы все прочитали, чтобы моя совесть была чиста.

– О! – вскричала Аркадия, с трудом сдерживая слезы. Даже собственный отец ей не доверял. А еще этот проклятый принтер! И надо же было этому идиоту влезть в окно – конечно, из-за него она и забыла выключить устройство. А теперь отец наверняка начнет читать ей мораль по поводу того, что можно и чего нельзя делать юным леди. А юной леди только останется, что горько вздохнуть и умереть от горя.

– Аркадия, – начал отец, – меня просто поражает, как юная леди...

Она так и знала, так и знала...

– ...может вести себя так бесцеремонно с человеком, который намного старше ее.

– А с какой стати ему понадобилось лезть ко мне в окно? Имею я право защищать свою собственность или нет? Теперь еще придется заново переписывать это треклятое сочинение!

– Во всяком случае, ты не должна была предлагать ему лезть в твоё окно. Нужно было сразу позвать меня. В особенности если ты знала, что я его жду.

Она вызывающе сощурилась.

– Вот уж – нашел кого ждать. Если он все время собирается в окна влезать, то любое дело испортит.

– Аркадия, здесь никого не интересует твоё мнение по вопросам, в которых ты ничего не понимаешь!

– Я не понимаю? Отлично понимаю! Дело во Второй Академии, вот в чем!

Все молчали. Даже у самой Аркадии противно засосало под ложечкой.

Доктор Дарелл мягко поинтересовался:

– С чего ты взяла?

– Ни с чего. Только неоткуда больше взяться такой таинственности. Можешь не беспокоиться, я не проболтаюсь.

– Мистер Антор, – пробормотал Дарелл, – я вынужден просить у вас прощения за все происходящее.

– О, что вы, не за что, – глухо отозвался Антор. – Не виноваты же вы, в конце концов, в том, что ваша дочь вступила в общение с темными силами... Вы не будете возражать, если я задам ей один вопрос, прежде чем мы уйдем? Мисс Аркадия...

– Что вам угодно?

– Почему вы считаете, что влезать в окно глупее, чем войти в дверь?

– Да потому что сразу становится ясно, что вы что-то скрываете, глупец! Если у меня есть тайна, я не стану заклеивать себе рот пластырем, чтобы все до одного догадались, что я боюсь проболтаться. Наоборот, я говорю столько же, сколько обычно, но совсем о другом. Вы когда-нибудь читали афоризмы Сальвора Гардина? Надеюсь, вы знаете, что он был нашим первым мэром?

– Да, знаю.

– Ну так вот, он говорил, что только та ложь хороша, за которую не стыдно. А еще он говорил, что не все должно быть правдой, но все должно выглядеть правдиво. Ну так вот: когда вы влезаете в окно, это как раз та самая ложь, за которую стыдно и которая правдиво не выглядит.

– Ну а вы как поступили бы на моем месте?

– Если бы я была на вашем месте и мне нужно было познакомиться с моим отцом или посетить его по крайне секретному делу, я бы познакомилась с ним совершенно открыто и встретила бы совершенно легально. И тогда, когда бы все знали, что ваши отношения с моим отцом сами собой разумеются, вы бы сохранили свою тайну в целостности и сохранности и никому в голову не пришло бы вас в чем-то заподозрить.

Антор оторопело смотрел на девочку. Потом отвел взгляд в сторону. Откашлявшись, он сказал Дареллу:

– Пойдемте, доктор. Мне нужно подобрать в саду свой портфель. Нет, еще одну минутку. Только один вопрос. Аркадия, у тебя ведь нет под кроватью бейсбольной биты, правда?

– Нет, конечно!

– Ха! Я так и думал!

Доктор Дарелл остановился на пороге.

– Кстати, Аркадия, когда будешь переписывать сочинение, постарайся избежать этих туманных намеков на свою бабушку. Я считаю, что вполне можно выпустить эту часть.

Он и Пеллеас молча спускались по лестнице. Гость осторожно поинтересовался:

– Извините, сэр... Сколько ей лет?

– Позавчера исполнилось четырнадцать.

– *Четырнадцать?* Более милосердный... Скажите, она вам говорила когда-нибудь, что в один прекрасный день выйдет замуж?

– Нет, пока не говорила.

– Знаете, когда она об этом объявит, лучше сразу пристрелите жениха.

Молодой человек без тени юмора смотрел в глаза хозяина.

– Я говорю совершенно серьезно. С ней и сейчас-то страшно, а когда ей будет двадцать... нет, не завидую я ее жениху. Ради бога, только не обижайтесь.

– Я и не обижаюсь. Я понимаю, о чем вы говорите.

А наверху объект столь тонкого психоанализа – усталая, обиженная Аркадия – сжала в руке микрофон и продиктовала полусонным голосом: «Будущеепланаселдона». Принтер невозмутимо снабдил эту абракадабру соответствующим количеством изящных заглавных букв, и на бледно-сиреновом листе появилось название:

«Будущее Плана Селдона».

Глава восьмая План Селдона

Представьте себе комнату!

Где конкретно она находилась, сейчас неважно. Достаточно будет сказать, что в этой комнате – больше, чем где бы то ни было – существовала Вторая Академия.

Эта комната на протяжении столетий была колыбелью чистой науки, но в ней не было ни одного из тех приспособлений, которые мы привыкли видеть в лабораториях ученых. Здесь обитала наука, оперирующая только математическими понятиями, – так работали древние мыслители в доисторические времена, когда человек еще не шагнул за пределы своего собственного знакомого мира.

Итак, во-первых, в комнате находился защищенный силой психоисторической пауки, которую до сих пор не смогла победить вся объединенная физическая мощь Галактики, Главный Радиант – вся суть, вся полнота Плана Селдона.

Во-вторых, в комнате находился человек – Первый Оратор.

Он был двенадцатым в череде главных хранителей Плана, а титул его означал единственное: на встречах руководителей Второй Академии за ним было первое слово.

Его предшественник победил Мула, но ошибка, допущенная во время этой чудовищной схватки, до сих пор сказывалась – прямая линия была искривлена...

Уже двадцать пять лет он и его сотрудники пытались вернуть Галактику, населенную упрямыми, глупыми людьми, назад, на верную дорогу. Это было чудовищно трудно.

Первый Оратор взглянул на робко открывшуюся дверь. Все время, пока он в одиночестве вспоминал о напряженнейшей борьбе, которая медленно и неизбежно шла к развязке, – все это время он не забывал о том, кто должен был прийти к нему. О юноше, Студенте, одном из тех, кому суждено было когда-то победить в этой борьбе.

Молодой человек неуверенно остановился на пороге. Первый Оратор встал, подошел к нему и провел его в комнату, мягко положив руку на его плечо.

Студент смущенно улыбнулся, и Первый Оратор улыбнулся ему в ответ.

– Во-первых, я должен объяснить тебе, почему ты здесь.

Они сидели друг против друга за письменным столом и разговаривали так, как принято разговаривать только во Второй Академии.

Речь – изначально – была средством, которое человек разработал для передачи своих мыслей и эмоций. Средство это далеко от совершенства. Решив, что определенные звуки и комбинации звуков должны выражать определенные нюансы мышления, человек создал метод коммуникации, который, однако, за счет своей громоздкости свел на нет всю тонкость мозговой деятельности, превратив ее в грубые голосовые сигналы.

Назад в прошлое... Назад... Вспомним все радости и страдания, которые когда-либо знало

человечество, и мы сможем увидеть и понять, что ни один человек до Гэри Селдона и нескольких его последователей не был способен по-настоящему понимать другого человека. Каждое человеческое существо жило за непроницаемой перегородкой душевного тумана, внутри которой существовал только он, и никто другой. Порой человек улавливал сигналы из глубины пещеры, в которой жил другой человек, – может, звал на помощь, может – хотел что-то сказать. Но потому что они не знали друг друга, и не могли понимать друг друга, и не осмеливались доверять друг другу, но при этом с детства ощущали страх и опасность полной изоляции – возникла предательская ненависть человека к человеку.

Тысячелетия схоронили под горами земли и пепла умы, которые все это время не утрачивали способности общаться со звездами.

На ощупь, неумело, инстинктивно человек искал, как выбраться из темницы обычной речи. Семантика, математическая логика, психоанализ – лишь средства, с помощью которых люди либо пытались формализовать, очистить речь, либо вовсе избавиться от нее.

Психоистория стала достижением психологической науки, вернее – ее конечной математизацией, что в конце концов и стало залогом успеха. За счет развития математики, необходимого для понимания фактической стороны нейрофизиологических процессов, электрохимической основы высшей деятельности, которые сами по себе должны были быть прослежены до атомного уровня, стало впервые возможно развить *истинную* психоисторию. А за счет экстраполяции знаний об индивидуальной психологии на большие массы населения была разработана математическая основа социологии.

Более крупные группы людей – миллиарды, населявшие планеты, триллионы, населявшие Секторы Галактики, квадриллионы, населявшие всю Галактику, стали рассматриваться не просто как огромные массы человеческих существ, а как грандиозные силы, действие которых можно подвергнуть статистической обработке. Для Гэри Селдона, таким образом, будущее стало зримым и неизбежным, и появилась возможность разработать План.

Те самые достижения психологической науки, которые привели к разработке Плана Селдона, и были причиной того, что Первому Оратору не было нужды пользоваться словами в разговоре со Студентом.

Любая реакция на стимул, даже самый слабый, четко указывала на мельчайшие изменения в течении мыслей в сознании собеседника. Первый Оратор не мог почувствовать эмоциональное состояние Студента инстинктивно, как это мог бы сделать Мул, – поскольку Мул был мутантом, психические способности которого невозможно сравнить со способностями обычного человека, будь этот человек даже из Второй Академии. Он скорее дедуктивно исследовал его. Эту способность обрели в результате интенсивного обучения.

Однако поскольку совершенно невозможно хотя бы приблизительно передать человеку, выросшему в обществе, в среде, где общение основано исключительно на речи, тонкости манеры коммуникации, которой пользовались люди из Второй Академии, общаясь друг с другом, этот вопрос мы впредь опустим. Представим себе, что они говорят совершенно обычно, как мы с вами, и, если перевод не всегда будет адекватным, все равно лучше не передашь.

Итак, представим себе, что Первый Оратор на самом деле сказал:

– Во-первых, я должен объяснить тебе, почему ты здесь.

Хотя в действительности он просто улыбнулся и поднял вверх указательный палец. И добавил:

– Ты упорно и успешно всю сознательную жизнь изучал науку о мышлении. Ты впитывал все знания, которые тебе могли дать твои учителя. Теперь пришло время тебе и еще нескольким твоим товарищам начать обучение Ораторскому искусству.

С другого края стола ответом ему было безмолвное волнение.

– Нет. Волноваться не нужно. Ты думал, что тебе предстоит испытание. Ты боялся, что не выдержишь. На самом деле – и надежда, и страх – проявления слабости. Ты знал, что тебя будут оценивать, и боишься в этом признаться, потому что знание такого рода может показать тебя слишком самоуверенным и, следовательно, негодным. Чепуха! Самый безнадежный тупица – как раз тот, кто не знает, что он мудр. Часть оценки твоей квалификации как раз и состоит в том, что ты знал, что тебя будут оценивать.

С другого края стола ответом ему было молчаливое облегчение.

– Ну вот. Теперь тебе легче, и опасения твоим конец. Теперь тебе будет легче сконцентрироваться и понять меня. Помни, для достижения наилучшего эффекта нет необходимости держать сознание за прочным, контролирующим барьером – для тонкого собеседника такой барьер столь же информативен, как обнаженное сознание. Наоборот, следует развивать, культивировать наивность, сознание собственной стеснительности, которая не позволяет ничего скрывать от собеседника. Мой разум открыт для тебя. Пусть и твой откроется тоже. Он продолжал:

– Быть Оратором нелегко. Во-первых, нелегко быть психоисториком, и даже лучшие психоисторики не всегда выдерживают экзамен на звание Оратора. Тут есть различие. Оратор должен не только знать все математические сложности Плана Селдона – он должен любить План. План должен стать его жизнью, его дыханием, чем-то вроде живого, осязаемого друга. Знаешь ли ты, что это такое?

Рука Первого Оратора мягко легла на поверхность черного блестящего куба, стоявшего в центре стола. Ничего особенного в нем не было. Куб как куб.

– Нет, Оратор, не знаю.

– Ты слышал когда-нибудь о Главном Радианте?

– Это... он? (Неподдельное удивление.)

– Ты ожидал увидеть нечто более таинственное, вызывающее благоговение? Ну что ж, это естественно. Радиант был создан во времена Империи соратниками Селдона. Почти четыреста лет он верой и правдой служит нам и нашим целям, не требуя ни ремонта, ни наладки. И это отрадно, поскольку никто во Второй Академии не имеет понятия, как с ним обращаться с технической точки зрения.

Он мягко улыбнулся.

– Знай о нем люди из Первой Академии, они, пожалуй, смогли бы изготовить копии, но они никогда о нем не узнают.

Он нажал рычажок на краю стола, и комната погрузилась в темноту. И только на мгновение, потому что постепенно стали загораться и оживать две противоположные стены. Вначале их поверхность мерцала жемчужно-белым светом, потом туг и там стали появляться темные пятнышки и черточки, которые в конце концов превратились в четко, ярко выписанные уравнения, кое-где подчеркнутые или обведенные тонкими красными линиями, похожими на полосы охотничьих флажков в густом темном лесу.

– Подойди, мой мальчик, стань вот здесь, у стены. Не волнуйся, ты не отбрасываешь тени. Этот свет идет от Радианта не так, как обычный свет. Правду сказать, я и сам не знаю точно, как именно он образуется, но тени ты не отбрасываешь. Это я знаю точно.

Они стояли рядом в лучах света. Длина каждой стены составляла тридцать, а высота – десять футов. Цифры были написаны мелко и покрывали каждый квадратный дюйм поверхности стен.

– Здесь – не весь План, – объяснил Первый Оратор. – Чтобы он весь поместился на обеих стенах, нужно было бы уменьшить цифры до микроскопического размера – но это не нужно. То, что ты видишь сейчас, представляет собой главную часть Плана на сегодняшний день. Тебя учили этому, так ведь?

– Да, Оратор, я это изучал.

– Узнаешь какой-нибудь фрагмент?

Долгое молчание. Наконец Студент робко указал пальцем, и как только он это сделал, строчка уравнений опустилась вниз по стене на уровень глаз. Трудно себе представить, как быстро перед ним оказалась именно та группа функций, о которой он думал.

Первый Оратор тихо рассмеялся:

– Ты скоро поймешь, что Главный Радиант настроен на твое сознание. В этом маленьком устройстве множество сюрпризов. Так что ты хотел сказать о тех уравнениях, которые избрал?

– Это, – робко начал Студент, – интеграл Ригеля, с использованием планетарного распределения диагонали, указывающей на наличие двух главных экономических классов на планете, а может быть – в Секторе, плюс неустойчивая картина эмоциональных настроений.

– А что он обозначает?

– Он обозначает предел напряженности, поскольку вот здесь, – он указал пальцем, и уравнение опустилось еще ниже, – серия конвергенции.

– Хорошо, – похвалил его Первый Оратор. – А теперь скажи мне, что ты об этом думаешь. Совершенное произведение искусства, не правда ли?

– Потрясающе!

– А вот и неправда. Нет! И резко добавил:

– Это – первый урок, который ты должен выучить. План Селдона неполон и не до конца верен. Просто он – лучшее, что могло быть в то время. Десяток поколений людей корпел над этими уравнениями. Их разрабатывали, уточняли до последней цифры после запятой и снова собирали вместе. Наши предшественники сделали еще больше. Четыреста лет они сверяли все прогнозы и уравнения с реальностью и кое-что поняли.

Они узнали больше, чем когда-либо знал Селдон, и теперь, обогатившись знаниями, накопленными за века, мы можем сделать больше и лучше. Тебе понятно, о чем я говорю?

Студент был явно обескуражен.

– До того как ты получишь звание Оратора, – продолжал Первый Оратор, – ты должен будешь внести свою лепту в выполнение Плана. И не думай, что это такое уж страшное святотатство. Каждая красная пометка, которую ты здесь видишь, – это вклад наших соратников, живших и трудившихся над Планом со времен Селдона. Так... Так... – он поднял голову. – Вот здесь!

Казалось, полстены мигом упало к его ногам.

– Вот здесь, – сообщил он, – моя работа.

Тонкой красной линией, образованной двумя квадратными скобками, было обведено шесть квадратных футов уравнений. Свободное пространство между скобками заполняла серия уравнений, написанных красным.

– Как видишь, немного, – сказал Первый Оратор. – Это, – пояснил он, – та точка Плана, которой мы не достигнем даже за то время, что прошло с начала его выполнения. Это период коалесценции, когда будущая Вторая Империя будет находиться в руках соперников. В случае равной борьбы они разорвут ее на части, а если силы будут неравны, сожмут в комок. Здесь учтены и прослежены обе вероятности и показан способ, с помощью которого можно избежать обеих крайностей.

Однако поскольку мы имеем дело с вероятностями, не исключен и третий вариант. Вероятность его относительно низка – если точнее – двенадцать и шестьдесят четыре сотых процента, но события, имевшие и более низкую вероятность, уже имели место в истории. А План на сегодняшний день осуществлен только на сорок процентов. Этот третий вариант состоит в возможности компромисса между двумя и более противоборствующими сторонами, учтенным здесь. Это, как мне удалось показать, вначале «заморозит» создание Второй Империи, лишив само это понятие притягательности, а потом постепенно докажет, что гражданские войны, которые разразились бы в случае, если бы компромисс не был достигнут, нанесли бы гораздо больше вреда. К счастью, это тоже можно предотвратить. Вот таков мой вклад.

– Если мне будет позволено прервать вас, Оратор... Каким образом вносятся изменения в План?

– При Радианте существуют Комиссии. В твоем случае ты будешь иметь возможность убедиться, что все твои математические расчеты будут проверяться самым тщательным образом пятью различными независимыми Комиссиями, и тебе придется защищать свои выводы от беспощадных и пристрастных оппонентов. Пройдет два года, и твои выводы будут снова подвергнуты оценке. Уже бывали случаи, когда кажущийся безупречно выполненным фрагмент работы открывал свои просчеты только после нескольких месяцев и даже лет. Порой и сам разработчик обнаруживает собственные ошибки.

Если через два года, на следующем испытании, не менее трудном, чем первое, ты выступишь, а что еще лучше – если в промежутке между испытаниями представишь дополнительные детали, доказательства, то твои изменения будут внесены в План. Это была

вершина моей карьеры, будет вершиной и твоей.

Главный Радиант может быть настроен на твое сознание, и все коррекции и добавления могут быть произведены за счет мысленного контакта. Нет необходимости уточнять, что они принадлежат именно тебе. За всю историю Плана личность разработчика никогда не уточнялась. Это, скорее, – наш общий труд. Понимаешь?

– Да, Оратор!

– Ну что ж, тогда хватит об этом.

Он шагнул к Главному Радианту, нажал рычажок, и стены снова стали белыми, осталось только освещение на верхних кромках.

– Присаживайся, и давай еще поговорим с тобой. Психоисторику как таковому достаточно знать свою Биостатистику и свою Электрохимическую Нейроматематику. Некоторые больше ничего и не знают и годятся только на то, чтобы работать инженерами-статистиками. Но Оратор должен быть способен обсуждать План без применения математики. Если не сам План, то, по крайней мере, его философскую основу и его цели.

Во-первых, какова цель Плана? Попробуй сказать своими словами – и не бойся показаться излишне сентиментальным. Я не буду судить тебя с точки зрения отточенности стиля, уверяю тебя.

Впервые Студенту нужно было попробовать «произнести» больше, чем двусложные ответы, и он растерялся, прежде чем ступить на ожидавшее его поле беседы.

Он застенчиво, неуверенно начал:

– Как меня учили... то есть я верю, что План нужен для того, чтобы создать человеческую цивилизацию с ориентацией, коренным образом отличной от всех, когда-либо существовавших. С такой ориентацией, которая, по данным Психохимии, спонтанно не возникла бы никогда...

– Стоп! – резко прервал его Первый Оратор. – Ни в коем случае не говори «никогда». Только лентяи, умалчивая факты, этим словом прикрывают собственную лень. На самом деле Психоистория лишь предсказывает вероятности. Вероятность отдельного события может быть и ничтожно мала, но всегда выше нуля.

– Да, Оратор. «Желаемая ориентация», если мне будет позволено поправить себя, как хорошо известно, не имеет высокой вероятности развиваться спонтанно.

– Уже лучше. Какова же ориентация?

– Это ориентация цивилизации, основанной на психологической науке. На протяжении всей известной истории Человечества его достижения лежат главным образом в сфере физической технологии, в способности управлять неодушевленным миром, окружающим Человека. Самоконтроль и управление социальными явлениями были оставлены на произвол судьбы или исключительно слабых попыток систем интуитивной этики, базирующихся на воодушевлении и первичных эмоциях. В итоге не существовало ни одной культуры, стабильность которой превышала бы пятьдесят пять процентов. И все это – результат величайшей ошибки Человечества.

– А почему ориентация, о которой мы говорим, не спонтанна?

– Потому что огромное большинство человеческих существ, с психологической точки зрения, настроены на то, чтобы принимать участие в приоритетном развитии физических наук, и все они получают за счет этого грубые и осязаемые преимущества. Однако все же существует крайне ограниченное меньшинство людей, от рождения способных вести Человечество по пути величайших достижений науки о мышлении, но ценности, получаемые при этом, хотя и более долговечны, гораздо менее очевидны и более тонки. Кроме того, поскольку такая ориентация привела бы к созданию хоть и миролюбивой, но все-таки диктатуры лучших в психологическом плане, то есть фактически – элиты Человечества, – это вызвало бы недовольство и возмущение большинства, и такое общество не сможет быть стабильным – без применения силы, которая подавляла бы остальное Человечество на грубом уровне. Подобное развитие событий для нас нежелательно, и его следует избегать.

– Каков же вывод?

– Решение – План Селдона. Были созданы и закреплены такие условия, что за тысячелетие с начала выполнения Плана – через шестьсот лет с сегодняшнего дня, будет основана Вторая

Империя, в которой Человечество будет подготовлено к жизни под управлением психологической науки. В это же самое время Вторая Академия, непрерывно развиваясь, даст миру группу ученых, Психологов, способных возглавить Человечество. Или, как я сам часто думал, Первая Академия будет обеспечивать физическую структуру единственной политической единицы, а Вторая – ментальную структуру готового правящего класса.

– Понятно. Очень неплохо. Как ты думаешь, всякая ли Вторая Империя, созданная ко времени, запланированному Селдоном, будет означать завершение выполнения Плана?

– Нет, Оратор, я так не думаю. Существует несколько вариантов Второй Империи, способных образоваться за период времени продолжительностью от девятист до тысячи семист лет после начала выполнения Плана, но только одна из них – действительно Вторая Империя.

– И в свете этого, скажи, почему существует необходимость скрывать существование Второй Академии – прежде всего, от Первой Академии?

Студент робко попытался проникнуть в сознание Первого Оратора, стараясь разгадать, нет ли в вопросе какого-нибудь подвоха, но ему это не удалось. Он осторожно ответил:

– По той же самой причине, по которой детали всего Плана не должны быть известны всему Человечеству. Законы психоистории по природе статистичны и теряют ценность, если действия отдельных людей начинают носить произвольный характер, перестают быть случайными. Если значительная группа людей узнает о главных деталях Плана, их действия станут определяться этими знаниями и утратят непроизвольность, случайность в свете аксиом Психоистории. Другими словами, пропадет возможность прогнозировать такие действия. Прошу прощения, Оратор, я чувствую, что ответил не совсем правильно...

– Хорошо, что чувствуешь. Твой ответ далеко не полон. Скрыта в тайне должна быть сама Вторая Академия, а не только План. Вторая Империя пока не образована. Пока имеем общество, которое будет сопротивляться возвышению правящего класса Психологов, которое будет сторониться такого пути развития и бороться с ним. Понимаешь?

– Да, Оратор, понимаю. Но этот момент никогда не подчеркивали...

– Не надо оправдываться. Да, этого никогда не делали в классе, но ты бы мог и сам до этого додуматься. Этот и многие другие моменты мы обсудим сейчас и во время твоего обучения в ближайшем будущем. В следующий раз я жду тебя через неделю. К этому времени мне хотелось бы услышать от тебя комментарии по определенной проблеме, которую я сейчас перед тобой поставлю. Не обязательно проводить полную и тщательную математическую обработку. Эксперту на это потребовался бы год, а тебе я даю всего неделю. Мне нужно, чтобы ты только обозначил тенденции и направления...

Он нажал кнопку, и рядом на стене загорелся небольшой встроенный экран.

– Вот здесь в Плане есть разветвление. Это время примерно пятьдесят лет назад. Необходимые уточнения приложены. Ты заметишь, что линия, выведенная из предполагавшейся реальности, отклоняется от графика. Вероятность – ниже одного процента. Ты должен будешь определить, как долго может продолжаться это отклонение, прежде чем оно станет невозможным для корректировки. Попробуй определить также, к чему это приведет, если не будет внесена коррекция, и предложить разумный способ коррекции.

Студент быстро пробежал глазами строчки на экране.

– Но почему, – растерянно спросил он, – именно эта проблема? Ведь у нее, Оратор, несомненно есть значение, отличное от чисто академического?

– Прекрасно, мой мальчик. Ты подаешь большие надежды. Впрочем, я этого ожидал. Да, проблема не абстрактна. Примерно пятьдесят лет назад в галактическую историю ворвался Мул, и в течение десяти лет не было факта важнее, чем его существование. Его появление не было предусмотрено и рассчитано. Он серьезно повредил Плану, но не смертельно.

Но чтобы остановить его, пока вред действительно не стал фатальным, нам пришлось активно выступить против него. Мы обнаружили наше существование. Что еще хуже, мы частично продемонстрировали свою силу. Первая Академия узнала о нас, и их действия теперь основаны на этом знании. Вот посмотри. Вот здесь... и здесь.

Полагаю, нет нужды объяснять тебе, что об этом ты не должен говорить ни с кем?

Возникла напряженная пауза, в течение которой к Студенту постепенно пришло понимание. Он спросил:

– Значит... План Селдона провалился?

– Пока нет. Он просто *мог* провалиться. По последней оценке, вероятность его успешного выполнения составляет пока двадцать один и четыре десятых процента.

Глава девятая Конспираторы

Вечера доктор Дарелл и Пеллеас Антор проводили в дружеских беседах, а дни – в приятном ничегонеделании. Все выглядело как самый обычный визит. Знакомым доктор Дарелл представил своего гостя как прилетевшего издалека двоюродного брата, вследствие чего интерес к незнакомцу был также самый обычный.

Ну а если время от времени кто-то и проявлял любопытство, доктор Дарелл, не задумываясь, отвечал то «да», то «нет» – в зависимости от обстоятельств. В один прекрасный день он разослал по общей линии связи приглашение на вечеринку, звучавшее так: «Не желаете ли познакомиться с моим кузеном?»

Аркадия готовилась по-своему. Ее приготовления носили самый невинный характер.

Например, она вынудила Алинтуса Дама подарить ей маленький самодельный приемник – идеальное подслушивающее устройство. Сделала это она таким способом, что можно искренне пожалеть всех особ мужского пола, с которыми ее могла свести судьба в будущем. Короче: она просто-напросто проявила неподдельный интерес к страстному увлечению Алинтуса – у того дома была своя мастерская. Кроме того, она проявила неожиданное внимание и к его совершенно невыразительной внешности. Вскоре несчастный юнец, к собственному удивлению, обнаружил, что он: 1) долго, нудно и восторженно излагает принципы деятельности гиперволнового реле; 2) испытывает сильное головокружение от взгляда больших, задумчивых глаз и 3) отдает в руки Аркадии свое гениальное произведение – вышеупомянутый приемник.

После получения подарка Аркадия какое-то время поддерживала с Алинтусом довольно теплые отношения, чтобы не вызывать лишних подозрений. Еще много месяцев спустя Алинтус вспоминал о своем коротком блаженстве, по убедившись, что счастьем конец, повздыхал и перестал вспоминать.

Наступил седьмой вечер после появления Антора. В гостиной доктора Дарелла, поглощая угощение и пуская клубы дыма, сидело пятеро мужчин, а наверху, на письменном столе Аркадии стояло совершенно невинное на вид творение гения Алинтуса Дама...

Итак, их было пятеро. Прежде всего, сам доктор Дарелл – седеющий, изысканно одетый, выглядевший чуть старше своих сорока двух. Пеллеас Антор – сегодня подчеркнуто серьезный, выглядевший молодо и не очень уверенный в себе. И еще трое: Джоуль Турбор, известный тележурналист – грузный, губастый; доктор Эльветт Семик, университетский профессор физики – худой, с желтоватым морщинистым лицом, заполнявший, образно говоря, половину своего костюма; и последний – Хомир Мунн, известный библиограф – тощий, стеснительный, ужасно неуклюжий.

Доктор Дарелл начал легко, в своей обычной деловой манере:

– Наша встреча, джентльмены, посвящена не просто социальной проблеме. Надеюсь, вы это понимаете. Не случайно я пригласил вас – ваша деятельность отмечена заслугами совершенно определенного толка. Я не собираюсь вас запугивать, но все же подчеркну, что все мы, в любом случае, приговорены.

Но, как бы то ни было – никто из вас не был приглашен сюда тайно. Никому из вас не пришлось, добираясь сюда, оглядываться по сторонам. Окна дома не экранированы и не занавешены. Для того чтобы враг обнаружил нас, самое лучшее – это привлечь его внимание, а самый легкий способ привлечь внимание – это создать обстановку дешевой театральной таинственности.

«Ага!» – усмехнулась Аркадия, склонившись над черной коробочкой, откуда доносились слегка искаженные расстоянием голоса.

– Вы понимаете меня?

Эльветт Семик покусал нижнюю губу – так он делал всегда, когда собирался что-нибудь сказать.

– Ладно, Дарелл, не тяните волынку. Представьте нам молодого человека.

– Его имя – Пеллеас Антор. Он ученик моего старшего товарища по работе, Кляйзе, умершего в прошлом году. Доктор Кляйзе прислал мне его энцефалограмму, сделанную незадолго до его кончины, которую я сравнил с энцефалограммой человека, который сейчас перед вами. Вы знаете, что «портрет» мозга человека продублировать невозможно – как отпечатки пальцев. Это неподвластно даже Психологам. Если вы этого не знаете, придется вам поверить мне на слово.

Надув губы, Турбор проворчал:

– Ближе к делу. Естественно, мы верим вам на слово, ведь после смерти Кляйзе вы – величайший электроневролог в Галактике. По крайней мере, в одной из телепередач я именно так вас представил. Сколько вам лет, Антор?

– Двадцать девять, мистер Турбор.

– Гм-м-м... И вы тоже электроневролог? И тоже великий?

– Нет, сэр, я только учусь. Но я упорно работаю, и мне посчастливилось учиться у самого Кляйзе.

Тут вмешался Мунн. Волнуясь, он здорово заикался.

– Я д-думаю, п-пора бы начать. П-по-моему, с-слишком много ра-азговоров.

Доктор Дарелл, слегка нахмурившись, взглянул на Мунна:

– Вы правы, Мунн. Приступайте, Антор.

– Не сразу, – медленно проговорил Пеллеас. – Прежде чем мы приступим к самому главному, мне хотелось бы сделать энцефалограммы всех присутствующих.

Дарелл нахмурился сильнее:

– О чем вы, Антор? Зачем вам наши энцефалограммы?

– Хочу получить ваши «портреты». Мой у вас есть, доктор. И исследование мне хотелось бы провести самому.

Турбор спокойно сказал:

– У него нет причин доверять нам, Дарелл. Молодой человек имеет на это полное право.

– Благодарю вас, – вежливо кивнул Антор. – Будьте так любезны, доктор Дарелл, проводите нас в вашу лабораторию. Утром я позволил себе проверить, как работает ваша аппаратура.

Наука электроэнцефалографии стара и молода одновременно. Стара в том смысле, что знания о способности нервных клеток генерировать микротоки принадлежали к той категории знаний Человечества, происхождение которых полностью утрачено. Эти знания такие же древние, как само Человечество.

Однако она и нова. Факт существования микротока мозга живых существ на протяжении десятков тысячелетий существования Галактической Империи считался одним из очевидных, но совершенно бесполезных с практической точки зрения аспектов природы человека. Кое-кто пытался, правда, классифицировать волновые свойства мозга в зависимости от состояния сна и бодрствования, покоя и возбуждения, здоровья и болезни – но даже самые обобщенные понятия изобиловали массой исключений из правил.

Другие пробовали доказать существование групп мозговых волн, аналогичных хорошо известным группам крови, и тем самым продемонстрировать значение определяющего влияния окружающей среды. Так возникла очередная теория деления человечества на подгруппы. Но подобная философия не смогла пробить себе дорогу, противостоять мощному экуменическому потоку, захлестнувшему Галактическую Империю – единую политическую структуру, в которую входило двадцать миллионов звездных систем, населенных людьми, – от столичного Трентора, ныне не более чем прекрасного и печального воспоминания, до самых заброшенных

астероидов Периферии.

В те времена в обществе, существовавшем в Первой Империи, отданном на откуп физическим наукам и сложнейшей технологии, вновь наметился неясный, но мощный отход от исследований мозга. Такие исследования стали менее престижны, поскольку не были делом повседневной необходимости. А поскольку вдобавок эти исследования не давали немедленной отдачи, они еще и плохо финансировались.

За распадом Первой Империи последовал распад организованной науки. Начался обратный процесс – были утрачены даже фундаментальные знания об атомной энергетике, и наступил возврат к энергии угля и нефти. Единственным исключением, разумеется, была Первая Академия, где искра научной мысли была возрождена и из нее возгорелось пламя. Но даже здесь первенствовала физика, а исследования мозга свелись к чисто хирургическим проблемам.

Гэри Селдон был первым, кто сказал то, что впоследствии оказалось неопровержимой истиной.

«Мозговые микротоки, – сказал он однажды, – являются носителями, отголосками самых разнообразных импульсов и реакций, сознательных и бессознательных. Волновая активность мозга, вычерченная на бумаге в виде колеблющихся пиков и провалов, – это зеркало объединенных мысленных импульсов, испускаемых миллиардами клеток. Теоретически такой анализ должен выявлять мысли и эмоции субъекта – до самой последней и мельчайшей. Должны выявляться различия, обусловленные не только серьезными органическими нарушениями – врожденными или приобретенными, но также и те, что вызваны переменами в эмоциональном состоянии, ростом общей культуры, жизненного опыта, даже самих взглядов на жизнь».

Но даже Селдону не удалось в этом вопросе продвинуться дальше общих рассуждений.

И вот теперь уже в течение пятидесяти лет ученые в Первой Академии упорно раскапывали закрома громадной и захламленной кладовой знаний. Подход теперь, естественно, осуществлялся с помощью новейшей техники – такой, например, как возможность размещать электроды на черепе по новому методу, обеспечивающему контакт непосредственно с серым веществом мозга. Не надо было даже выбривать волосы на голове. Кроме того, было разработано записывающее устройство, которое автоматически регистрировало данные волновой деятельности мозга как в целом, так и в виде отдельных функций шести независимых переменных.

Нужно особо отметить то уважение, с которым теперь относились к энцефалографии и к электроэнцефалогам. Доктор Кляйзе, величайший из них, на научных симпозиумах восседал наравне с физиком – Доктором Дареллом, который, хотя и не занимался уже активной научной деятельностью, по снискал себе широкую известность достижениями в энцефалографических исследованиях. Эти его достижения были известны настолько, насколько было известно то, что он – сын Байты Дарелл, великой героини предыдущего поколения.

Итак, сейчас доктор Дарелл сидел в наклоненном кресле, спокойно ощущая легкое прикосновение электродов к коже головы. Иглы самописца, заключенные в вакуумные футляры, двигались по бумаге. Он сидел спиной к самописцу – так было нужно, поскольку, как было известно, визуализация движущихся ломаных линий вызывала у обследуемого бессознательное желание корректировать их, что неизбежно сказывалось на результатах. Но он знал, что на сводном экране идет ритмичная линия Сигма-колебаний, чего, впрочем, и следовало ожидать от его сильного и дисциплинированного ума. Она будет выглядеть еще более четко после последующей компьютерной обработки совместно с мозжечковыми волнами. Он знал – там будут острые, непрерывные пики сигналов с лобной доли мозга, а в промежутках между ними – невысокие зубчатые линии – сигналы низкой частоты с подповерхностных участков мозга.

Он знал свой мозговой «портрет» так же хорошо, как художник знает цвет своих глаз.

Пеллеас Антор не сказал ни слова, когда Дарелл поднялся с кресла. Молодой человек быстро пробежал глазами результаты девяти записей – так делают только те, кто знает, что означает самая малая малость.

– Теперь вы, если не возражаете, доктор Семик.

Старчески-желтоватое лицо Семика напряглось. Электроэнцефалография была наукой, о которой он знал маловато. Но он догадывался, что бесстрастный прибор покажет именно то, чего ему меньше всего хотелось, – его старость. Что он стар внешне – это было видно всякому, но «портрет» волновой активности мозга мог показать, что и ум его состарился вместе с телом. Он с неприязнью предчувствовал предстоящее вторжение за последнюю линию обороны – в его сознание.

Пеллеас приладил электроды. Весь процесс, разумеется, от начала до конца не причинял обследуемому никаких неприятных ощущений.

Затем настала очередь Турбора, который все пятнадцать минут сидел спокойно, не шелохнувшись, а затем – черед Мунна, который все время, пока шло исследование, так ворочал глазами, будто и впрямь хотел просверлить взглядом дырочку в затылке и подсмотреть, что происходит на экране.

– Ну а теперь... – начал доктор Дарелл, когда все было закончено.

– Ну а теперь, – извиняющимся тоном прервал его Антор, – простите меня, доктор, но в доме есть еще один человек.

Дарелл, нахмурился, спросил:

– Моя дочь?

– Да. Как вы помните, я настоял, чтобы она осталась дома.

– Неужели для того, чтобы ее обследовать? Господи, зачем?

– Я не могу иначе.

Дарелл недоуменно пожал плечами, вышел и поднялся по лестнице на верхний этаж. Будучи заранее предупреждена, Аркадия успела спрятать приемник и послушно последовала за отцом. Это было первое в ее жизни электроэнцефалографическое исследование – исключая то, что было проведено в раннем детстве для идентификации и регистрации.

– А посмотреть можно? – спросила она, показывая на ленту бумаги.

– Ты все равно ничего не поймешь, Аркадия. И потом, тебе спать пора.

– Да, пора, – притворно зевая, произнесла она. – Всем доброй ночи.

Она стрелой взбежала по лестнице и, наспех раздевшись, забралась в кровать. Прильнув к собранному руками несчастного Алинтуса приемнику, она чувствовала себя героиней шпионского библиофильма. Азарт игры все больше овладевал ею.

Первые после возвращения слова, услышанные ею, принадлежали Автору, который сказал:

– Результаты всех исследований, джентльмены, удовлетворительны. И у девочки тоже.

– У девочки! – зло передразнила его Аркадия и мысленно плюнула ему в физиономию.

Наконец Антор раскрыл свой портфель и вынул оттуда несколько листов с результатами электроэнцефалографических исследований. Это были, естественно, копии, и закрывался портфель не совсем обычным способом. Попади ключ от него в чужие руки, все листки внутри портфеля моментально превратились бы в горстку пепла. В том случае, если ключ поворачивал владелец портфеля, его содержимое сохранялось в течение получаса, а потом окислялось и превращалось в пепел, как и в первом случае.

Ну а пока все было цело и невредимо, Антор поторопился начать объяснения:

– Здесь у меня электроэнцефалограммы отдельных второстепенных лиц из администрации Анакреона. А вот это – электроэнцефалограмма психолога из Локрийского Университета, а вот это – промышленника из Сивенны. Ну и еще кое-кого.

Все сгрудились вокруг стола. Для всех, кроме Дарелла, электроэнцефалограммы выглядели всего лишь странными, замысловатыми закорючками. Для него это были крики миллионов внятных голосов.

Антор тихо проговорил:

– Обратите внимание, доктор Дарелл, на вот этот участок утолщения во вторичном Тау-ритме лобной доли – он имеется на всех записях. Не желаете воспользоваться Аналитическим Правилom, чтобы проверить результаты, сэр?

Аналитическое Правило можно отдаленно сравнить – примерно, как небоскреб с хижинкой – с той детской игрушкой, что называется Правилем логарифмического скольжения. Дарелл прекрасно знал это Правило и пользовался им давным-давно. Он быстро набросал на листке ряд цифр, и оказалось, как и утверждал Антор, что вместо четких колебаний ритма, которые должны были наблюдаться в норме на этом участке энцефалограммы, действительно имело место явное выравнивание ломаной линии.

– Как бы вы это объяснили, доктор Дарелл?

– Не уверен... Теоретически – просто не представляю себе возможности такой картины. Даже в случаях амнезии наблюдается лишь частичное подавление колебаний, но никак не полное их исчезновение. Грубое хирургическое вмешательство, может быть?

– Ну, конечно, словно что-то вырезано! – нетерпеливо вскричал Антор. – Однако отнюдь не в физическом смысле. Знаете, такое было бы под силу Мулу. Он мог бы подавить полностью способность к проявлению какой-то определенной эмоции, и в результате образовалось бы вот такое Плато. Или...

– Или это дело рук Второй Академии. Так? – медленно улыбаясь, проговорил Турбор.

Вопрос был риторический.

– И что же навело вас на подозрения, м-мистер Антор? – спросил Мунн.

– Не меня. Доктора Кляйзе. Он собирал энцефалограммы, как полиция собирает отпечатки пальцев, но по другому принципу. Те коллекционируют преступников, а он собирал энцефалограммы деятелей науки, правительственных шишек и бизнесменов. Видите ли, это ведь совершенно очевидно: если Вторая Академия управляет течением истории Галактики – нашей с вами истории, – они должны это делать осторожно, с минимумом внешних проявлений. Если они воздействуют на умы, а они должны это делать, – то они прежде всего воздействуют на умы людей, имеющих влияние – в науке, промышленности, политике. Именно на таких людей и обратил внимание доктор Кляйзе.

– Но, – возразил Мунн, – есть ли ка-акая-то взаимосвязь? Как ведут себя эти люди – те, у которых на-аблюдается вот такое, как вы сказали, Плато? Может быть, это совершенно но-ормальное явление?

Он отчаянно искал поддержки в глазах остальных, но, увы, не нашел.

– Давайте послушаем доктора Дарелла, – предложил Антор. – Спросите у него, сколько раз он встречался с этим явлением при проведении собственных исследований и в научной литературе. А потом спросите его, какова вероятность обнаружения этого феномена на тысячу случаев в той популяции, которую выделил доктор Кляйзе.

– Полагаю, нет никаких оснований сомневаться, что тут мы имеем дело с внедрением искусственного менталитета, – задумчиво проговорил Дарелл. – Эти люди «обработаны». Должен сознаться, я это, в некотором роде, подозревал.

– Я знаю, доктор Дарелл, – неожиданно резко сказал Антор. – Я знаю, что вы когда-то сотрудничали с доктором Кляйзе. И мне хотелось бы узнать, почему вы прервали сотрудничество с ним.

Казалось бы, никакой особой враждебности в этом вопросе не прозвучало, тем не менее после него наступила тягостная пауза.

Дарелл, обведя взглядом всех присутствующих, ответил:

– Прервал, потому что понял, что борьба, которую затеял Кляйзе, бесполезна. Он пытался вступить в единоборство с соперником, который был ему не по силам. Он обнаружил то, что мы оба ожидали обнаружить – что мы сами себе не хозяева. *Это было то, чего мне знать не хотелось!* У меня, в конце концов, было чувство собственного достоинства. Мне было приятно сознавать, что наша Академия – хозяин некоей собственной общей души, что наши праотцы прожили жизнь не зря. Я думал, что самое легкое – просто отвернуться и уйти и ждать, пока я сам не уверюсь во всем. Мое положение в научном мире меня не беспокоило – жизнь моя была материально устроена. Та пенсия, которую правительство назначило нашей семье в честь заслуг моей покойной матери, вполне обеспечивала безбедное существование, тем более что мои запросы всегда были невелики. Чтобы не страдать от безделья, у меня была домашняя

лаборатория, и в один прекрасный день жизнь моя подошла бы к концу, так я думал, а потом... потом Кляйзе умер.

Семик неловко улыбнулся и проговорил:

– Кстати – о Кляйзе. Я про него ничего не знаю. Как он умер?

Вмешался Антор:

– Он умер. Он знал, что умрет. За полгода до смерти он сказал мне, что подошел вплотную к...

– *А теперь вплотную к этому подошли мы*, – проговорил Мунн. У него пересохло в горле от волнения.

– Да! – отрезал Антор. – Собственно, в этом нет ничего нового. Мы все были к этому слишком близко. Я – ученик доктора Кляйзе, доктор Дарелл – его бывший коллега. Джоуль Турбор объявил во всеуслышание по всем каналам телевидения об опасности нашей слепой веры в спасительную десницу Второй Академии и делал это не раз, пока правительство не заткнуло ему рот – кстати сказать, не без активного участия организации, субсидируемой мощным финансистом, на электроэнцефалограмме которого отчетливо прослеживается «Плато обработки». Хомир Мунн – обладатель крупнейшей домашней коллекции «Мулианы» – позволю себе так назвать всю литературу, посвященную Мулу. Вы, уважаемый Мунн опубликовали ряд статей, содержащих ваши мысли о природе и действиях Второй Академии. Доктор Семик внес уникальный вклад в математическое обоснование электроэнцефалографических исследований, хотя, скорее всего, и не полагал, что его данные могут быть интерпретированы таким образом.

Семик вытаращил глаза и выдохнул:

– Нет, нет, молодой человек, вы ошибаетесь! Я занимался анализом интрануклеарной кинетики – проблемой n-телец, если точнее. В энцефалографии я полный профан!

– И тем не менее ваши данные используются в электроневрологии, и весьма успешно. Таким образом, наше положение нам должно быть ясно. Правительство, разумеется, ничего сделать не может. Я не в курсе относительно того, насколько мэр и остальные представители администрации осознают серьезность проблемы. Но зато я знаю другое: нам, пятерым, нечего терять, а обрести мы можем многое. Всякие новые знания будут помогать нам двигаться в нужном направлении. Сейчас – только начало, как вы, надеюсь, понимаете.

– Как вы оцениваете степень проникновения Второй Академии в нашу жизнь? – поинтересовался Турбор. – Насколько оно глубоко?

– Не знаю. Пока могу ответить только приблизительно. Все факты проникновения пока отмечаются в пограничных мирах. Столичный мир, возможно, пока и не затронут, хотя наверняка утверждать нельзя – именно поэтому я и обследовал вас. Вы были под особым подозрением, доктор Дарелл, поскольку вы прекратили сотрудничество с Кляйзе. Вы знаете, он не мог вам этого простить. Честно говоря, я думал, что вас подкупила Вторая Академия, но Кляйзе утверждал, что вы просто-напросто трусили. Вы должны простить меня, доктор Дарелл. Все это я говорю не для того, чтобы вас обидеть, а исключительно затем, чтобы прояснить мою собственную позицию. Мне кажется, я вас понимаю, и, если это действительно была трусость, я бы вас простил.

Прежде чем ответить, Дарелл глубоко вздохнул.

– Да, я сбежал! Называйте это как хотите – трусостью, малодушием. Я пытался сохранить с Кляйзе дружеские отношения, но он мне не писал и не звонил, только вот прислал вашу энцефалограмму, а это было всего за неделю до его кончины...

– П-простите, ч-что я вмешиваюсь, – проговорил Хомир Мунн, покрывшись лихорадочным румянцем, – н-но я ка-ак-то плохо п-представляю себе, чем мы со-обственно за-анимаемся. Если м-мы бу-удем все говорить и г-говорить, то м-ы-ы просто п-презренная ш-шайка к-к-конспираторов, и все. Но с дру-угой стороны, не-епонятно, что же мы-ы можем п-предпринять? Все это к-ак-то по-детски. М-мозговые во-олны, м-мумбо-юмбо и всякое та-акое. Де-елать-то ч-что?

Глаза Антора загорелись.

– Есть что делать! Нам нужно как можно больше информации о Второй Академии. Это –

дело первой необходимости. Мул посвятил поиску этой информации первые пять лет своего правления и потерпел фиаско – или нам так внушили. А потом что – перестал искать? Почему? Потому что преуспел – или потому что потерпел провал?

– С-нова одни с-лова... – разочарованно протянул Мунн. – Ка-ак м-мы можем это у-узнать?

– Поймете, если выслушаете меня до конца. Столица Мула была на Калгане. Калган не был частью сферы торгового влияния Академии до воцарения Мула, не является таковой и сейчас. В настоящее время на Калгане правит человек по имени Стеттин, если только завтра там не грянет очередной дворцовый переворот. Стеттин именуется себя Первым Гражданином Галактики и считает себя преемником Мула. Если в этом мире есть какая-то традиция, то она зиждется на сверхчеловечности Мула, и традиция эта там здорово укрепилась. В итоге, прежняя цитадель Мула – его дворец – сохраняется как реликвия. Посторонних туда не пускают, внутри ни к чему не прикасаются.

– Ну?

– А почему, а? В такие времена ничего не бывает без причины. Что если дворец Мула сохраняется в неприкосновенности не только из-за суеверия? Что если Вторая Академия так все обставила? Что если там хранятся записи Мула – итог его пятилетних поисков?

– О, это ч-чепуха.

– Ну, почему же чепуха? – настаивал Антор, – На протяжении всей истории Вторая Академия только и делала, что непрерывно скрывалась и в дела Галактики вмешивалась минимально. Да, для нас было бы более логично, если бы дворец Мула был разрушен и записи, хранящиеся там, уничтожены. Но вы не должны забывать, что речь идет о Психологии в руках Мастеров Психологии. Они – Селдоны, они – Мулы, и действуют не напрямую, а через умы, через сознание. Зачем им что-то разрушать и ликвидировать, если они спокойно могут достичь своей цели, воздействуя на умы других людей? – Никто не ответил ему, и Антор закончил:

– И именно вы, Мунн – тот человек, который может добыть для нас необходимую информацию.

– Я? – испуганно вскрикнул Мунн и быстро obeжал взглядом всех присутствующих. – Н-но я не могу! Я... н-не герой, я вообще... н-ну, я би-блиограф, и все... В этом п-плане я м-могу оказать ва-ам всяческую п-помощь, но... нет, я го-отов столкнуться и со Вто-орой Академией, если п-по-отребуется, но лететь в космос по такому странному делу – нет, у-увольте!

– Ну посудите сами, – спокойно сказал Антор. – Доктор Дарелл и я, мы пришли к общему мнению, что это дело нужно поручить именно вам. Это – единственная возможность придать ситуации естественность. Вы – библиограф? Вот и отлично! Что является предметом вашего основного интереса? Мулиана! Уже сегодня вы – владелец самого крупного в Галактике собрания литературы о Муле. Вполне логично, что вы заинтересованы в его пополнении – для вас это более естественно, чем для кого-либо другого. Вы сможете попросить разрешения осмотреть калганский дворец, не вызывая ни у кого подозрений в искренности своих намерений. Вам могут отказать, но подозревать вряд ли станут. Кроме того, у вас есть одноместный крейсер. Известно, что вы во время отпусков часто а одиночестве отправляетесь на другие планеты с целью сбора литературы. Вы и на Калгане раньше бывали. Разве вы не понимаете, что в вашем полете туда нет ничего нелогичного?

– М-мне трудно та-ак с-разу... Э-это что же, я во-от так прямо п-приду и ска-ажу: «Здра-авствуйте, мистер Пе-ервый Г-гражданин, нельзя ли м-мне п-посетить вашу дра-агоценную реликвию?»

– А почему бы и нет?

– По-потому, ч-черт п-подери, что он мне не п-позволит!

– И ладно! Не позволит так не позволит. Тогда вернетесь домой, и мы еще что-нибудь придумаем.

Мунн беспомощно искал поддержки у присутствующих, затравленно поглядывая на всех по очереди. Он чувствовал, что его втягивают в дело, которое ему глубоко противно. Но никто не выражал желания поддержать его молчаливый протест.

Итак, в итоге в доме доктора Дарелла было принято два решения. Во-первых, Мунн с явной неохотой вынужден был согласиться отправиться на Калган, как только оформит летний отпуск.

О втором решении официальные участники встречи ничего не знали – оно было принято той, которая наверху, в своей спальне, выключила приемник, чтобы наконец заснуть, – была уже глубокая ночь, Но об этом пока промолчим...

Глава десятая Кризис приближается

Та же самая неделя минула во Второй Академии, и Первый Оратор улыбкой встретил Студента.

– Ты сердит сегодня, мальчик, значит, принес что-то интересное.

Студент накрыл ладонью стопку листков с компьютерными расчетами и спросил:

– Вы уверены, Оратор, что та проблема, которую вы поставили передо мной, носит фактический характер?

– Исходные данные истинны. Я ничего не добавлял от себя.

– Тогда я вынужден признать, что полученные мною результаты верны, но, видит бог, мне не хочется этого признавать.

– Понимаю. Но при чем тут твои желания? Ну, хорошо, скажи мне, что именно так огорчает тебя? Нет-нет, расчеты отложи. Я потом посмотрю. Пока давай просто поговорим. Расскажи, как ты сам это понимаешь.

– Хорошо, Оратор... В общей психологической ситуации, наблюдающейся в Первой Академии, очевидны глобальные перемены. Все время, пока они знали о существовании Плана Селдона, не будучи знакомы с его деталями, они верили в него, но не до конца. Они знали, что должны побеждать, но никогда не знали наверняка когда и как. Поэтому там все время существовала атмосфера напряженности, боевой готовности – то есть именно то, чего и хотел Селдон. Другими словами – Первой Академии все время приходилось трудиться – с полной выкладкой.

– Сомнительная метафора, – откликнулся Первый Оратор, – но я понял, что ты хотел сказать.

– Но теперь, Оратор, они знают о Второй Академии гораздо больше. Раньше им было известно лишь туманное напоминание о ней в записях Селдона, по теперь они догадываются, что ей отведена роль Хранительницы Плана. Они знают, что существует некая организация, которая следит за каждым их шагом и не позволяет им упасть. Поэтому они отбросили прочь сомнения, отказались от борьбы за существование и позволили вести себя на поводке. Ну вот, получилась еще одна метафора. Прошу прощения...

– Ничего, ничего, продолжай.

– И вот именно этот отказ от активности, эта нарастающая инерция, этот переход к упадочной, гедонистической философии и означает провал Плана. Они снова должны обрести некую самостоятельность.

– Это все?

– Нет, есть кое-что еще. Реакция большинства населения именно такова, как я описал. Но существует высокая вероятность наличия реакции меньшинства. Знание о нашей руководящей роли, роли поводыря, вызовет у некоторых не расслабление, не покорность судьбе, а совсем наоборот – протест, враждебность. Это следует из теоремы Кориллова...

– Да-да. Теорему я знаю.

– Прошу прощения, Оратор. Очень трудно обойтись без математики... Как бы то ни было, мы имеем дело не только с падением активности в Первой Академии, но и с тем фактом, что некоторая часть ее населения может выступить против нас, и весьма активно.

– Теперь все?

– Остался еще один фактор, вероятность которого достаточно высока.

– Отлично. Что за фактор?

– Пока вся энергия Первой Академии была направлена на борьбу с Империей, пока их единственный враг являл собой неуклюжее, безнадежно устаревшие останки бывшего величия, они концентрировали свое внимание исключительно на развитии физической технологии. Когда же новой, немаловажной частью их окружения стали мы, резко возросла вероятность перемены в их ориентации. Они могут попытаться стать Психологами...

– Эта перемена в ориентации, – холодно прокомментировал Первый Оратор, – уже произошла.

Губы Студента плотно сжались. Он нахмурился:

– Значит, все кончено. Это – фундаментальное расхождение с Планом. Оратор, мог ли я узнать об этом, если бы жил... не здесь?

Первый Оратор спокойно и серьезно ответил:

– Мальчик мой, ты расстроен, удручен – я понимаю тебя. Ты думал, что столь многое тебе открыто, а теперь вдруг с: удивлением обнаружил, что не видел столь очевидного. Ты считал себя одним из Правителей Галактики, а теперь понял, что стоишь так близко к собственному краху. Образно говоря, ты понял, что теперь тебе придется покинуть башню из слоновой кости, где ты обитал до сих пор, и выйти в широкий мир, отрешившись от всех иллюзий, что питали тебя во время учебы.

Я сам это пережил в свое время. Это нормально. Понимаешь, это необходимо – чтобы какое-то время в начале твоей жизни ты существовал в некотором отрыве от реальности, чтобы ты был здесь, где все знания достались тебе в чистом виде, чтобы вырос и заострился твой разум. Мы могли бы и раньше показать тебе этот частичный провал в Плате, чем избавили бы тебя от теперешнего потрясения, но тогда ты бы еще не сумел так хорошо понять значения всего этого, как понял сейчас. Так, значит, ты не видишь никакого решения проблемы?

– Никакого... – проговорил Студент, понурился.

– Ну что ж, это неудивительно. Послушай меня, юноша. На самом деле способ действия существует, и он уже осуществляется примерно в течение десяти лет. Это необычный способ – мы были вынуждены прибегнуть к нему против своей воли. Он требует учета низких вероятностей, опасных допущений... Нам даже пришлось временами учитывать реакции отдельных людей, потому что иначе в такой ситуации просто нельзя – ведь ты прекрасно знаешь, что Психостатистика, по определению, утрачивает значение, будучи применена на материале ниже планетарных чисел.

– Есть успехи? – выдохнул Студент.

– Пока сказать трудно. Пока мы еще удерживаем контроль над ситуацией, но впервые за всю историю выполнения Плана так высока вероятность того, что действия отдельных людей могут разрушить все. Мы воздействовали в нужном направлении на умы ограниченного числа наших противников, у нас есть агенты – но их действия четко спланированы. На импровизацию они не отважатся. Это тебе должно быть понятно. Мне трудно допустить самое страшное – то, что нас могут обнаружить здесь, в этом мире. Если это произойдет, не только План будет разрушен, но и мы сами. Так что, как видишь, вывод весьма, весьма неутешительный.

– То, что вы сказали, Оратор, это... как бы вообще не вывод. Это не решение – это не больше чем отчаянная догадка!

– Нет. Это – разумная догадка.

– Когда же... наступит кризис, Оратор? Когда мы узнаем, выиграли мы или нет?

– В течение года все станет ясно.

Студент задумался. Кивнув, он пожал руку Оратора.

– Горькая правда. Но лучше – правда, – сказал он, повернулся и вышел.

Первый Оратор подошел к стене, часть которой постепенно стала прозрачной. Он смотрел поверх высоких, гигантских строений на бесчисленные спокойные скопления звезд.

...Год пройдет быстро. Доживет ли кто-нибудь из них, наследников Селдона, до его конца?

На Калган – «зайцем»

Прошло чуть больше месяца, и для Хомира Мунна наступило лето. Он написал финансовый отчет за год, передал все дела своему новому заместителю, недавно назначенному Правительством, – прежний никуда не годился в деловом плане, и занялся подготовкой к полету своего маленького одноместного крейсера под названием «Русалка» – это имя корабль получил в честь загадочного, романтического эпизода двадцатилетней давности. Корабль был извлечен на свет из ангара и очищен от налипшей за зиму паутины.

Мунн покидал Терминус с грустью. Его никто не провожал – и это было печально, хотя его и раньше никто не провожал в путешествия. Он понимал, что все должно выглядеть так, чтобы это его событие ничем не отличалось от предыдущих, но радости от этого было мало. Он, Хомир Мунн, вынужден рисковать жизнью в потрясающей авантюре, а улетал один-одинешенек...

По крайней мере, он так думал.

Однако он жестоко ошибался, и поэтому на следующий день был жуткий переполох – как на борту «Русалки», так и в загородном доме доктора Дарелла.

Если придерживаться хронологии, то сначала шок наступил в доме Дареллов. Шум подняла Полли, служанка, чей отпуск к этому времени уже закончился. Она сбежала по лестнице, отчаянно причитая.

Доктор встретил ее внизу. Вначале она тщетно пыталась выразить обуревавшие ее чувства словами, но в конце концов просто сунула ему листок бумаги и какой-то маленький кубический предмет.

Он недовольно взял все это и спросил:

– Так в чем дело, Полли?

– Она убежала, доктор!

– Кто убежал?

– Аркадия!

– Что значит – «убежала»? Куда убежала? О чем ты?

Полли сердито топнула ногой.

– Вот уж не знаю! Она ушла – взяла маленький чемоданчик с одеждой, оставила вот эту записку. Да вы бы взяли и прочитали, а не стояли бы так! Ох уж эти мужчины!

Доктор Дарелл недоуменно пожал плечами и раскрыл сложенную вчетверо записку. Записка была короткая и, кроме размашистой подписи «Аркади», напечатана – вернее, написана на принтере.

«Милый папа,

прощаться с тобой было бы невыносимо тяжело. Я бы стала плакать, как маленькая, и тебе было бы стыдно за меня. Поэтому я решила попрощаться с тобой в записке. Я буду очень скучать по тебе, хотя, конечно, каникулы с дядей Хомиром получатся прекрасные. Я обещаю вести себя хорошо и скоро вернусь. На память оставляю тебе одну свою вещьцу.

Любящая тебя дочь, Аркади».

Он несколько раз перечитал записку, По его лицу было видно, что с каждым разом он понимает ее смысл все меньше и меньше. Потом он строго спросил:

– Ты прочла это, Полли?

Полли обиделась:

– Ну уж в этом я не виновата, доктор! Там же было написано: «Полли», а я откуда могла знать, что записка-то вам? Я в чужие дела не привыкла соваться, доктор, я у вас столько лет служу, и вы знаете, что...

Доктор протестующе поднял руку:

– Ладно, ладно, Полли. Не обижайся. Я просто хотел узнать, поняла ли ты, в чем дело.

Она молчала, а он лихорадочно соображал, как быть. Убеждать ее забыть о происшествии бесполезно. При общении с врагом пожелание «забыть и не думать» было бессмысленно, и

подобный совет мог сыграть абсолютно противоположную роль.

Поэтому он сказал:

– Ты знаешь, Полли, она странная девочка. Очень... романтическая. Она так ждала этой поездки с тех самых пор, как мы договорились.

– Договорились? А мне никто и словом не обмолвился?

– Просто мы все решили, когда ты была в отпуске, а потом как-то позабыли тебе рассказать. Вот и все.

Полли откровенно возмутилась:

– Вот как у вас все просто получается! Бедняжка отправилась неизвестно куда с одним-единственным чемоданчиком, не взяла ни одного хорошенького платица, никто ее, бедненькую, даже не проводил! И надолго?

– Ну что ты, Полли, перестань волноваться. На корабле у нее куча всякой одежды. Все было сделано заранее. А теперь, будь добра, скажи мистеру Антору, что я хочу его видеть. Да, кстати, вот эту вещь Аркадия мне оставила?

Он повертел в руках приемник.

Полли гордо подняла голову:

– Вот уж не знаю! Записка просто лежала на этой штуке. Больше мне нечего вам сказать. Мне тут вообще ничего не говорят. О, если бы ее мать была жива!..

Дарелл жестом отослал ее, поторопив:

– Будь добра, позови мистера Антора.

Реакция Антора на происшедшее была абсолютно противоположна отношению отца Аркадии. В первый момент он даже сказать ничего не мог, а только сжимал и разжимал кулаки и пытался рвать на себе волосы. Потом он разразился проклятиями.

– Черт возьми, чего вы ждете? Чего мы оба ждем? Немедленно свяжитесь по видеофону с космопортом и скажите им, чтобы они связались с «Русалкой»!

– Спокойно, Пеллеас. Она – моя дочь.

– Да, но Галактика не ваша!

– Ну-ну, потише. Она – умная девочка, Пеллеас, и она все продумала досконально. Давайте-ка пока быстренько обдумаем все сами. Знаете, что это такое?

– Нет. Какая разница, что это такое.

– Это – приемник. Подслушивающее устройство.

– Вот эта штуковина?

– Да, это самоделка, но работает прилично. Я проверил. Не понимаете? Она же четко и ясно дает нам понять, что прекрасно слышала нее, о чем мы говорили во время нашей встречи. Она знает, куда и зачем отправился Хомир Мунн. Она решила, что ей интересно будет отправиться вместе с ним.

– О Более Всемогуший! – прорычал Антор. – Ну вот, еще один подарочек для Второй Академии!

– Да, конечно, если только не подумать хорошенько, с какой стати им взбредет в голову в чем-то заподозрить четырнадцатилетнюю девчонку *apriori*, если только мы со своей стороны не предпримем ничего такого, что могло бы привлечь к ней внимание, – типа попытки связаться с кораблем, приказа вернуться домой и тому подобного. Вернуться из-за нее. Вы разве забыли, с кем мы имеем дело? Забыли, как тонка завеса, отделяющая нас от истины? И как беспомощны мы станем после подобных панических действий!

– Но мы не имеем права ставить наше дело в зависимость от причуд безумного ребенка!

– Она не безумный ребенок, и выбора у нас нет. Она могла бы не писать записку, но сделала это исключительно для того, чтобы мы не бросились сломя голову в полицию заявлять о ее пропаже. Ее записка – она для того и написана, чтобы у всех создалось впечатление, что добрый дядюшка Хомир Мунн взял с собой в отпуск племянницу, дочку старого приятеля. Почему бы и нет? Он – мой друг уже лет двадцать. Ее он знает с трехлетнего возраста, с тех пор как я привез ее сюда с Трентора. Все выглядит совершенно натурально и даже уменьшает подозрительность всего мероприятия. Шпион не потащил бы с собой четырнадцатилетнюю

племянницу.

– Ясно. А что станет делать Мунн, когда ее обнаружит?

Доктор Дарелл слегка нахмурился:

– Не знаю... Но думаю, она сумеет с ним договориться.

Антора-то доктор Дарелл вроде бы убедил, но ему самому к вечеру стало ужасно одиноко в собственном доме, и не было ему никакого дела до судьбы Галактики. Он думал только о том, что жизнь, маленькая взбалмошная жизнь его единственного ребенка в опасности...

На борту «Русалки» и народу было поменьше, и шума тоже. Аркадия, притаившись в багажном отсеке, испытывала смешанные чувства. С одной стороны, ее радовал некоторый собственный опыт космических путешествий, с другой стороны, она жестоко страдала из-за того, что не все предусмотрела.

Первую перегрузку она перенесла довольно легко: ее только немного затошнило и чуть-чуть закружилась голова. Это было во время первого прыжка через гиперпространство. Подобное она переносила и раньше, и это ей было не в новинку. Кроме того, она знала, что багажный отсек вентилируется и освещается, но проверять, работает ли освещение, она, естественно, не стала – это было бы не так романтично. Она сидела в темноте, как полагается истинному конспиратору, стараясь дышать как можно тише и прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся извне.

Это были самые обычные звуки, какие производит человек, находясь в одиночестве, – шум шагов, трение ткани одежды о металл обшивки стен, поскрипывание кресла, резкие щелчки тумблеров на пульте управления, мягкий звук прикосновения руки к глазку фотоэлемента...

Но, как бы то ни было, скоро выяснилось, что Аркадия действительно не все предусмотрела. Да, в библиофильмах и видеобоевиках у «зайцев» всегда были неограниченные возможности скрываться сколь угодно долго. Конечно, там бывали эпизоды, когда герои того и гляди должны были что-то уронить на пол со страшным грохотом и, что того хуже, чихнуть. Это она прекрасно знала и вела себя крайне осторожно. Она предвидела, что ей захочется пить и есть. Еду и питье она с собой захватила. Но оставались еще кое-какие досадные мелочи, которые в фильмах почему-то не упоминались, и Аркадия с ужасом поняла, что, как бы она ни старалась, до туалета добраться незамеченной ей никак не удастся.

На таком маленьком спортивном кораблике, как «Русалка», жилой отсек представлял собой одну-единственную каюту, и никоим образом нельзя было прошмыгнуть в туалет, минуя Мунна.

Она отчаянно пыталась определить по звукам, когда же Мунн наконец заснет. Эх, если бы она только помнила, храпит он или нет? Правда, она знала, где стоит койка, и надеялась, что она заскрипит, когда Мунн будет укладываться спать. Наконец она услышала долгожданный скрип. Потом последовал глубокий вдох и звучный зевок. Она ждала. Наступила тишина, потом койка опять скрипнула – видимо, Мунн устраивался поудобнее.

Прошло еще несколько минут. Аркадия толкнула дверь багажного отсека пальцем. Дверь бесшумно открылась. Она осторожно выглянула.

Койка резко скрипнула. Аркадия окаменела. Нет, стоять, не двигаться!

Она отчаянно попыталась спрятаться за дверь – скрыть глаза, не пошевелив головой. Но это ей не удалось – глаза у людей все-таки на голове.

Увы, Хомир Мунн не спал – он читал, лежа в постели. Горела маленькая лампочка у кровати. Он рывком сел, всмотрелся в темноту. Правая рука скользнула под подушку.

Голова Аркадии инстинктивно отдернулась назад. Вспыхнул свет, и голос Мунна произнес:

– У меня бластер, и я буду стрелять!

Аркадия хмыкнула:

– Не стреляйте. Это... я...

Вот видите, как хрупка романтика? Пистолет в руке нервного героя может все испортить!

Свет горел по всему кораблю, Мунн сидел на койке. Вид у него был совсем не

романтичный – щетина однодневной выдержки на впалых щеках и жиденькая растительность на груди.

Аркадия вышла, понутив голову. На ней был металлический комбинезон – идеальная одежда для космических полетов – плотный, облегающий ее стройную фигурку.

Опомнившись от шока, Мунн чуть было не вскочил с постели, но, вспомнив, что он не одет, натянул одеяло до подбородка и срывающимся шепотом произнес:

– Ч-ч-что?!

Он был сражен наповал.

Аркадия кротко проговорила:

– Простите меня, я на минутку... Только руки вымою.

Она отлично знала планировку корабля и быстро скользнула в дверь туалета. Когда она вернулась, поднабравшись храбрости, Хомир Мунн стоял у постели, одетый в помятую пижаму. Взгляд его пылал гневом.

– К-какого... ч-что ты тут де-елаешь? Ка-ак ты сюда п-попала? Ч-что я до-олжен с тобой д-делать? Ч-то зде-есь п-происходит?

Он мог бы задать еще много вопросов, но Аркадия спокойно ответила на все сразу:

– Я просто хотела полететь с вами, дядя Хомир.

– Ка-ак? Куда со м-мною п-полететь? Я... н-никуда не лечу!

– Вы летите на Калган, чтобы добыть информацию о Второй Академии.

У Мунна вырвался сдавленный стон. Он без сил опустился на постель. Аркадии показалось, что у него сейчас начнется истерика и он станет биться головой о стену. Бластер все еще был у него в руке, и у нее противно засосало под ложечкой.

– Не волнуйтесь вы так... – это было все, что она смогла сказать.

Но он уже успел взять себя в руки и с такой силой швырнул бластер на пол, что казалось, тот неминуемо должен был пролететь весь корабль насквозь и пробить дыру в обшивке.

– К-как ты сюда попала? – отчетливо выговаривая каждое слово, спросил Мунн, стараясь не показывать, как у него зубы стучат.

– Очень просто. Просто пришла в ангар со своим чемоданчиком и сказала: «Багаж мистера Мунна», а служащий только ткнул пальцем в корабль, и все.

– Мне придется, милочка, отвезти тебя домой, – объявил Мунн и почувствовал, что этот вариант его даже обрадовал. В конце концов – он же не виноват, что так вышло.

– Вы не сможете этого сделать, – спокойно отозвалась Аркадия. – Это привлечет внимание.

– Ч-что?

– Вы все отлично понимаете. Вся затея с вашим полетом на Калган задумана, потому что для вас вполне естественно отправиться туда и попросить разрешения на посещение дворца, чтобы просмотреть записи Мула. Чтобы все продолжало выглядеть естественно, вам не следует привлекать к себе лишнего внимания. А если вы отправитесь назад, чтобы отвезти домой девочку-«зайца», такое даже по телевидению объявят, это точно.

– А о-откуда т-ты знаешь п-про Калган? Ч-что за ш-шутки такие?

Он никак не мог заставить себя поверить – да и кто бы поверил? И кто бы мог признаться – кому бы то ни было?

– Я все слышала, – спокойно объяснила она, – через приемник. Я все знаю, так что вам просто *придется* взять меня с собой.

– А отец? – Мунн ухватился за последнюю соломинку. – Он-то ч-что по-одумает? Ч-что тебя п-похитили, убили!

– Не подумает. Я оставила ему записку, – безжалостно вырвав соломинку из руки Мунна, объявила Аркадия. – Думаю, он понял, что шума поднимать не следует. Наверное, очень скоро вы получите космограмму от него.

Мунну нечего было возразить, тем более что ровно через две секунды после этих слов раздался оглушительный писк сигнала приемного устройства космопочты.

Аркадия кивнула и сказала:

– Клянусь, это от папы.

Послание было короткое и адресовано Аркадии. Там говорилось:
«Спасибо за прекрасный подарок. Желаю хорошо провести время».
– Вот видите, – довольно улыбнулась Аркадия. – Четкие инструкции.

Хомир постепенно привык к девочке. Пожалуй, он даже был рад, что она здесь. Порой он удивлялся, как мог без нее обойтись. Она болтала без умолку. Ее все удивляло. А самое главное – она ни капельки не боялась! Она знала, что Вторая Академия – их враг, а все остальное ее ни капельки не волновало. Она знала, что на Калгане их вряд ли встретят с распростертыми объятиями, но и это ее не путало. Она просто дожидаться не могла, когда, они туда доберутся.

Может быть, все это потому, что ей было всего четырнадцать.

Как бы то ни было, недельный полет превратился для Мунна в непрерывную увлекательную беседу с Аркадией вместо мучительных размышлений наедине с самим собой. Не сказать, конечно, чтобы это были очень умные разговоры, поскольку состояли они в основном из собственных соображений Аркадии на тот счет, как лучше всего охмурить повелителя Калгана. Это было бессмысленно, но занимательно, поскольку все свои доводы Аркадия высказывала с потрясающей самоуверенностью.

Хомир, к своему удивлению, обнаружил, что ласково улыбается, выслушивая ее заявления, хотя и понимал, что у девочки полная путаница в голове относительно истории Галактики.

Настал вечер перед последним прыжком через гиперпространство. Звездочка Калгана ярко горела на фоне других редких звезд бескрайнего космоса. Телескоп корабля увеличил изображение, но все равно до Калгана было еще очень далеко.

Аркадия, закинув ногу на ногу, сидела в удобном кресле. На ней были облегающие брючки и довольно приличная рубашка, принадлежавшая Хомиру. Ее собственная одежда была выстирана и выглажена, приготовлена к посадке.

Она спросила:

– Я вам говорила, что собираюсь писать исторические романы?

Она была в полном восторге от путешествия. Хомир умел слушать, а ей только того и надо – ведь это так здорово – разговаривать с умным человеком, который тебя понимает.

Она продолжала:

– Я прочитала целую уйму книг о великих людях из нашей Академии. Ну, знаете – про Селдона, Гардина, Мэллоу, Деверса и всех остальных. Ваши книжки про Мула я тоже читала, только... знаете, не очень-то приятно читать те места, где описываете», как Академия проигрывала. Гораздо приятнее читать истории, где не описываются поражения и трагедии.

– Наверное, приятнее, – улыбнулся Мунн, – но ведь тогда нельзя считать эти истории правдивыми, не так ли, Аркади? Чтобы тебя высоко оценили профессионалы, нужно писать правду.

– Да ну! – махнула рукой Аркадия. – Кому она нужна – оценка профессионалов?

Аркадии все больше нравился Мунн. Вот уже несколько дней он называл ее исключительно Аркади, как она попросила, и ни разу не сбился.

– Мои романы будут захватывающие, потрясающе увлекательные, их все будут покупать, и я стану знаменитостью. Какой же смысл сочинять книжки, если они не будут нарасхват и ты не станешь знаменитостью? Вот уж ни капельки не хочу, чтобы мои книги читали всякие там занюханые лысые профессора! Нет, мои книжки будут читать все, все на свете!

Глаза ее потемнели от удовольствия. Она поджала под себя ноги, взъерошила волосы и продолжала:

– Нет, серьезно, как только папа меня отпустит, я обязательно слетаю на Трентор, чтобы собрать побольше материала о Первой Империи. Между прочим, я на Тренторе родилась, знаете?

Он знал, но спросил:

– Вот как? – стараясь вложить в вопрос побольше искреннего удивления. Вознагражден он был чем-то средним между восторгом и презрением:

– А-га! Моя бабушка... – ну, вы знаете, Байта Дарелл, уж про нее-то вы наверняка

слышали, когда-то попала на Трентор вместе с моим дедушкой. Вот там-то они и остановили этого подлеца Мула, когда вся Галактика уже была у его ног, ну а мой папа и моя мама туда полетели, как только поженились. Я там родилась и еще немного жила там, а потом мама умерла, а мне было тогда только три года, и я почти не помню про Трентор. А вы там были, дядя Хомир?

– Нет, не сказал бы, – невпопад ответил Мунн. Мысли его были далеко, поскольку Калган был уже совсем близко.

– Ну это же, наверное, потрясающе романтичный мир! Папа говорил мне, что при Станнеле V там жило больше людей, чем сейчас, наверное, в целых десяти мирах! Он рассказывал, что это был большущий мир, целиком одетый в металл, – один громадный город, и он был столицей Галактики. А теперь там одни руины – но уж наверняка – величественные! Ой, как бы мне хотелось туда попасть! Ну, правда... дядя Хомир!

– Да?

– А почему бы нам не слетать туда, когда мы все, что нужно, сделаем на Калгане?

Лицо его перекошилось от испуга:

– Что? Вот этого, пожалуйста, не надо. Мы не на прогулку летим. У меня важные дела. Не забывай об этом.

– А разве там нет важных дел? – воскликнула она, сдвигая брови. – Да ведь на Тренторе наверняка целая куча бесценной информации. Или вы так не думаете?

– Нет, я так не думаю. Он встал с кресла:

– А теперь, будь добра, пусти меня к компьютеру. Нам осталось сделать последний прыжок, а потом мы еще поболтаем.

Как ни боялся он посадки и всего, что за ней последует, одна мысль его все-таки радовала – ему до смерти надоело спать на жестком металлическом полу, кутаясь в собственную куртку.

Расчеты оказались несложными. В пособии под названием «Популярный учебник навигации» маршрут от Академии до Калгана был объяснен четко и ясно. Раздался легкий щелчок. Корабль преодолел временной барьер. Прошел последний световой год их путешествия.

Солнце Калгана теперь стало действительно похоже на солнце – большое, яркое, желто-белое. Но они недолго на него смотрели – иллюминаторы с солнечной стороны автоматически зашторились.

Еще одна ночь – и они на Калгане.

Глава двенадцатая Лорд

История Калгана на фоне истории других миров была поистине уникальна. К примеру, история Терминуса – это непрерывное возвышение, история Трентора – это постепенный, но неумолимый упадок. Но Калган...

Вначале Калган снискал себе славу лучшего галактического курорта – это было за два столетия до рождения Селдона. Там развилась настоящая индустрия развлечений. Калган качал в свой карман миллионы – и все за счет организации отдыха.

И это была исключительно стабильная индустрия. Самая стабильная в Галактике. Вокруг рассыпались в прах миры, а на Калган не упало ни одной пылинки. Дело в том, что, как бы плачевна ни была экономика и культура окружающих секторов Галактики, там во все времена существовала какая-никакая элита, а элита во все времена считала и считает получение удовольствий наградой за само свое существование.

Поэтому дела Калгана шли прекрасно. Он верно служил и разодетым, надушенным щеголям из имперской камарильи, сопровождаемым кокетливыми, блистательными дамами, и грубым горластым диктаторам, правившим огнем и мечом в захваченных в кровавых схватках мирах, – их сопровождали такие же неотесанные, как они сами, жены, и пузатым толстосумам из Академии, прибывавшим с пышнотелыми, ярко накрашенными любовницами.

Никакой дискриминации и в помине не было, поскольку у всех у них водились денежки.

Итак, Калган служил всем, никого не отвергал, его услуги всегда пользовались спросом, ему всегда хватало ума не вмешиваться в политику, и потому он процветал, как никакой другой мир, и набирал вес, когда другие вокруг тощали от нищеты и голода.

То есть так было до тех пор, пока не появился Мул. Вот тогда-то Калган впервые стал на колени перед завоевателем, которому не было равным счетом никакого дела до развлечений, – ему вообще ни до чего, кроме непрерывных завоеваний, дела не было. Все планеты для него были одинаковы, в том числе – Калган.

Вот так получилось, что в течение одного десятилетия Калгану пришлось играть непривычную для него роль Галактической метрополии, хозяйки величайшей по масштабу Империи после падения Первой.

Потом, после смерти Мула, внезапной, как утренний звонок будильника, настали совсем другие времена. Встала на ноги и отделилась Академия. Вслед за ней отделились и другие муловские колонии. Прошло пятьдесят лет, и осталась только память об этом кратком, эфемерном величии – сладкая несбыточная мечта. Калган так и не сумел оправиться от этого потрясения до конца. Не удалось ему вновь стать беззаботным, веселым курортом – проклятие власти не ослабило своей мертвой хватки. Калганом стали править непрерывно сменяющие друг друга правители – в Академии их называли Лордами Калгана. Но сами себя они именовали, в подражание титулу Мула, Первыми Гражданами Галактики.

Нынешний Лорд Калгана находился у кормила власти уже пять месяцев. Пост этот достался ему без особого труда. Предшественник его был недостаточно прозорлив, а Стеттин стоял во главе калганского флота. Однако никому на Калгане и в голову не приходило усомниться в его праве на «престол». К таким событиям здесь уже успели привыкнуть.

Лорд Стеттин в общении был крайне тяжелым человеком и не допускал мысли о том, что в один прекрасный день может появиться некий соперник, способный сбросить его так, как он сбросил своего предшественника.

Никак не мог найти с ним общий язык даже самый высокий вельможа – Первый Министр, человек большого ума и хитрости, успевший послужить и его предшественнику и способный, позволь ему время, послужить и его преемнику.

Нелегко порой было с ним договориться и Леди Каллии, которая была для него больше чем подруга, но меньше чем жена.

Эти трое находились в личных покоях Лорда Стеттина в тот вечер, о котором пойдет речь. Первый Гражданин, облаченный в свою любимую парадную адмиральскую форму, хмуро поглядывая на остальных, восседал в жестком кресле без подлокотников – и сам казался таким же жестким и негибким, как пластик, из которого оно было сделано, Первый Министр Лев Мейрус поглядывал на Стеттина с тщательно скрываемым недоверием. Его длинные, нервные пальцы скользили по глубокой складке, тянущейся по впалой щеке от носа к седой бородке клинышком. Леди Каллия, свернувшись калачиком на покрытой пушистым пледом фоамитовой кушетке, капризно дула губки.

– Сэр, – сказал Мейрус (это было единственное обращение к повелителю Калгана), – вам недостает четкого взгляда на исторические события. Ваша собственная жизнь, прошедшая на фоне непрерывных переворотов и революций, вероятно, внушила вам мысль о том, что все в истории происходит путем резких перемен. Это не так.

– Мул доказал обратное.

– Да, но кому под силу пойти по его стопам? Он был больше чем человек, не забывайте, сэр. Но даже ему не все удалось.

– Зайчик, – капризно хныкнула Леди Каллия, но тут же испуганно съежилась под ледяным взглядом Первого Гражданина.

– Помолчи, Каллия! – грубо одернул ее Стеттин. – Мейрус, я устал от бездействия. Мой предшественник всю свою жизнь только тем и занимался, что начищал до блеска наш флот и превратил его в совершенное оружие, равного которому нет в Галактике. Он приказал долго жить, а наша великая Армада скоро просто проржавеет. Что, и мне сидеть сложа руки? Мне, Адмиралу Флота? Сидеть и ждать, пока действительно все проржавеет и рассыплется? Мы же, как собака на сене, сидим на своем сокровище и ничего не имеем взамен. Офицеры мечтают о

захвате новых колоний, о добыче и славе. Весь Калган хочет возврата власти и величия. Это вы можете понять?

– Это все – слова, но я понимаю, что вы имеете в виду, сэр. Колонии, добыча, слава – все это приятно, когда это заполучишь, да только процесс добывания всего этого чаще всего рискован и далеко не всегда приятен и легок. Первый порыв быстро пройдет. История показывает, что нападать на Академию во все времена оказывалось неразумно. Даже Мулу в свое время не следовало этого делать.

Глуповатые голубые глаза Леди Каллии были полны слез. В последнее время ее любимый Зайчик мало виделся с ней, и вот теперь, когда он обещал провести с ней этот вечер, явился этот противный, тощий седой умник, который смотрел сквозь нее, словно ее и не было. И Зайчик его принимает и слушает. Ее душили рыдания, но она боялась даже слово вымолвить.

А Стеттин говорил сейчас тем самым тоном, которого она так боялась – сердито, неторопливо.

– Вы – раб далекого прошлого. Да, Академия больше нас по территории и населению, но они слабы в военном отношении и развалятся от первого же удара. Они держатся вместе сегодня только за счет инерции, а у меня хватит сил победить инерцию. Вы находитесь под гипнозом тех времен, когда Академия, и только Академия, владела атомной энергией. Этим могучим молотом они могли наносить сокрушительные удары по старой, умирающей Империи и сталкивались с сопротивлением всего лишь безмозглой анархии диктаторов, которые могли выставить против атомного оружия Академии только ржавые развалюхи.

А Мул, дорогой мой Мейрус, все изменил. Он дал всем понять, что Академия замкнута в самой себе. Он половине Галактики дал понять, что ее монополия на ядерную науку сгинула навеки. Нет, мы можем с ними потягаться!

– А Вторая Академия? – холодно поинтересовался Мейрус.

– Что – «Вторая Академия»? – в тон ему спросил Стеттин. – Вам что, известны ее намерения? Им потребовалось десять лет для того, чтобы остановить Мула, – если это действительно они его остановили, в чем лично я сильно сомневаюсь. Известно ли вам, что подавляющее большинство психологов и социологов из Первой Академии считают, что План Селдона полностью разрушен со времен Мула? А если Плана нет, значит, есть вакуум, который я могу так же спокойно заполнить, как всякий другой.

– Наши знания об этом не настолько обширны, чтобы позволить себе рисковать.

– *Наши* – может быть, и действительно не очень обширны, да, но на планете сейчас находится человек из Первой Академии. Знаете вы об этом, а? Некто Хомир Мунн – человек, который, насколько мне известно, написал много статей о Муле и четко выразил свою точку зрения. Он считает, что План Селдона больше не существует.

Первый Министр кивнул:

– Я слышал о нем. По крайней мере, о его работах. Чего он хочет?

– Он просит разрешения посетить Дворец Мула.

– Разумнее было бы отказать. Опасно разрушать суеверия, бытующие на Калгане.

– Я подумаю. Мы еще поговорим.

Мейрус поклонился и вышел.

Леди Каллия капризно спросила:

– Ты... сердит на меня, Зайчик?

Стеттин резко развернулся к ней:

– Сколько раз я просил тебя не называть меня этим идиотским прозвищем при посторонних?!

– Но тебе так нравилось...

– Больше не нравится! И чтоб больше не смела этого делать!

Он угрюмо смотрел на нее. И как он только переносил ее в последние дни – сам удивлялся. Да, она миленькая, хорошенькая, пухленькая безделушка, ее приятно ласкать, отвлекаясь от забот и тягот правления. Но сейчас он устал даже от ее прелестей. Она мечтала о замужестве, о том, чтобы стать первой Леди.

Смешно.

Все это было очень мило, когда он был просто Адмиралом, но теперь, когда он стал Первым Гражданином, будущим великим завоевателем, ему нужно было что-то большее. Ему нужны были наследники, которые смогли бы объединить его будущие колонии, наследники, которых у Мула не было и быть не могло, и именно поэтому Империя его не пережила. Ему, Стеттину, необходимо создать династию, породниться с кем-то из могучих фамилий Академии...

Да, от Каллии нужно избавиться. «Вообще-то, ничего особо трудного в этом не будет, – думал, он. – Ну, похнычет немножко...» Но он прогнал эту мысль. «Ладно, черт с ней, иногда она все-таки еще очень ничего себе...»

Каллия немного приободрилась. Противный Мейрус ушел, и сердитое лицо Зайчика немного смягчилось. Она мягко, порывисто встала, подошла и прижалась к нему.

– Ты не будешь меня ругать, правда?

– Нет... – ответил он, рассеянно глядя ее по спине, – Только посиди тихо и не болтай. Мне нужно кое о чем подумать.

– Об этом человеке из Академии?

– Да.

– Зайчик... – осторожно начала она и смолкла.

– Что?

– Зайчик, я слышала, что с этим человеком – маленькая девочка. Ты сам мне говорил, помнишь? Можно мне с ней увидеться? Я никогда...

– За каким это дьяволом я буду его просить, чтобы он привел сюда эту соплячку? У меня что туг – детский сад? Прекрати ерунду пороть, Каллия!

– Но... я ее сама встречу, Зайчик, и она совсем-совсем тебе не помешает! Просто я так редко вижу детишек, а ты ведь знаешь – я их так люблю...

Он с усмешкой уставился на нее. Вот еще новости! Детишек она, видите ли, любит! Надо понимать – «его детишек», то есть его «законных детишек», значит, замуж хочет! Он расхохотался.

– Этому ребеночку, – сообщил он, – лет четырнадцать или пятнадцать. Небось с тебя ростом.

Каллия обиделась.

– Ну и что? Ну, пожалуйста! А она мне, может быть, про Академию расскажет... Мне же всегда так хотелось там побывать. Мой дедушка был из Академии. Зайчик... а... ты меня когда-нибудь туда возьмешь?

Стеттин улыбнулся. Хорошая мысль. Может, и возьмет, когда эту самую Академию завоюет. От этой мысли он как-то сразу подобрел.

– Возьму, возьму. Ладно, так и быть. Мажешь повидаться с девочкой и потрепаться с ней об Академии и обо всем остальном. Только не при мне, ясно?

– Нет-нет, я не буду тебе мешать, честное слово! Я приму ее у себя.

Она снова была счастлива. В последнее время ей так редко выпадало удовольствие чего-нибудь выпросить для себя. Она обвила пухлыми ручками шею Стеттина и ощутила, как постепенно расслабились и обмякли напряженные мышцы. Большая голова возлюбленного опустилась на ее мягкое, теплое плечо.

Глава тринадцатая Леди

Аркадия была на седьмом небе от счастья. Как изменилась ее жизнь с той минуты, когда глупая физиономия Пеллеаса Антора появилась в ее окне, – а все потому, что она была так дальновидна и смела и знала, что нужно делать.

Итак, она на Калгане! Она уже успела побывать в громадном Центральном Театре – самом большом в Галактике, и своими ушами слушала, и своими глазами видела оперных звезд, чья слава гремела даже в далекой Академии. Она сама ходила по магазинам на Цветочной Аллее – по самым модным магазинам Галактики, и покупки делала сама – в чем, в чем, а в этом она

понимала побольше Хомира. Продавщицы, не говоря ни слова, подавали ей длинные блестящие платья, в которых она казалась такой высокой и взрослой, – и деньги из Академии заканчивали свой долгий путь. Хомир дал ей чек на десять кредиток, а когда она обменяла его на калганские «калганитки», получилась жутко толстая пачка денег.

Она даже успела поменять прическу, сходя в модную парикмахерскую. Ей немного подстригли волосы сзади, а спереди завили два игривых локона, слегка подкрасили, и копна ее волос стала по-настоящему золотой.

Но самое главное... Самое главное происходило сейчас, и это самое грандиозное! Конечно, дворец Лорда Стеттина не такой огромный и шикарный, как калганские театры, и не такой таинственный и древний, как старый Дворец Мула, на который пока посмотреть им удалось только сверху во время обзорной экскурсии вокруг планеты.

Но только представить себе – она во дворце Лорда! Она просто не могла в себя прийти от восторга.

И это еще не все. Она была наедине – тет-а-тет с Госпожой, его Фавориткой. Аркадия в уме написала это слово с большой буквы – она-то знала, какую роль порой играли женщины такого сорта в истории, знала об их блеске и власти. Чего греха таить – бывало, изредка она пыталась представить себя на их месте – в блеске и могуществе, но теперь фаворитки в Академии были как-то не в моде, ну и потом, дойди дело до этого, папа бы ей, конечно, не разрешил, как пить дать...

Правду сказать, Леди Каллия оказалась не похожа на тот образ, который рисовался в воображении Аркадии. Для роковой женщины она слишком уж полновата, старовата, близоруко щурилась, голос у нее был так себе – тонкий, высокий, а уж никак не низкий, грудной, и вообще...

Каллия спросила:

– Хочешь еще чаю, детка?

– Я выпью еще чашечку с удовольствием, ваша милость.

А может, нужно было сказать «Ваше Высочество»? Тонем искушенного знатока Аркадия проговорила:

– Какие у вас замечательные жемчужины, моя госпожа. – В конце концов, она решила, что «моя госпожа» будет звучать лучше всего.

– О! Ты так думаешь?

Пожалуй, Каллия была польщена. Она сняла ожерелье и покачала его на указательном пальце.

– Тебе нравится? Вот, возьми.

– Ой... Правда?

Ожерелье перешло в руки Аркадии. Она восхищенно перебирала жемчужины, но потом с сожалением проговорила:

– Боюсь, папе не понравится.

– Ему не понравятся жемчужины? Но это очень красивые жемчужины!

– Нет, что вы! Они очень красивые! Просто ему не понравится, что я их взяла. Он говорит, что неприлично принимать дорогие подарки.

– Неприлично? А... мне их подарил Зай... то есть Первый Гражданин. Ты думаешь, это неприлично?

Аркадия покраснела:

– Я не хотела сказать...

Но Каллии явно надоела эта тема. Она взяла ожерелье, небрежно бросила его на столик и сказала:

– Ты мне хотела рассказать об Академии. Будь добра, расскажи.

Аркадия вдруг растерялась. Что рассказать о мире, скучном до слез? Для нее Академия была скучным провинциальным городком, уютным домом, занудной необходимостью каждый день ходить в школу, обычной повседневностью размеренной жизни. Она неуверенно проговорила:

– Да все там, как в библиофильмах...

– О, ты смотришь библиофильмы? Как ты можешь их смотреть? У меня от них только головная боль. Но знаешь, мне всегда нравились боевики про ваших Торговцев – какие это сильные, смелые мужчины! Вот это потрясающе интересно. А твой дядя, этот, как его... мистер Мунн, он из них? Только он что-то не выглядит очень храбрым. У Торговцев, которых показывают в фильмах, такие большие бороды, они говорят басом и так сурово обращаются с женщинами... Или ты другого мнения?

Аркадия загадочно улыбнулась:

– Это все – история, моя госпожа. Я хочу сказать, – продолжала она тоном лектора, – что в те дни, когда Академия была молода, Торговцы были пионерами, которые расширяли наши границы и несли свет цивилизации в самые глухие уголки Галактики. Это все мы в школе учили. Но эти времена миновали. У нас больше нет Торговцев. Теперь у нас корпорация и всякое такое...

– Правда? Как жаль... Ну а чем же занимается мистер Мунн? Ну кто же он, если не Торговец?

– Дядя Хомир – библиограф.

Каллия прикрыла рот рукой и прыснула:

– Ты хочешь сказать, что он – хранитель библиофильмов? Надо же! Мне кажется, что это какое-то несерьезное занятие для взрослого мужчины.

– Он – очень хороший библиограф, моя госпожа. Эта профессия высоко ценится в Академии.

Она поставила маленькую, прозрачную чашечку на молочно-серебристую поверхность столика.

Хозяйка прижала руки к груди:

– Но, милая детка, я вовсе не хотела тебя обидеть. Наверное, он очень просвещенный человек. Я как на него посмотрела, так сразу поняла, какой он просвещенный. У него такие... просвещенные глаза. И потом, он, наверное, очень храбрый человек, если хочет посетить Дворец Мула...

– Храбрый? – Аркадия внутренне напряглась. Вот оно! Вот этого она ждала! Интрига! Авантюра!

С напускной непринужденностью она спросила, внимательно разглядывая ногти на правой руке:

– А что, надо быть храбрым для того, чтобы войти во Дворец Мула?

– А ты не знаешь?

Глаза Каллии округлились, она перешла на полусшепот:

– На нем – проклятие! Умирая, Мул запретил кому-либо туда заходить до тех пор, пока не будет образована Галактическая Империя. На Калгане никто до сих пор даже на дворцовую территорию не осмеливался ступить.

– Но это же суеверие! – возразила Аркадия.

– Не говори так! – предостерегающе воскликнула Каллия. – Вот и Зайчик тоже всегда так говорит. Говорить-то говорит, но считает, что это помогает ему народ держать в повиновении, хотя сам-то там ни разу не был. И Таллос тоже туда не ходил – тот, кто правил Калганом до Зайчика.

Неожиданно она поинтересовалась:

– А почему мистер Мунн хочет посетить Дворец?

Вот тут-то настало время начать осуществление тщательно продуманного плана. Из прочитанных книжек Аркадия давно сделала вывод о том, какую роль играет Фаворитка, – она, стоя за тронном Правителя, на самом деле обладает реальной властью, она должна иметь на него влияние. Следовательно, если дяде Хомиру не удастся уговорить Лорда Стеттина – а она была уверена, что не удастся, – надо попытаться уговорить Леди Каллию. Правда, Леди Каллия все-таки была какая-то нетипичная Фаворитка, не производила впечатления мудрой и властной женщины. Ну да ладно, попытка не пытка, да и вся история показывает... Она загадочно произнесла:

– Для этого есть причина, моя госпожа, но... могу я быть уверена, что вы сохраните это в тайне?

– Клянусь, – прошептала Каллия, сделав большие глаза и прижав руку к декольтированной груди.

Мысль Аркадии летела впереди слов.

– Дядя Хомир – один из ведущих специалистов по биографии Мула. Он написал про него кучу книжек, и он считает, что галактическая история сильно изменилась с тех пор, как Мул пришел к власти и захватил Академию.

– Ой, мамочки!

– Он считает, что План Селдона...

Каллия радостно захлопала в ладоши:

– Ой, вот про План Селдона я знаю! Ну, знаешь, во всех фильмах про Торговцев всегда-всегда говорится про План Селдона. Он так все здорово придумал, что Академия всегда побеждала. Ну еще что-то там такое очень научное, но только в этом уж я ничего не понимаю. Когда кто-то что-то начинает объяснять, мне становится так скучно... Но продолжай, моя милочка. Ты объясняешь хорошо. У тебя так просто и ясно получается. Продолжай!

Аркадия продолжала:

– Ну вот! И понимаете, когда Академия была побеждена Мулом, План Селдона не сработал и с тех пор вообще не срабатывал. Следовательно, – проговорила она и на мгновение умолкла, подняв вверх указательный палец, – встает вопрос: кто же будет создателем Второй Империи?

– Второй Империи?

– Да, она ведь должна быть когда-то создана, понимаете? Но кем? Вот в чем весь вопрос! И еще – ведь существует Вторая Академия.

– Вторая Академия?

Леди Каллия была сражена наповал.

– Да, – небрежно продолжала Аркадия, явно довольная реакцией собеседницы. – Они занимаются планированием истории и идут по стопам самого Селдона. Они остановили Мула, потому что было еще рано, но теперь... я думаю, они будут поддерживать Калган.

– А почему? – робко поинтересовалась Каллия.

– Да потому что Калган сейчас – самая подходящая кандидатура для того, чтобы стать ядром повой Империи.

Было похоже, что до Леди Каллии наконец дошел смысл сказанного.

– Ты хочешь сказать, что мой Зайчик может стать во главе новой Империи, да?

– Ну, этого нельзя вот так с уверенностью утверждать... Дядя Хомир так думает, но, чтобы все уточнить, ему нужно посмотреть записи Мула.

– Это очень, очень сложно... – покачав головой, проговорила Леди Каллия.

Аркадия пожала плечами. Она сделала все, что могла.

Лорд Стеттин был настроен саркастически. Беседа с хлюпиком из Академии прошла без особого успеха. Более того – ему было стыдно за себя. Быть абсолютным монархом двадцати семи миров, хозяином мощнейшего в Галактике Флота – и быть вынужденным тратить время на пустую болтовню с каким-то букинистом!

Проклятие!

Неужели он должен нарушить калганские традиции? Позволить этому слюнтяю войти во Дворец Мула для того, чтобы он еще одну книжонку написал? Черт бы его побрал – научный вопрос! Святость истины! Дьявол! И он должен был выслушивать эту галиматью совершенно серьезно! Нет, а потом, все-таки как ни крути – на Дворце было проклятие... Конечно, он в это не верил – ни один здравомыслящий человек не поверил бы в глупые байки. Но для того чтобы нарушить неписанный закон, нужна была более веская причина.

– Чего тебе? – буркнул он, когда в дверях появилась Каллия.

– Ты занят?

– Да. Я занят.

– Но... у тебя никого нет, Зайчик. Позволь мне минутку поговорить с тобой...

– О господи! – заскрипел зубами Стеттин. – Ну, чего ты хочешь? Только побыстрее!

Запинаясь, она проговорила:

– Девочка... сказала мне, что они... хотят войти во Дворец Мула. Там, наверное, очень красиво...

– Вот как? Она тебе сказала? Ну так вот, заруби себе на носу – никто туда не войдет – ни они, ни мы! А теперь ступай займись своими делами. Ты мне надоела.

– Но, Зайчик, а почему бы и нет? Неужели ты правда, им не разрешишь? Ведь девочка сказала, что ты... можешь создать новую Империю...

– Плевать я хотел, что она сказала. Постой!

Он шагнул к Каллии и грубо схватил ее за руку:

– Что она тебе сказала?

– Мне больно! Отпусти! Ну, не помню я точно, что она сказала, и не вспомню, если ты будешь так на меня смотреть!

Он выпустил ее руку, и она, всхлипывая и потирая покрасневшую руку, призналась:

– Я обещала девочке, что никому не скажу.

– Умница! А теперь говори быстро!

– Ну, в общем, она сказала, что План Селдона изменился, и что где-то есть еще одна Академия. И что эта Академия хочет, чтобы ты создал новую Империю. Вот и все. Она сказала еще, что мистер Мунн – очень важный ученый и что во Дворце Мула он может найти что-то такое, что подтвердит его догадки. Вот и все, что она сказала. Ты сердишься?

Но Стеттин ничего ей не ответил. Он быстро вышел из комнаты, оставив Леди Каллию в полной растерянности. Она проводила его взглядом, глаза ее были полны слез.

Не прошло и получаса, как по официальной почте Первого Гражданина было отдано два приказа. В первом было изложено распоряжение немедленно вывести в космос пятьсот линкоров – якобы на боевые учения. Второй приказ поверг в полное замешательство одного нашего знакомого...

Хомир Мунн как раз заканчивал приготовления к отлету, когда ему доставили этот самый второй приказ. Естественно, это было официальное разрешение посетить Дворец Мула. Он читал и перечитывал его, испытывая какие угодно чувства, но только не радость.

А Аркадия была счастлива. Она-то знала, что произошло.

По крайней мере, думала, что знает.

Глава четырнадцатая

Паника

Полли поставила поднос с завтраком на стол и принялась сервировать стол, искоса поглядывая на маленький телевизор, стоявший тут же. Шла программа новостей. Делать два дела сразу ей было совсем не трудно – вся пища была упакована в стерильные разовые контейнеры. Ей оставалось только выбрать меню, поставить контейнеры на стол, а потом убрать их и выбросить в дезинтегратор.

Она комментировала новости, укоризненно цокая языком и вздыхая.

– Господи, ну до чего же злые люди... – проговорила она, качая головой.

Доктор Дарелл промывчал в ответ что-то нечленораздельное.

Голос Полли, когда она принималась обличать пороки рода человеческого, становился неприятно скрипучим.

– Нет, все-таки почему эти мерзкие калганцы себе такое позволяют? И ведь хитрющие такие – с виду мирные да тихие, но я-то знаю: от них все беды, все время от них все беды.

Нет, вы поглядите, что вытворяют, – «Народные волнения перед посольством Академии!»! Меня бы вот спросили – я бы им быстро все объяснила. Память у них короткая, доктор Дарелл, вот что я вам скажу. Ну, вы же помните последнюю войну после того, как Мул помер, – я-то тогда еще пешком под стол ходила – сколько мы тогда от них, мерзавцев, натерпелись! Дядя-то

мой погиб тогда, а ведь какой молодой был – еще двадцати не исполнилось, только два года как женился, дочка сироткой осталась... А его как сейчас помню – блондин, красавец писанный, ямочка на подбородке. Где-то у меня портрет его есть...

А теперь у дочки его уже свой сын во флоте, и случись что...

Помню, ох как хорошо помню, как мы ходили в патрулях при бомбардировках, даже старики дежурили в стратосферной защите – господа, да что угодно могло случиться, если бы калганцы прорвались! А мать нам тогда, детям малым, только и говорила, что надо еду экономить, да какие цены, да какие налоги – едва концы с концами сводили...

Да будь у них там люди поумнее, сроду бы не начали ничего такого опять. Только это все не простой парод выдумывает, это уж как пить дать. Простым калганцам разве это надо? Сидели бы себе дома, с женами да детишками – неужто им и впрямь охота тащиться невесть куда, чтобы их там кокнули? Нет, это все этот Стеттин, скотина, прошу прощения, доктор. И как его только земля носит? Укокошил этого старика несчастного – ну, как его – Таллоса, вот, а теперь думает, как бы всю Галактику к рукам прибрать.

А уж мы-то ему чем не угодили, ума не приложу! Ведь все одно – победить ему нас не выйдет – ни у кого не выходило. Уж не знаю, План там или что другое, но только не по душе мне такие планы, чтобы людям убивать друг друга. Нет, про Гэри Селдона я ничего дурного не хочу сказать, упаси бог, он, наверное, все знает, ему виднее, и не такой дура, как я, его судить. А вот для другой Академии я слова доброго не найду. Уж они-то наверняка могли бы этим калганцам по мозгам дать, да покрепче, чтоб те прочухались и перестали пакостничать. В конце-то концов они так и сделают, только уж поторопились бы, пока беды не вышло.

Доктор Дарелл рассеянно взглянул на нее:

– Ты что-то сказала, Полли?

Глаза Полли широко раскрылись, но тут же сердито сузились.

– Ничего, доктор, ровным счетом ничего не сказала. Что я могла сказать? Разве мне можно хоть слово сказать в этом доме? Крутишься тут целый день – все подай да принеси, а чтоб слово сказать...

Продолжая сердито ворчать, она удалилась.

Ее уход произвел на доктора Дарелла впечатления не больше, чем ее причитания.

Калган? Блеф, ерунда. Элементарный физический противник. Таких во все времена побеждали.

У него были дела поважнее, Неделю назад мэр предложил ему возглавить пост Главного Куратора по Научным Исследованиям в Министерстве обороны. Сегодня он должен дать ответ.

Он нервничал. Почему он? Ведь можно отказаться... Нет, это покажется странным, а ему вовсе не хотелось казаться странным. В конце концов, до Калгана ему никакого дела нет. У него только один враг. Этот враг у него был всегда.

Пока была жива, его жена, у него была только одна цель – скрываться. Он с тоской вспоминал долгие, тихие дни на Тренторе, которые текли среди молчаливых руин прошлого. Тишина разрушенного мира, полное, отрешенное забвение...

Но она умерла – и пяти лет не прошло... А после этого в его жизни осталось одно – борьба с призрачным, невидимым врагом, лишившим его простого, человеческого счастья, предопределившим его судьбу, превратившим всю его жизнь в отчаянное отодвигание ненавистного финала, сделавшего всю Вселенную полем ненавистнической, смертельной шахматной игры.

Да, это была высокая, благородная роль – он и сам так думал, и борьба стала смыслом его жизни.

Вначале был Сантаннийский Университет, где он работал с доктором Кляйзе. Эти пять лет были относительно спокойными.

Но Кляйзе – всего-навсего сборщик и классификатор данных. Настоящая борьба была ему не по плечу. И когда Дарелл окончательно в этом убедился, он понял, что ему пора уходить.

Кляйзе мог бы, конечно, работать втайне, но один он работать не мог – ему нужны были помощники. Он обследовал конкретных людей. Он был официальным сотрудником

Университета, то есть был на виду. Все это мешало делу.

Кляйзе не сумел бы этого понять, а он, Дарелл, не мог ему ничего объяснить. Они расстались врагами. Это нормально, так и должно было быть. Он и должен был уйти так, как будто сдался. На тот случай, если за ним следили.

Кляйзе открыто работал с энцефалограммами, а Дарелл только в уме математически обрабатывал полученные данные. У Кляйзе было много сотрудников, у Дарелла – никого. Кляйзе работал в крупном Университете, а Дарелл – в тишине и покое загородного дома.

Но он был близок к решению. Он понял многое.

Человек из Второй Академии – не человек, если говорить о головном мозге. Мудрейшие физиологи нейробиологии со своими тончайшими анализами могут ничего не заметить – но различие именно здесь. А если различие кроется на уровне сознания, то только там его нужно искать, и только там его можно выявить.

Взять, к примеру, такого человека, как Мул. Несомненно, люди из Второй Академии обладали силой, подобной силе Мула – врожденной или приобретенной, неважно, то есть способностью выявлять и контролировать человеческие эмоции. Попробуйте вычленив из этого сознания ту самую электрическую цепь, попробуйте найти те мельчайшие детали на энцефалограмме, которые позволили бы вам нечто безошибочно определить!

И вот теперь Кляйзе опять вернулся в его жизнь – в обличье этого гордеца и выскочки – его ученика, Антора.

Чушь! Чушь! Все эти энцефалограммы «обработанных» людей! Да он много лет назад все это видел и умел выявлять, а толку-то что? Ему нужен инструмент, нужно оружие. Однако он вынужден сотрудничать с Антором – так спокойнее.

Спокойнее и разумнее было и сейчас согласиться на предложенную мэром работу. Это был разумный и безопасный вариант. Итак, он оставался конспиратором внутри конспирации...

Страх за Аркадию пронзил его на мгновение, но он прогнал его прочь. Будь он сам себе хозяин, разве он допустил бы это? Будь он сам себе хозяин, только он и был бы в опасности и больше никто. Если бы он был сам себе хозяин... Внутри у него жарким клубком закручивались ярость, гнев, злость на мертвого Кляйзе, на живого Антора, на всех самоуверенных идиотов...

Нет, она сумеет о себе позаботиться. Она взрослая, умная девочка. Должна, должна суметь!

Но мысленно он шепотом спросил у самого себя:

– А сумеет ли?

Как раз в этот самый момент, когда доктор Дарелл пытался уговорить самого себя, что его дочь сумеет о себе позаботиться, Аркадия сидела в холодной, неудобной приемной официальной Резиденции Первого Гражданина Галактики. Уже полчаса она сидела там, уныло поглядывая на стены. Когда они входили в приемную вместе с Хомиром Мунном, у двери стояли два вооруженных гвардейца. Прежде она их там что-то не замечала.

Сейчас она была одна, но ей казалось, что даже мебель смотрит на нее как-то недружелюбно. Такое было впервые.

С чего бы это?

Хомир был на приеме у Лорда Стеттина. Господи, ну что же случилось?

Она начинала злиться. В подобных ситуациях герои библиофильмов и видеотриллеров всегда предвидели развязку, были подготовлены к ней, когда она наступала, а она – она просто сидела... Случиться могло все, что угодно. Все, что угодно! А она просто сидела и ничего не делала. А главное, ничего не понимала.

Ну-ка, еще раз все с начала. Еще раз. Может быть, удастся что-нибудь понять.

Две недели Мунн, можно сказать, жил во Дворце Мула. Один раз, с разрешения Лорда Стеттина, он взял ее туда с собой. Дворец представлял собой массивное, угрюмое здание – казалось, все там как-то нервно вздрагивало от прикосновения живого ко всему, что спало мертвенным сном, погруженное в воспоминания, и отвечало на звук шагов враждебным эхом или сердитым скрипом. Ей там совсем не понравилось.

Насколько приятней было смотреть на широкие, оживленные улицы столицы, ходить в театры и смотреть спектакли в мире, который, хотя и был гораздо беднее Академии, но не жалел денег на роскошь!

По вечерам Хомир возвращался из Дворца, сияющий от благоговейного трепета.

– Это мир моей мечты, – говорил он. – О, если бы я мог разобрать весь дворец по кусочку и перевезти на Терминус – какой можно было бы создать музей!

Казалось, он полностью избавился от сомнений и растерянности. Он весь светился, был заметно возбужден. И еще один признак появился в его состоянии. Он совсем перестал заикаться...

Однажды Мунн обмолвился:

– Я нашел кое-какие обрывки записей генерала Притчера.

– Я знаю о нем, – ответила Аркадия. – Он был изменником из Академии и прочесывал Галактику в поисках Второй Академии.

– Ну, не совсем «изменником», Аркадия. Так нельзя. Его же «обработал» Мул.

– А это одно и то же.

– Ну нет. Ты пойми: прочесывание Галактики, о котором ты говоришь, было абсолютно бесполезным занятием. В материалах Конвенции Селдона о создании двух Академий пятьсот лет назад содержится только одно-единственное упоминание о Второй Академии. Там говорится, что она находится «на другом краю Галактики», «в конце звезд». Это – все, чем располагали Мул и Притчер. У них не было в распоряжении метода, с помощью которого они могли бы точно распознать Вторую Академию, даже если бы нашли ее. Это было чистое безумие!

Я нашел их записи, – продолжал он, будто разговаривая сам с собой, – и оттуда явствует, что они, как ты сказала, «прочесали» почти тысячу миров, по могли бы с таким же успехом посетить хоть миллион. Но наше положение ничуть не лучше...

Аркадия прижала палец к губам.

– Ш-ш-ш... – прервала она его.

Хомир вздрогнул, задумался. Придя в себя, кивнул.

– Да, ты права, лучше об этом не говорить, – пробормотал он.

А теперь Хомир был у Лорда Стеттина, а Аркадия сидела в приемной одна-одинешенька и чувствовала, как громко и быстро бьется у нее сердце, но ничего не могла поделать. Это было самое страшное. Никакой причины происходящего она не видела и ничего не могла понять.

А по другую сторону двери примерно так же чувствовал себя Хомир Мунн. Ему казалось, что он тонет в море липкого желе. Он отчаянно боролся с заиканием, но в результате, естественно, не мог двух слов связать.

Лорд Стеттин был в полном парадном облачении и во всем величии своего шестифутового роста. Чекая слова, он отстукивал ритм железным кулачищем.

– Итак, у вас было две недели. И вы осмеливаетесь заявиться ко мне со сказочками про белого бычка! Ну, давайте скажите мне самое худшее. Значит, я должен свой флот на пуговицы переплавить? Или я должен сражаться с призраками из Второй Академии так, как с ними сражались ваши люди?

– Я-я п-повторяю, мой господин, ч-что я не п-пророк. Я... с-совершенно ра-астерян, п-поверьте!

– А может быть, вы хотите вернуться домой, чтобы предупредить ваших соотечественников? Надоели мне ваши увертки, ясно? Или скажите мне правду, или я вытрясу ее из вас вместе с вашими кишками.

– А-а я и г-говорю т-только п-правду! И вы-ынужден на-апомнить вам, мой господин, ч-что я – г-гражданин Академии. Вы не посмеете ко м-мне п-прикоснуться, чтобы это не на-авлекло на вас к-кучу всяких н-неприятностей...

Лорд Стеттин громко расхохотался:

– Вот уж напугали, нечего сказать! Детишек пугайте или полоумных дурачков. Так вот, мистер Мунн, я и так был достаточно терпелив. Целых двадцать минут я выслушивал ваш

детский лепет. Небось ночи не спали, придумывали? Напрасно утруждались! Я прекрасно знаю, что вы прибыли сюда не только для того, чтобы потревожить прах Мула, разгрести пепел погребального костра и погреть руки на головешках. Что, разве я не прав?

Хомир Мунн не мог утаить жуткого, знобящего страха. Глаза выдали его. Он сделал судорожный, глубокий вдох, Лорд Стеттин заметил это и с такой силой надавил на плечо несчастного гражданина Академии, что даже кресло, в котором тот сидел, просело от давления.

– Ну вот. А теперь давайте откровенно. Вы исследуете План Селдона. Вы знаете, что он больше не выполняется. Вероятно, вы знаете и то, что единственным претендентом на победу в настоящее время являюсь я. Я и мои наследники. Послушайте, дружище, разве не все равно, кто станет во главе Второй Империи, если таковая будет создана? У истории нет фаворитов – так, кажется, говорится? Или вы боитесь мне сказать? Вы же видите, я отлично знаю, какова ваша миссия!

Мунн прохрипел:

– Ч-чего в-вы хо-отите?

– Вашего присутствия. Я не хочу, чтобы План полетел к чертикам из-за того, что я был слишком доверчив. Вы в этих вещах понимаете побольше моего, от вас не укроются такие мелочи, которые я мог бы упустить. Не сомневайтесь, когда все будет кончено, я вас щедро вознагражу. Отвалю приличный куш, будьте уверены. Что вам делать в Академии? Книжки с места на место переставлять? Что толку пытаться сражаться с волной, которая неизбежно захлестнет всех вас? Чего вы добьетесь? Продлите войну? Или вы, так сказать, патриот, мечтающий умереть за родину?

– Я... я...

Мунн запнулся и замолчал окончательно.

– Вы останетесь здесь, – уверенно заявил Лорд Стеттин. – Выбора у вас нет. Да, вот еще что – чуть не забыл. Судя по моим данным, ваша племянница – из семьи Байты Дарелл. Это правда?

Хомир удивленно выговорил:

– Д-да...

Тут ему не было смысла врать.

– Эта семья пользуется почетом в Академии?

Хомир кивнул:

– Да. Они не позволяют, ч-чтобы ей п-причинили зло.

– Зло! Не будьте так наивны. Я совсем о другом думаю. Сколько ей лет?

– Четырнадцать.

– Так... Ну что ж, даже Гэри Селдону и Второй Академии не под силу ни остановить время, ни запретить девочке стать женщиной.

Сказав это, он резко развернулся и в два шага оказался у занавешенной двери. Рывком отдернул занавеску.

– Что ты тут делаешь? Какого дьявола!

Леди Каллия, застигнутая врасплох, испуганно моргала. Собравшись с духом, она пробормотала:

– Я... не знала, что ты не один...

– Не один, как видишь. Об этом я с тобой после поговорю, а теперь – марш отсюда, да побыстрей!

Ее поспешные шаги быстро затихли в коридоре. Стеттин вернулся.

– Ну вот, – сказал он, довольный потирая руки, – последний акт затянувшейся комедии. Ничего, скоро финал. Значит, четырнадцать? Ну-ну...

Хомир в ужасе уставился на него.

Дверь приемной бесшумно открылась. Аркадия вздрогнула и вскочила на ноги. Казалось, целую вечность она не двигалась, глядя на отчаянно манящий ее указательный палец, но наконец, как будто в ответ на магнетический призыв, излучаемый самим видом белой дрожащей фигуры, она на цыпочках подбежала к двери.

Тихо-тихо прошелестели их шаги по коридору. Леди Каллия – это, конечно же, была она, до боли сжала запястье Аркадии. Аркадия сама не понимала почему, но послушно шла за ней. Может быть, потому, что ее-то как раз она совсем не боялась.

И все-таки – в чем же дело?

Они добежали до двери будуара и скользнули в нее – тут царил розовый пух, запах духов и патоки. Леди Каллия закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Тяжело дыша, она проговорила:

– Мы прошли ко мне... в мою комнату... потайным ходом... от Его кабинета.

Произнося слово «Его», она подняла вверх указательный палец, будто сама мысль о «Нем» ее смертельно пугала.

– Как удачно... как удачно!

Зрачки ее так увеличились, что глаза казались не голубыми, а черными.

– Но... в чем дело? – робко начала Аркадия.

– Нет, детка, нет. Нет времени объяснять. Разденься! Быстро! Пожалуйста, прошу тебя! Я дам тебе другую одежду, тогда они не узнают тебя.

Она побежала за ширму и принялась яростно вышвыривать из гардероба белье, платья, шарфы, отчаянно пытаясь найти что-нибудь подходящее, такое, что могла бы надеть на себя девочка и не выглядеть как из публичного дома.

– Ну вот, вот это, пожалуй, подойдет. Должно подойти. У тебя есть деньги? Вот, возьми. Возьми, прошу тебя. Возьми все! И еще вот это, – она яростно вырвала серьги из ушей и сорвала с пальцев все кольца и перстни. – И беги домой – домой, к себе в Академию!

– Но... а как же мой дядя, Хомир? – попыталась слабо протестовать Аркадия, в то время как на нее опускались вороха шелка, пахнущего смесью пота и духов.

– Он не сможет улететь. Зайчик решил оставить его здесь навсегда, а тебе нельзя здесь оставаться. Ну, миленькая, неужели ты не понимаешь?

– Нет! Я не понимаю! – крикнула Аркадия и вырвалась из ее рук.

– Ты должна немедленно лететь домой и предупредить свой народ, что будет война. Неужели не ясно?

Непостижимым образом страх изменил Каллию – придал ее голосу твердость, мыслям – ясность, словам – четкость. Она просто на себя не была похожа.

– А теперь – пошли.

Наружу они выходили другим путем. Люди, мимо которых они проходили, не останавливали их – только провожали взглядами. Они не могли решиться остановить ту, которую безнаказанно мог остановить только сам Повелитель Калгана. Гвардейцы щелкали каблуками и приставляли к ноге оружие, когда они проходили через очередные двери.

Аркадия задыхалась. Ей казалось, что с того момента, как Леди Каллия, бледная и трепещущая, поманила ее пальцем и вывела Из приемной, прошла целая вечность, – но на самом деле с той минуты до того мгновения, как они оказались за воротами ограды, на улице, полной людей, где издали слышался шум автострады, прошло всего-навсего двадцать пять минут.

Аркадия с внезапной жалостью и нежностью оглянулась на свою провожатую.

– Я не понимаю, почему вы это делаете для меня, моя госпожа, но все равно – я благодарю вас. А что все-таки будет с дядей Хомиром?

– Не знаю, – покачала головой Каллия. – Ну, что же ты стоишь? Бегом в космопорт. Не жди. Тебя, может быть, уже ищут.

Но Аркадия все еще колебалась. Как она могла покинуть Хомира? Только теперь, когда она наконец была на свободе, она задала тот вопрос, который не давал ей покоя:

– А... вас это почему так волнует?

Леди Каллия, прикусив нижнюю губу, пробормотала:

– Я не смогу тебе этого объяснить – ты еще маленькая. Это неприлично, непристойно говорить тебе такие вещи. Вырастешь – сама все поймешь. И меня поймешь. Когда я встретила Зайчика, мне было всего шестнадцать. В общем, тебе нельзя здесь оставаться. Я этого не переживу!

Аркадия похолодела. Она поняла.

– А... – прошептала она, – что он с вами сделает, когда узнает?

– Не знаю, – опутив глаза, прошептала в ответ Каллия, последний раз взглянула на Аркадию и, подхватив юбку, бросилась бегом назад, к особняку Первого Гражданина.

Долгое, очень долгое мгновение Аркадия стояла, не двигаясь, потому что в тот самый момент, когда Каллия бросила на нее прощальный взгляд, девочка кое-что увидела... Напуганные, полные ужаса глаза Леди Каллии на миг вспыхнули и озарились холодной радостью.

Потрясающей, знобящей, нечеловеческой радостью.

Много чего можно было увидеть в этой быстрой вспышке чужого взгляда, но у Аркадии не было никаких сомнений в том, что именно она увидела.

А теперь она бежала – нет, она опрометью неслась прочь, отчаянно ища глазами ближайшую будку, откуда можно было вызвать воздушное такси.

Она бежала не от Лорда Стеттина – нет, не от него и не от его ищек, наверное, уже пущенных по ее следам, не от того гигантского монстра, в которого в ее воображении превратились принадлежавшие ему двадцать семь миров и который гнался за ней по пятам.

Она бежала от одной-единственной слабой женщины, которая устроила ее побег. От той, которая одарила деньгами и драгоценностями, которая рисковала собственной жизнью, чтобы спасти ее, от той, которая – теперь она это твердо знала – была из Второй Академии...

Воздушное такси мягко опустилось рядом с тротуаром. В лицо Аркадии дунул мягкий ветерок, ее пушистые волосы слегка растрепались под подаренным Каллией капюшоном.

– Куда поедет, мадам?

Она всеми силами пыталась сделать свой голос более низким, чтобы водитель не догадался, что перед ним – ребенок.

– Сколько в городе космопортов?

– Два. А вам в какой надо-то?

– Какой ближе?

Водитель удивленно взглянул на нее:

– Центральный, мадам.

– Тогда в другой. Я хорошо заплачу.

В руке у нее был банкнот в двадцать калганиток. Она не знала, много это или мало, но таксист одобрительно кивнул:

– Как скажете, мадам. Куда вашей душеньке угодно, туда и отвезем!

Она прижалась горячей щекой к прохладному стеклу. Внизу ленивой рекой текли огни города.

Что же делать? *Что же делать?*

Именно сейчас она отчетливо ощутила, что она – всего-то навсего упрямая, непослушная девочка, которая забралась так далеко от папы. Ей стало страшно. Глаза ее против воли наполнились слезами, грудь разрывали сдавленные рыдания.

Она не боялась, что ее поймают Лорд Стеттин. Леди Каллия этого не допустит. Леди Каллия! Старая, толстая, глупая – а ведь держала же под уздцы своего господина и повелителя каким-то образом. Ну, теперь-то было ясно – каким. Все-все теперь было ясно.

Этот чай, эта светская беседа... А она-то, дурочка, старалась, умную из себя корчила! Умненькая маленькая Аркадия! Аркадия просто готова была сгореть со стыда за себя. Как она себя презирала и ненавидела сейчас! Все ведь было продумано – все это были хитрые маневры – даже то, что Стеттин разрешил Хомиру войти во Дворец. Это она, эта дура набитая Каллия, так хотела и все устроила так, что умненькая Аркадия сама взяла да и предложила такое прекрасное объяснение для всего – такое, какое бы не вызвало никаких подозрений у жертв ее деяний, а ее личное участие во всем этом было минимальным.

Но почему же тогда она осталась на свободе? Хомир, без сомнения, арестован...

Если только...

Если только она послушается и отправится домой, в Академию, как приманка, с помощью

которой они затянут в свои ловчие сети всех остальных.

Она ясно поняла, что в Академию ей возвращаться нельзя ни в коем случае.

– Космопорт, мадам.

Воздушное такси стояло на земле. Вот дела! А она даже и не заметила, как приземлились. Как тут было красиво!

– Благодарю, – проговорила она, сунула водителю банкноту даже не взглянув на него, и выпрыгнула из кабинки на землю.

Не оглядываясь по сторонам, она бегом бросилась по асфальтированной дорожке.

Огни. Веселые, беспечные мужчины и женщины. Огромные, светящиеся в воздухе буквы – информация о прилетающих и улетающих звездолетах.

Куда же ей лететь? Ей было все равно. Она знала только, куда ей лететь нельзя – в Академию. Так что, в принципе, лететь можно куда угодно.

Слава богу, что все-таки было это мгновенное забытие – когда Каллия устала от своей игры. Она-то думала, что имеет дело просто-напросто с ребенком, и на мгновение расслабилась – дала волю своей радости.

Но Аркадия поняла и еще кое-что. Мысль эта неотступно вертелась у нее в сознании и пришла к ней еще до того, как она села в такси. Мысль эта означала конец ее детства.

Она знала, что должна убежать.

Это было самое главное. Да, они могут раскрыть любого конспиратора в Академии, могут даже схватить ее отца – но она не могла, не имела права пренебрегать предупреждением. Она не могла рисковать собственной жизнью – ради всего Терминуса. Сейчас она была самой важной персоной в Галактике.

Она знала это уже тогда, когда стояла перед кассой-автоматом и выбирала, куда ей лететь.

Потому что во всей Галактике только она, только она одна знала, кроме них самих, знала, где находится Вторая Академия.

Глава пятнадцатая Вон из сети

Трентор – К середине периода Безвластия Трентор был заброшенной планетой. Посреди колоссальных руин ютилась малочисленная фермерская община...

Галактическая энциклопедия

Вряд ли найдется что-либо подобное оживленному космопорту на окраине столицы многонаселенной планеты. Впечатляет зрелище громадных кораблей, величаво покоящихся на стоянках. Если подгадать, можно увидеть потрясающую воображение картину – посадку звездолета, а если повезет еще больше – то и взлет стального гиганта. Причем все это происходит практически бесшумно.

Под взлетно-посадочное поле отведено девяносто пять процентов территории космопорта. Все это пространство отдано кораблям, обслуживающему персоналу и диспетчерским компьютерам, которые обслуживают и персонал, и корабли.

И только пять процентов территории отведено пассажирам, для которых космопорт – всего-навсего вокзал, откуда они могут отправиться ко всем звездам Галактики. Конечно, только единицы из этой многоголовой безымянной толпы остановятся, чтобы задуматься о том, сколько труда и инженерной мысли вложено в это грандиозное сооружение, связывающее тонкими невидимыми нитями всю Галактику. Возможно, найдется и такой, кто почешет затылок, увидев вблизи тонны сверкающей стали, – издали ведь корабли казались такими маленькими! Невольно придет в голову мысль, что достаточно одному из этих циклопических цилиндров пройти мимо направляющего луча и грохнуться на землю в полумиле от места посадки, а может быть, даже и пробить гласситовую крышу зала ожидания, и от сотен тысяч людей останется лишь микроскопическая органическая пыль да порошок фосфатов.

Но такое могло прийти в голову только неизлечимому психопату. Система контроля

безопасности действовала бесперебойно и четко.

Но о чем же думали все эти люди? Это же не просто толпа, как вы понимаете. Это толпа, имеющая определенную цель. Цель эта витает над залом ожидания и создает специфическую атмосферу. Выстраиваются очереди, родители шикают на детей, перевозятся с места на место багаж – люди путешествуют, все куда-то летят...

А теперь представьте себе одно-единственное существо в этой толпе, которое не знает, куда ему лететь, и в то же время жаждет улететь куда-нибудь гораздо более сильно, чем все остальные: улететь куда угодно. Или, точнее, почти куда угодно.

Аркадия Дарелл, одетая в чужую одежду, стоящая на чужой планете посреди бесчисленного множества чужих жизней и чужих планов – даже сама ее жизнь показалась ей на мгновение чужой, честно желала сейчас только одного – безопасности собственной жизни. Она не знала, что хочет именно этого, – и в то же время ее пугала открытость пространства и ей хотелось как можно скорее где-нибудь спрятаться, где-нибудь в самом заброшенном уголке Галактики, где ее никто не стал бы искать.

Она стояла там, ей было всего четырнадцать, а она устала и измучилась на все восемьдесят, а уж напутана так, как будто ей было всего лет восемь-девять.

Кто из всех этих тысяч людей, которые непрерывно проходили мимо, был из Второй Академии? Какой случайный прохожий мог ее уничтожить только за то, что она знала? За то, что она знала, где находится Вторая Академия?

Когда к ней кто-то обратился, ей показалось, что раздался удар грома.

– Послушайте, мисс, – сказал кто-то у нее за спиной, – вы тут билет покупаете или так просто стоите?

Только теперь она поняла, что стоит перед кассой-автоматом. Нужно было вложить в щель на панели автомата крупный банкнот, который тут же исчезал внутри. Потом нужно было нажать кнопку около названия места назначения, и из другой щели выпадали билет и сдача – все тютельница в тютельку благодаря работе электронной схемы. Это было настолько просто и привычно, что и правда странно было стоять перед автоматом целых пять минут.

Аркадия сунула в щель банкнот в двести кредиток, и тут ее взгляд неожиданно остановился на табличке с надписью «Трентор». Трентор – столица мертвого мира, мертвой Империи, планета, где она родилась. Она, как во сне, нажала кнопку. Ничего не случилось – только на табло загорелись цифры – 172.18. 172.18 – мигало табло, 172.18. Автомат требовал еще один двухсотенный банкнот. Такая сумма у нее, к счастью, нашлась. Выпал билет. Она взяла его, и следом за ним выпала сдача. Она сгребла деньги и побежала прочь. Человек, стоявший позади нее, быстро нажал кнопку на панели автомата, а она даже не обернулась, чтобы взглянуть, кто ее просил поторопиться.

Но бежать некуда. Здесь везде были ее враги.

Зажав в руке билет, она задрала голову и принялась лихорадочно читать повисшие в воздухе слова из светящихся букв – названия рейсов: «Стефания», «Анакреон», «Фермус». А вот и родное название – «Терминус». Она вздрогнула, задержалась на мгновение, но тут же ринулась дальше.

На оставшиеся деньги она могла бы приобрести маленькое устройство, настроенное на нужный ей рейс. Такое устройство можно спрятать в сумочку, так что только она одна услышала бы его тихий сигнал за пятнадцать минут до отправления корабля. Но такие устройства приобретают люди, по-настоящему заботящиеся о своей безопасности, которые могут себе позволить остановиться на бегу, чтобы подумать об этом.

А она, глядя во все стороны одновременно, на бегу уткнулась головой в чей-то мягкий живот. Она почувствовала, как у этого человека перехватило дыхание и вырвалось сдавленное проклятие. Чья-то рука легла на ее плечо. Она обреченно съежилась и только и смогла, что промычать нечто отдаленно напоминавшее извинение. Человек крепко сжимал ее плечо и не уходил. Далеко не сразу она собралась с духом и осмелилась взглянуть ему в лицо. Он был полный, маленького роста. Волосы у него были светлые, густые, зачесанные назад, что создавало впечатление парика, совершенно не вязавшегося с круглым, румяным, добродушным лицом.

– Ну, что стряслось? – наконец дружелюбно поинтересовался он. – Мы чем-то напуганы?

– Простите, – оторопело пробормотала Аркадия. – Извините, мне нужно идти.

Но он, пропустив мимо ушей ее слова, сказал:

– Погоди, малышка, ты так билетик потеряешь.

Он взял билет из ее ослабевших бледных пальцев и с видом явного удовольствия уставился на него.

– Ну, я так и думал, – сказал он и взревел, как бык: – Ма-му-ля!!

Рядом с ним тут же оказалась женщина – еще толще, еще ниже ростом и еще более румяная. Она накручивала на палец седой локон, выбившийся из-под жутко старомодной шляпки.

– Папуля, – произнесла она укоризненно, – ну что же ты так вопишь в общественном месте? Люди подумают, что ты не в своем уме. Ты же не на ферме!

Она солнечно улыбнулась оторопевшей Аркадии:

– У него, знаешь, манеры – сущий дикарь. – Потом резко добавила: – Папуля, отпусти девочку! Чего ты к ней пристал?

Но Папуля только билетом помахал ей в ответ:

– Глянь-ка – она летит на Трентор.

Лицо Мамули просияло:

– Так ты с Трентора? Да отпусти же ты ее руку, Папуля, сколько тебе говорить!

Она поставила на пол громадный чемодан и усадила на него Аркадию – мягко, но настойчиво.

– Садись, и пусть твои маленькие ножки немного отдохнут. Корабль еще только через час будет, а все кресла заняты спящими бродягами. Так ты с Трентора?

Аркадия вздохнула поглубже и наконец выдавила из себя:

– Я там родилась.

– Ну надо же! А мы тут целый месяц проторчали и ни одного земляка не встретили. Вот радость-то!! А твои родители...

– Я без родителей, – осторожно ответила Аркадия.

– Одна-одинешенька? Такая маленькая девочка?

Мамуля была возмущена и полна жалости одновременно.

– Как же это тебя так отпустили?

– Мамуля, – Папуля потянул супругу за рукав, – дай мне сказать. Тут что-то не то. Мне кажется, ее кто-то здорово напугал.

Он старался говорить шепотом, но Аркадия прекрасно все слышала.

– Она бежала – я видел – бежала, сама не зная куда. Я не успел в сторону отойти, а она как налетит на меня. И знаешь, Мамуля, что я думаю? Она в опасности, вот что.

– Угу. А теперь, Папуля, будь добр, заткнись. На такого, как ты, налететь нетрудно.

Она уселась на чемодан рядом с Аркадией. Чемодан заскрипел и просел от ее солидного веса. Мамуля мягко обняла Аркадию за плечи.

– Ты от кого-то убегаешь, лапочка? Не бойся, скажи мне. Я тебе помогу, вот увидишь.

Аркадия искоса взглянула на Мамулю, в ее добрые серые глаза, и у нее задрожали губы. Одна часть ее сознания говорила ей: вот люди с Трентора, с которыми можно полететь туда, которые помогут ей остаться там, покуда она не решит, куда ей лететь дальше. Но другая часть сознания, чей голос звучал громче и настойчивее, твердила ей, что она забыла о судьбе своей матери, что она слишком мала и слишком устала для того, чтобы бороться со всей Вселенной, что ей ничего не хочется, только бы свернуться в клубочек и чтобы вот такие теплые и добрые руки обнимали ее, и если бы мама была жива, то она бы, она бы...

Впервые за весь вечер она расплакалась – совсем как маленькая, но ничуть не стыдилась этого. Она уткнулась в плечо Мамули, в ее старомодное платье, и уже насквозь промочила его безутешными, неудержимыми слезами, а добрые руки женщины все обнимали ее, нежно поглаживая кудряшки Аркадии.

Папуля стоял рядом, беспомощно глядя на супругу, отчаянно шаря по карманам в поисках носового платка. Наконец платок был найден и тут же перешел в руку Мамули. Она взглядом

призвала супруга к спокойствию. Толпы народа проходили мимо, не обращая на них никакого внимания, – подумаешь, ничего особенного. Они были как будто совсем одни.

Наконец слезы кончились. Аркадия смущенно улыбнулась, вытирая покрасневшие глаза чужим носовым платком.

– Черт возьми, – прошептала она. – Стыд какой. Я...

– Ш-ш-ш! – тихо успокоила ее Мамуля. – Не говори ничего. Просто посиди и отдохни. Отдышись маленько. А потом расскажи нам, что у тебя за беда такая приключилась. Вот увидишь, мы все уладим. И все будет хорошо.

Аркадия собрала все свое мужество, сосредоточилась. Нет, правду им сказать она не могла. Правду она не могла сказать никому. Но она слишком устала для того, чтобы придумать подходящее объяснение.

Она прошептала:

– Мне уже лучше.

– Вот и славно, – сказала Мамуля. – Ну а теперь скажи мне, что у тебя за несчастье. Ты же ничего плохого не сделала? Ну а сделала – беда невелика. Мы тебе поможем, только скажи нам все начистоту.

– Для друга с Трентора мы все сделаем, – возбужденно вставил Папуля, – правда, Мамуля?

– Папуля, заткнись, – ответила жена.

Аркадия покопалась в сумочке. Она, по крайней мере, принадлежала ей, и она не забыла ее захватить, несмотря на спешное переодевание в покоях Леди Каллии. Она нашла то, что искала, и подала Мамуле.

– Вот мои документы, – сказала она решительно. Это была блестящая пластиковая книжечка, которую ей вручил посол Академии в тот день, когда они с Хомиром Мунном прибыли на Калган, и которая была подписана официальным представителем Калганской администрации. Мамуля повертела паспорт и передала его Папуле, который внимательно изучил содержание. Читая, он шевелил губами. Он спросил:

– Так ты из Академии?

– Да. Но я родилась на Тренторе. Там написано...

– А-га... По-моему, все в порядке. Тебя зовут Аркадия, да? Старое доброе тренторианское имя. А где же твой дядя? Тут написано, что ты прибыла вместе с дядей, Хомиром Мунном.

– Он... арестован, – глубоко вздохнув, ответила Аркадия.

– Арестован! – воскликнули супруги хором.

– За что? – спросила Мамуля. – Он что-нибудь натворил?

– Не знаю. Мы ведь тут просто так – с визитом. У дяди Хомира были какие-то дела с Лордом Стеттином, только...

Ей не стоило особого труда изобразить на лице страх. Его у нее было – хоть отбавляй.

На Папулю ее заявление произвело большое впечатление.

– С Лордом Стеттином? Ну знаешь, твой дядя, видно, большой человек!

– Я в этом ничего не понимаю, только Лорд Стеттин и меня хотел задержать.

Она вспомнила о последних словах Леди Каллии, Они ей были как раз на руку. Теперь она знала, что Каллия – специалист своего дела, и решила продолжить начатую линию.

Она умолкла, и Мамуля с интересом спросила:

– А почему же он хотел, чтобы ты осталась?

– Точно не знаю, – пожала плечами Аркадия, – но только он хотел пригласить меня на обед – совсем одну, понимаете, а дядя Хомир был против, и я не хотела идти одна, а хотела пойти с дядей, а этот – он все молчал и смотрел на меня странно, и сжимал мою руку...

Рот у Папули приоткрылся, а Мамуля густо покраснела и рассердилась:

– Сколько тебе лет, Аркадия?

– Четырнадцать. Почти четырнадцать с половиной. Мамуля глубоко вздохнула и сказала:

– Откуда только такие люди берутся? Бродячие собаки и те лучше, честное слово. Так ты от него убежала, детка?

Аркадия кивнула.

Мамуля объявила:

– Папуля, ступай быстренько в справочное бюро и уточни, когда будет рейс на Трентор. Поторопись!

Но Папуля сделал только шаг и остановился. Громкий металлический голос донесся сверху, и тысячи глаз невольно устремились туда.

– Дамы и господа, – четко произносил диктор. – В космопорте находится опасная преступница. Она замечена в зале ожидания. Выходить и входить кому-либо после объявления запрещается. Поиски не отнимут много времени, и никто из вас не пропустит своего рейса. Сейчас будет опущена сеть. Повторяю, все успеют на свои рейсы. Никто из вас не должен покидать своего сектора до тех пор, пока не будет убрана сеть. В противном случае мы будем вынуждены применить нейропарализаторы.

Пока этот жуткий голос звучал под куполом зала ожидания, Аркадия не могла и пальцем пошевелить – она чувствовала, что все зло Галактики ополчилось против нее, собралось в стальной шар и должно вот-вот ударить ее и сбить с ног.

Конечно, в виду имели ее. Другой мысли не было. Но почему...

Ведь Леди Каллия организовала ее побег. А Каллия была из Второй Академии. Почему же ее ловят теперь? Каллия провалилась? Или это тоже – часть плана, тонкостей которого Аркадия не понимала?

Все смешалось у нее в голове. Ей вдруг захотелось вскочить и бежать и кричать, что она сдастся, что она больше так не может, что она пойдет с ними, куда скажут, что... что...

Но рука Мамули крепко сжала ее запястье:

– Быстро! Скорее! Мы успеем уйти в туалет, пока они еще не начали.

Аркадия ничего не понимала. У нее не было сил сопротивляться. Она покорно шла, куда вела ее за руку Мамуля. Они продирались сквозь толпу. Люди были напуганы, сбились в кучки, а голос под потолком все еще звучал, произнося последние слова...

А с потолка уже начала опускаться сеть. Папуля, задрав голову и широко разинув рот, смотрел, как она опускается. Про сеть он слышал и читал, но сам в нее ни разу в жизни не попадал. Она поблескивала в лучах света и представляла собой не что иное, как соединение пересекавшихся многочисленных пучков излучения, заполнявшее воздушное пространство безвредной паутинкой, сплетенной из световых нитей.

Впечатление, чисто психологическое, было неприятное. Наверное, что-то подобное испытывают звери, когда их ловят сетью.

Вот она уже на уровне пояса. Между полосками света не более десяти футов. Папуля оказался совершенно один на квадрате, площадью в сто квадратных футов, а по соседству с ним все квадраты были заполнены людьми. Он ощутил себя в некоторой изоляции, но знал, что перейти в другой квадрат, чтобы затеряться в толпе, невозможно – при этом нужно пересечь один из лучей, а от этого тут же срабатывала сигнализация и пускался в ход нейропарализатор.

Он ждал.

Толпа была неестественно спокойна, и где-то вдали происходило какое-то шевеление – это выстраивалось окружение из полицейских. Они постепенно окружали каждый квадрат. Через какое-то время полицейский появился в том квадрате, где стоял одинокий Папуля.

Полицейский старательно занес координаты квадрата в блокнот.

– Документы!

Папуля подал ему документы. Полицейский быстро, профессионально просмотрел их.

– Вы – Прим Пальвер, житель Трентора, прибыли на Калган на месяц и возвращаетесь на Трентор. Отвечайте: да или нет?

– Да, да.

– Чем вы занимались на Калгане?

– Я – торговый представитель фермерского кооператива. У меня были переговоры с Департаментом Сельского Хозяйства Калгана.

– М-м-м... Ваша супруга с вами? Где она? Она значится в ваших документах.

– Простите... Моя жена в...

Он смущенно указал в сторону туалета.

– Ханто! – рывкнул полицейский. К нему быстро подошел второй. – Еще одна баба в клозете, черт бы их подрал. Похоже, их там вагон и маленькая тележка. Запиши ее имя.

Он ткнул пальцем в строчку документа:

– Еще кто-нибудь с вами есть?

– Моя племянница.

– Тут она не значится.

– Она прибыла самостоятельно.

– Где она? А, понятно. Ханто, запиши, как зовут племянницу. Как ее имя? Запиши – «Аркадия Пальвер» – Ладно, с бабами потом разберемся.

Папуля оторопело ждал. Прошло довольно много времени, и он наконец увидел, как к нему твердой походкой приближается Мамуля, крепко держа за руку Аркадию, а за ней вышагивают двое полицейских.

Они вошли в квадрат, где стоял Папуля, и первый спросил:

– Эта хамка – ваша жена?

– Да, сэр! – гордо ответил Папуля.

– Ага, ну тогда скажите ей, что у нее будут неприятности, если она будет позволять себе и впредь так разговаривать с представителями полиции Первого Гражданина, – сообщил полицейский, поправляя воротничок рубашки.

– Это – ваша племянница? Дайте мне ее документы!

Глядя на супруга в упор, Мамуля медленно, но твердо покачала головой.

– Боюсь, что не смогу этого сделать, сэр!

– Как это? Что значит – не сможете?

Полицейский требовательно протянул руку:

– Давайте документы, живо!

– Дипломатическая неприкосновенность, – мягко разъяснил Папуля.

– Что вы хотите сказать?

– Я же вам уже объяснил, что я – торговый представитель фермерского кооператива. Я аккредитован в правительстве Калгана как официальный иностранный представитель, и мои документы это подтверждают. Документы я вам показал, и не желаю, чтобы меня больше беспокоили.

На мгновение полицейский растерялся.

– Но я должен просмотреть все документы. Это приказ.

– Проваливайте! – неожиданно вмешалась Мамуля. – Если вы нам будете нужны, мы вас позовем. Вот уж тупицы!

– Ты пригляди за ними, Ханто, а я за лейтенантом сбегаю.

– Смотри не споткнись! – крикнула ему вслед Мамуля. Кто-то неподалеку хихикнул, но тут же умолк.

Поиски приближались к концу. Толпа начинала волноваться. Прошло не меньше сорока пяти минут с того момента, как была опущена сеть, а это уже слишком. Поэтому лейтенант Диридж торопился, пробираясь к нужному квадрату.

– Вот эта девочка? – спросил он устало. Он смотрел на нее. Очень похоже на описание. И все из-за ребенка!

Он сказал:

– Ее документы, будьте добры.

– Я уже объяснял вашим людям... – начал Папуля.

– Я знаю, что вы объясняли, и мне очень жаль, но у меня есть приказ, и тут уж ничего не поделаешь. Если вы так хотите, то позже можете заявить протест. Пока же я имею право в случае необходимости применить силу.

Наступила пауза. Лейтенант терпеливо ждал. Наконец Папуля торопливо проговорил:

– Дай мне твой паспорт, Аркадия.

Аркадия панически замотала головой, но Папуля успокаивающе кивнул.

– Не бойся. Дай.

Она беспомощно поковырялась в сумочке, вытащила паспорт и отдала его Папуле. Папуля

раскрыл паспорт, внимательно просмотрел его и передал лейтенанту. Лейтенант, в свою очередь, внимательно рассмотрел паспорт, потом перевел взгляд на Аркадию, долго смотрел на нее, потом, не говоря ни слова, резким движением захлопнул паспорт.

– Все в порядке, ребята, – сказал он.

Откозыряв, он удалился, полицейские – за ним; а через две минуты – не больше – сеть поползла вверх, и голос диктора из-под потолка объявил, что все закончено. Толпа зашевелилась, зашумела.

Аркадия бормотала:

– Как же это?.. Как...

Папуля приложил палец к губам:

– Ш-ш-ш! Не говори ничего! Пошли-ка побыстрее.

Наш рейс уже объявили.

На корабле у них была отдельная каюта и отдельный столик в ресторане. От Калгана их отделяло расстояние в два световых года, и Аркадия наконец решилась вернуться к прерванному разговору.

Она сказала:

– Но они же меня искали, мистер Пальвер. У них наверняка было мое описание. Почему же они дали мне уйти?

Папуля широко улыбнулся, пережевывая ростбиф.

– Ох, Аркадия, деточка, это так просто. Знаешь, когда без конца имеешь дело с агентами, покупателями и конкурирующими фирмами, в конце концов учишься всяким штучкам. А я им учусь уже двадцать лет. Видишь ли, детка, когда я передал лейтенанту твои документы, я вложил в паспорт сложенный во много раз чек на пятьсот кредиток. Просто, правда?

– Я вам отдам... Честное слово, у меня куча денег!

– Да? – круглое, румяное лицо Папули озарилось добродушной улыбкой. – Ну, ясно, богачка-провинциалка!

Он протестующе помахал рукой, но Аркадия настаивала:

– А что если бы он взял деньги, а меня бы увел с собой? Да еще бы мог меня во взяточничестве обвинить!

– И отказался бы от пятисот кредиток? Нет... я людей знаю получше твоего, детка.

Но Аркадия отлично понимала, что этих людей он не знает так, как она. Не этих людей он знает, вот что. Ночью, лежа в постели, она напряженно размышляла обо всем, что произошло, и совершенно уверилась в том, что никакая взятка не помогла бы лейтенанту полиции задержать ее, если только это не было спланировано. Они не хотели ее поймать, хотя и подстроили все так, будто очень хотели.

Почему? Чтобы убедиться, что она улетела? И именно на Трентор? Неужели эти добрые, мягкосердечные люди, с которыми она летит, – инструменты в руках Второй Академии? Такие же беспомощные, как она?

Должно быть, так.

А вдруг нет?

В голову решительно ничего не приходило. Все было бесполезно. Как она могла с ними бороться? Что бы она ни сделала, получалось, что делала только то, что хотели эти всемогущие повелители.

Но она должна была их перехитрить. Должна! Должна! *Должна!!!*

Глава шестнадцатая Война начинается

По причине или по целому ряду причин, неизвестных простым смертным в Галактике, в незапамятные времена в Межгалактическом Стандарте Времени была выделена основная единица – секунда, то есть промежуток времени, за который свет проходит 299,766 километра. 86 400 секунд произвольно приравнены Межгалактическому Стандартному Дню. А 365 таких

дней составляют один Стандартный Межгалактический Год.

Почему же именно 299,766, почему 86 400, почему 365?

Традиция, говорят историки, отвечая на этот вопрос. Нет, говорят мистики, это таинственное, загадочное сочетание цифр. Им вторят оккультисты, нумерологи, метафизики. Некоторые, правда, считают, что все эти цифры связаны с данными о периодах вращения вокруг своей оси и вокруг Солнца той единственной планеты, что была первородиной человечества.

Но на самом деле точно никто этого не знал.

Как бы то ни было, день, в который крейсер Академии «Хобер Мэллоу» столкнулся в космосе с эскадрой Калгана во главе с флагманским кораблем «Бесстрашный» и отказался пустить на борт группу, которая, непонятно почему, вознамеривалась обыскать крейсер, и из-за чего он был незамедлительно превращен в кусок оплавленного металла, отмечен в календаре как 185:11692 Г.Э. То есть – сто восемьдесят пятый день одиннадцать тысяч шестьсот девяносто второго года Галактической Эры. Начало летосчисления в таком календаре приходилось на воцарение Первого Императора династии Камблов. По другому летосчислению это был сто восемьдесят пятый день четырехста девятнадцатого года от рождения Гэри Селдона – 185:419, а по третьему – 185:348 А.Э., то есть сто восемьдесят пятый день триста сорок восьмого года от основания Академии. На Калгане же это был 185:46 П.Г., то есть сто восемьдесят пятый день сорок шестого года со дня введения Мулом титула Первого Гражданина. Как видите, день был один и тот же, независимо от того, с какого года начиналась эра.

Кроме того, в миллионах миров Галактики существовала местное летосчисление, основанное на датах жизни собственных небесных покровителей.

Но что бы вы ни выбрали – 185:11692, 419, 348 или 46, да что угодно, – это был один и тот же день, тот самый, который историки впоследствии пометят как день начала стеттинианской войны.

А для доктора Дарелла эти цифры не значили ровным счетом ничего. Для него это был всего-навсего тридцать второй день, как Аркадия покинула Терминус.

Как Дареллу удавалось сохранять спокойствие и присутствие духа в те дни, для всех оставалось загадкой.

Но Эльветту Семику казалось, что он догадывается как и почему. Он был старый человек и любил при случае повторять, что как раз в тех самых местах мозга, где его суждения тверды и непоколебимы, мозговое вещество сцементировалось. Он несколько не возражал против того, что его как ученого списали со счетов – он это даже приветствовал, – и сам был готов посмеяться над собой. Но глаза его пока не ослепли до такой степени, чтобы уж совсем ничего не видеть вокруг, и ум, конечно, далеко не настолько притупился, как он сам про себя рассказывал, – нет, он многое видел и многое понимал.

Растянув в усмешке сморщенные губы, он спросил:

– Что же вы ничего не предпринимаете, дружище?

Звук его голоса произвел на Дарелла чисто физическое воздействие. Он рассеянно спросил:

– На чем мы остановились?

Семик с сожалением разглядывал друга.

– На чем, на чем... Лучше бы насчет девочки что-нибудь придумали!

В ожидании ответа он закусил неровными желтоватыми зубами нижнюю губу.

В ответ послышалось:

– У меня к вам вопрос: можете вы добыть резонатор Саймса-Мольфа в указанном частотном диапазоне?

– Я уже сказал, что могу, но вы меня, вероятно, не слышали.

– Простите, Эльветт. Понимаете, дело в том, что то, чем мы с вами сейчас занимаемся, для Галактики более важно, чем то, в безопасности ли сейчас Аркадия. В общем, это дело мое и Аркадии, а я сейчас должен быть там, где большинство. Какого размера будет резонатор?

Семик пожал плечами:

– Ну, не знаю... Можно просто в каталог заглянуть.

– Хотя бы приблизительно. Сколько он будет весить – тонну, фунт? С квартал длиной?

– А-а-а... Я думал, вам нужно точно... Да нет, маленькая такая штуковинка.

Он показал первую фалангу большого пальца:

– Вот такая примерно.

– Отлично! А что-нибудь в таком роде сумеете изобразить?

Он быстро сделал набросок на листе из блокнота и передал старому физику. Тот скептически поглядел на набросок и хмыкнул:

– Знаете, вы много от меня хотите! Вот станете таким старым, как я, и мозги у вас так же затвердеют, поймете меня – не дай бог! Что вы хотите-то?

Дарелл растерялся. Он изо всех сил постарался мысленно передать собеседнику информацию, но был вынужден, поскольку это у него не вышло, облечь свою идею в слова.

Семик покачал головой.

– Тут понадобятся гиперволновые реле. Это – единственные устройства, которые могут обеспечить такие быстрые реакции. И понадобится их вам чертова уйма.

– Но в принципе можно?

– В принципе – конечно.

– Можете раздобыть все составные части? Я имею в виду – не поднимая шума? Так, чтобы это выглядело частью повседневной работы.

Семик закусил верхнюю губу.

– Раздобыть пятьдесят штук гиперреле? Да я столько за всю свою жизнь не использовал!

– Но вы забываете, что сейчас мы заняты разработкой оборонного проекта. Можете вы измыслить что-нибудь такое неприметное, безвредное, где бы понадобилось такое количество реле? Деньги у нас есть.

– Гм-м-м... Ну, может, что и придумаю.

– И какого же размера эта штуковина получится окончательно?

– Ну, если раздобудем микроскопические реле... потом провода... трубки... черт возьми, но там выйдет несколько сот электрических цепей!

– Знаю. И все-таки какого это будет размера?

Семик показал руками.

– Нет, это не пойдет. Великовато, – покачал головой Дарелл, – Размер должен быть такой, чтобы можно было к ремню пристегнуть.

Он старательно скатал листок с наброском в тугой шарик и бросил его в пепельницу-дезинтегратор, и тот исчез, испарился, распавшись до молекулярного уровня. Маленькая вспышка – и ничего не осталось.

Туг замигал сигнал, и Дарелл спросил:

– Кто это к вам, посмотрите!

Семик склонился над письменным столом, чтобы получше разглядеть изображение на маленьком молочно-белом экране, вмонтированном в стол чуть выше лампочки дверного сигнала.

– Это наш юный друг, Антор. А с ним кто-то еще. Дарелл рукой отбросил назад волосы.

– Об этом никому ни слова, Семик. Эти знания стоят жизни – будут стоять, если *они* узнают об этом, поэтому давайте ограничимся только нашими.

Вместе с Пеллеасом Антором в кабинет Семика ворвалась неумемная молодая горячность. Бедный кабинет – он ведь тоже за годы состарился вместе со своим хозяином. А Антор, даже не двигаясь, был наполнен движением. Воздух в тихой комнате был неподвижен, а свободные легкие рукава туники Антора развевались будто от легкого ветерка.

Он представил товарищам своего спутника.

– Доктор Дарелл, доктор Семик... Орум Диридж.

Его спутник был высокого роста. Физиономия, на которой выделялся длинный, с горбинкой нос, была не лишена привлекательности. Доктор Дарелл протянул ему руку.

Антор улыбнулся и сообщил:

– Диридж – лейтенант полиции. – И подчеркнул многозначительно: – С Калгана.

Дарелл повернулся к Антору. Он готов был его насквозь просверлить взглядом.

– Лейтенант полиции Диридж с Калгана, – четко выговаривая каждое слово, повторил Дарелл. – И вы привели его сюда. Зачем?

– Потому что он – последний человек, кто видел на Калгане вашу дочь. Да вы что? Спокойно!

Триумф Антора неожиданно оказался под вопросом. Ему пришлось, заслонив собой лейтенанта, схватиться с бросившимся на него Дареллом. Старший коллега был вынужден отступить и опуститься в кресло, тяжело дыша.

– Вы с ума сошли! – крикнул Антор, отбрасывая со лба каштановый завиток. Он уселся на краешек письменного стола, покачивая ногой. – А я-то думал, вы обрадуетесь!

Дарелл, не слушая его, обратился прямо к полицейскому:

– Что это он имеет в виду? Что значит – вы последним видели мою дочь? Она умерла? Говорите, быстро!

Он страшно побледнел.

Лейтенант Диридж совершенно спокойно ответил:

– «Последний человек» – это он просто неудачно выразился, мистер Дарелл. Она уже не на Калгане – это все, что я знаю.

– Погодите, – вмешался Антор. – Дайте я объясню. Прошу прощения, Док, я, видно, слишком сгустил краски. Вы так разволновались, а я совершенно упустил из виду ваши отцовские чувства. Во-первых, лейтенант Диридж – наш человек. Он родился на Калгане, но его отец – из Академии. Он был вывезен туда, чтобы работать на Мула. Я готов ответить за то, что лейтенант предан Академии.

Кроме того, я поддерживал с ним связь с того самого дня, когда перестали поступать ежедневные отчеты от Мунна.

– Зачем? – яростно прервал его Дарелл. – Я полагал, что мы твердо условились, что не будем никого вмешивать в наши дела. Вы рисковали и их жизнью, и нашей!

– Затем, – столь же яростно ответил Антор, – что в эту игру я играю дольше вас. Потому что у меня на Калгане есть связи, о которых вы не имеете понятия. Потому что я знаю больше, понятно?

– Похоже, вы просто с ума сошли!

– Вы слушать будете или нет?

Наступила пауза. Дарелл стиснул кулаки и закрыл глаза.

Губы Антора скривились в усмешке:

– Все нормально, Док. Пять минут – и вы все поймете. Скажите ему, Диридж.

Диридж непринужденно начал:

– Насколько мне известно, доктор Дарелл, ваша дочь – на Тренторе. По крайней мере, у нее был билет на Трентор, купленный в Восточном Космопорте. Она была с Торговым Представителем Трентора, который утверждал, что она – его племянница. У вашей дочери, похоже, – странная коллекция родственников, доктор. Второй дядюшка за две недели, а? Тренторианец даже пытался всучить мне взятку – и, наверное, думает, что им удалось улететь именно поэтому.

Он саркастически улыбнулся.

– Как она выглядела?

– В полном порядке, по мне показалось, что она была напугана. Но ее можно понять. Весь полицейский департамент охотился за ней. Почему – я сам до сих пор не пойму.

Дарелл, как ему показалось, впервые за все время сделал вдох. Он заметил, что у него страшно дрожат руки. Из всех сил пытаясь овладеть собой, он проговорил:

– Значит, с ней все в порядке. А этот Представитель Трентора – кто он такой? Вернитесь к нему. Какова его роль во всей этой истории?

– Понятия не имею. А вы что-нибудь про Трентор знаете?

– Я там жил когда-то.

– Теперь это – сельскохозяйственный мир. Экспортирует продукты животноводства и зерно. Качество отменное! Они торгуют со всей Галактикой. На планете – десятка два кооперативов, и у каждого – собственный зарубежный представитель. Пройдохи еще те. Досье этого человека я видел. Он уже не первый раз на Калгане. Обычно прилетает с женой. Похоже – честный, порядочный человек. И не опасный.

– Хм-м-м... – протянул Антор. – Аркадия родилась на Тренторе, так ведь, Док?

Дарелл кивнул.

– Видите, все, в принципе, увязывается... Она хотела скрыться – как можно быстрее. И Трентор ей показался самым подходящим местом. Или вы так не думаете?

Дарелл спросил:

– А почему ей было не вернуться сюда?

– Может быть, она думала, что за ней будут следить, и решила удрать в другое место?

У Дарелла не было сил больше ни думать, ни говорить. «О более! – думал он. – Дай ей бог быть в безопасности на Тренторе, если вообще можно хоть где-нибудь быть в безопасности в этой проклятой, враждебной Галактике!» Он, покачиваясь, побрел к двери; почувствовав, как Антор слегка тронул его за рукав, остановился, но не обернулся.

– Можно вас навестить дома, Док?

– Заходите, – автоматически отозвался Дарелл.

К вечеру доктор Дарелл уединился. Он отказался от ужина и все время упорно занимался математической обработкой энцефалограмм.

Было уже около полуночи, когда он вернулся в гостиную. Пеллеас Антор все еще был там. Он сидел у телевизора, переключая каналы. Услышав за спиной шаги, он обернулся.

– А, это вы? А я думал, вы уже спите. А я уже два часа сражаюсь с телевизором – пытаюсь что-нибудь поймать кроме сводок новостей. Похоже, «Хобер Мэллоу» сбился с курса, и о нем ничего не слышно.

– Вот как? И какие есть предположения?

– А вы как думаете? Конечно, калганские штучки. Есть сообщения, что калганские корабли замечены в нейтральном пространстве в том самом секторе, откуда последний раз поступали сообщения с «Хобера Мэллоу».

Дарелл нахмурился, а Антор задумчиво потер ладонью лоб.

– Слушайте, Док, – сказал он, – а почему бы вам не отправиться на Трентор?

– Зачем это?

– Затем, что здесь нам от вас – никакого толку. Вы просто не в себе. Да и не можете иначе. Кроме того, на Тренторе вам нашлось бы чем заняться. Там ведь до сих пор существует старая Имперская Библиотека с полным набором отчетов о заседаниях Комиссии Селдона.

– Нет! Все отчеты проштудированы и еще никому не помогли!

– Ну почему же? Эблингу Мису помогли когда-то.

– Откуда вы знаете? Да, он *сказал*, что нашел Вторую Академию, и моя мать убила его через пять минут после этого, чтобы он не успел сказать Мулу, где она находится. Но, поступив так, она тем самым лишила всех возможности узнать, действительно ли Мис узнал, где она находится. И, наконец, из самих отчетов никому не удалось выудить и толики правды.

– Эблинг Мис, как вы помните, – попытался возразить Антор, – находился под воздействием искусственной стимуляции мозга, осуществляемой Мулом.

– Да, я это знаю. Но напомним вам, что состояние сознания самого Мула было не совсем нормально. Разве вы и я – разве мы что-нибудь знаем о том, как работает сознание человека, находящегося под управлением сознания другого человека? Что мы знаем о преимуществах и недостатках такого мышления? Нет, как бы то ни было, на Трентор я не полечу. Об этом не может быть и речи.

Антор нахмурился:

– Да нет, вы только не обижайтесь. Я просто предложил, потому что, клянусь всеми святыми, я вас не понимаю. Вы за месяц состарились лет на десять. Вам, я чувствую, зверски трудно. Здесь вы все равно ничего толкового не сделаете. На вашем месте я хотя бы слетал туда

и забрал девочку.

– Вот именно! Вы думаете, что мне этого не хочется? Послушайте меня, Антор, и постарайтесь понять. Вы играете – да мы оба играем – с чем-то, с чем в действительности справиться не в силах. По трезвому размышлению, если вы на такое способны, вы должны отдать себе отчет в этом, что бы вы ни думали в минуты, когда вами овладевает романтическое донкихотство.

Уже пятьдесят лет мы знаем, что Вторая Академия – прямая наследница и носительница селдоновской математики. А это означает – и вы это прекрасно знаете, что ни у кого в Галактике волос не упадет без их ведома. Для нас вся наша жизнь – не более чем цепь непрерывных случайностей. Мы встречаемся с ними и импровизируем на ходу. Для них же любая жизнь имеет некое предназначение, и она должна быть спрогнозирована И рассчитана наперед.

Но и у них есть свои слабые места. Их работы основаны на статистике, а не может быть такого, чтобы историю двигали вперед одни лишь только громадные людские массы. Такие понятия как «неизбежность», «неотвратимость» имеют отношение только к такой – массовой статистике. Я, например, не знаю, какова моя роль – роль отдельного человека в истории. Может быть, у меня и нет никакой роли, поскольку План оставляет отдельному человеку такие прелести, как недетерминированность и свобода воли. Но тем не менее я существую, и они – они, вы понимаете, – способны рассчитать и мое поведение, и мои реакции на определенные события – правда, с очень низкой степенью вероятности. Но могут. Поэтому я не доверяю ни своим порывам, ни своим желаниям – как возможным реакциям.

Поэтому я считаю более разумным реагировать как можно менее вероятно. Я останусь здесь, невзирая на то что мне нестерпимо хочется улететь. Нет, я этого не сделаю! Именно потому что мне так хочется улететь!

Молодой человек печально улыбнулся:

– А мне кажется, что вы просто не знаете своего сознания ток, как знают его *они*. Разве нельзя предположить, что, зная вас, они могут рассчитать и ход ваших мыслей – одних только мыслей – и что как раз то, что вы считаете маловероятной реакцией, и есть наиболее вероятная, а они именно на это и рассчитывают, зная, какова будет цепь ваших размышлений.

– В таком случае – выбора нет. Не исключено, что они предусмотрели и тот тип размышлений, который вы только что описали. Тут можно бесконечно пере-пере-пересматривать варианты. А на самом деле их всего два. Я могу либо улететь, либо остаться. Но хитрый замысел – утащить мою дочь через пол-Галактики – не может быть предпринят с целью вынудить меня остаться здесь. Ведь остался бы я только в том случае, если бы ничего подобного не случилось. Следовательно, все задумано с одной-единственной целью – выманить меня отсюда. Вот именно поэтому я и останусь.

И кроме того, Антор, совершенно необязательно, чтобы все события укладывались в схему, навязанную Второй Академией. Не все события суть результаты того, что они дергают нас, как марионеток за веревочки. Они могут не иметь никакого отношения и к отлету Аркадии на Трентор, и она спокойно может остаться там жива и здорова, в то время как все мы тут погибнем.

– Нет, – резко прервал его Антор, – тут вы ошибаетесь.

– У вас есть другое объяснение?

– Есть, если вы готовы меня выслушать.

– Ради бога. Чего-чего, а терпения у меня достаточно.

– Тогда ответьте: вы уверены, что хорошо знаете собственную дочь?

– Как может любой человек с уверенностью утверждать, что знает другого? Естественно, мои знания неадекватны истине.

– Так же как и мои в этом случае. Но я, по крайней мере, имел возможность взглянуть на нее со стороны, свежим взглядом, так сказать. Она – необузданная маленькая романтичка, единственный ребенок кабинетного ученого, выросшая в «башне из слоновой кости» и всю жизнь прожившая в мире видеофильмов и книжных приключений. Она создала себе свой собственный мир – мир фантазии, шпионажа и интриг. Это – во-первых. Во-вторых, она умна,

достаточно умна – как бы то ни было, а нас она сумела перехитрить. Она тщательно спланировала, как подслушает первое же наше собрание, и преуспела в этом. Потом она придумала, как ей улететь с Мунном на Калган, и это ей тоже удалось. В-третьих, в ней течет героическая кровь ее бабушки – вашей матери, победительницы Мула.

Пока все верно, не так ли? Хорошо. А теперь вот что. В отличие от вас, я получил полный отчет от лейтенанта Дириджа, и, кроме того, у меня на Калгане полным-полно других источников информации – все точные и проверенные. Нам, например, известно, что Хомир Мунн при первой встрече с Лордом Стеттином получил отказ на просьбу разрешить ему посетить Дворец Мула и получил разрешение сразу же после того, как Аркадия побеседовала с Леди Каллией, доброй подругой Первого Гражданина.

Дарелл прервал его:

– Откуда вам это известно?

– Во-первых, Мунн был опрошен лейтенантом Дирижем в процессе экстренного полицейского расследования, организованного для поиска Аркадии. Естественно, у нас имеется полный текст допроса.

А теперь давайте вернемся к Леди Каллии. Поговаривают, что Лорд Стеттин в последнее время охладил к ней. Слухи, конечно, слухами, но есть и фактическая информация, их подтверждающая. Но пока она не только не получила «отставки», но остается при Стеттине, следовательно, запросто могла на него повлиять и в плане уговора дать Мунну разрешение на посещение Дворца, а что еще более важно – могла организовать побег Аркадии. Ведь с десятков гвардейцев подтвердили, что в вечер побега их видели в особняке Стеттина вдвоем. Тем не менее никакого наказания она не понесла. И это несмотря на то что Аркадию разыскивали везде и всюду.

– И каковы же ваши выводы из массы столь противоречивых сведений?

– Вывод один: побег Аркадии был организован.

– Я так и говорил.

– С небольшим уточнением: Аркадия сама должна была знать, что побег организован. Аркадия, ваша маленькая умная дочка, все прекрасно поняла и последовала вашему типу размышлений. Они хотели, чтобы она вернулась в Академию, а она вместо этого улетела на Трентор. Только вот – почему именно на Трентор?

– Ну и почему?

– Полагаю, потому, что именно туда в свое время улетела ее знаменитая бабушка, когда ей нужно было скрыться. Сознательно или бессознательно Аркадия поступила так же. Но вот что интересно – столкнулась ли Аркадия с тем же самым врагом?

– С Мулом? – с плохо скрытым сарказмом поинтересовался Дарелл.

– Нет, разумеется. Под словом «враг» я имею в виду ту самую психологическую силу, которую она не смогла победить. Убегала она от Второй Академии, точнее, от ее воздействия, влияния, которое она могла почувствовать на Калгане.

– О каком воздействии вы говорите?

– А вы думаете, что у Калгана – иммунитет против этой проклятой болезни? Ведь мы оба, не сговариваясь, пришли к выводу о том, что побег Аркадии был организован. Так? Ее искали и нашли, но преспокойненько дали ей улететь – а это было делом рук Дириджа. Дириджа, понимаете? Как это вышло? Это вышло потому, что Диридж был нашим человеком. Но они откуда об этом знали? Они разве могли считать его предателем? А, Док?

– Выходит, вы считаете, что они откровенно хотели перехватить ее. Ничего не понимаю. Откровенно говоря, вы меня порядком утомили, Антор. Давайте закругляйтесь. Я хочу спать.

– Сейчас закончу.

Антор достал из внутреннего кармана маленькую пачку фотографий. Знакомые линии энцефалограмм.

– Вот, взгляните. Энцефалограмма Дириджа после возвращения из Калгана.

Дареллу все стало ясно. Лицо его приобрело землистый оттенок и вытянулось.

– Он «обработан»!

– Вот именно. Он дал Аркадии улететь не потому, что был нашим человеком, а потому,

что он был человеком из Второй Академии.

– Дал улететь, зная, что она летит на Трентор, а не в Академию?

Антор пожал плечами:

– Надо полагать, что его действия были запрограммированы так, что он должен был дать ей улететь. Импровизировать он не мог. Он ведь был не более чем инструментом, как вы понимаете. Просто получилось так, что Аркадия выбрала самый невероятный ход поступков и, скорее всего, именно благодаря этому находится в безопасности. Или в относительной безопасности – до тех пор, пока Вторая Академия не изменит своих планов и не внесет в них изменений, соответствующих перемене в ходе событий...

Он умолк. На панели телевизора замигала маленькая сигнальная лампочка. Это означало, что сейчас начнется передача экстренного выпуска новостей. Дарелл это тоже заметил и повернулся к экрану. Первую фразу сообщения они расслышали не сначала, но еще до того, как предложение закончилось, оба они знали, что «Хобер Мэллоу», а вернее, то, что от него осталось, был обнаружен в космосе, а это означало единственное; впервые за полвека Академии объявлена война. Антор стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Ну вот, Док, теперь вы все знаете. Калган пошел в атаку. А Калган – в руках Второй Академии. Так, может, все-таки полетите на Трентор?

– Нет. Я рискну. Останусь здесь.

– Доктор Дарелл, вы не так умны, как ваша дочь. Просто не знаю, можно ли вам доверять.

На мгновение он задержал долгий, испытующий взгляд на лице Дарелла, быстро повернулся и вышел.

Доктор Дарелл остался один. Он был в растерянности, граничащей с отчаянием.

А на экране взволнованный диктор описывал подробности первого часа войны между Калганом и Академией...

Глава семнадцатая Война

Мэр Академии рассеянно приглаживал редкие волосы, обрамлявшие лысоватый череп. Он вздохнул:

– Вот они, аукаются нам – утраченные годы и возможности, не использованные нами. Я не то чтобы обвиняю кого-то, доктор Дарелл, но, честное слово, мы заработали свое поражение.

Дарелл спокойно возразил:

– Не нижу причин для особого беспокойства, сэр.

– Особого беспокойства? Особого беспокойства! Да откуда взяться другому отношению! Пойдите-ка сюда...

Он почти силой заставил Дарелла подойти к медленно вертящемуся на невидимой гравитационной подставке овоиду. Мэр коснулся его рукой, и овоид засветился изнутри – точная трехмерная модель двойной спирали Галактики.

– Желтым, – взволнованно начал мэр, – обозначен тот район космического пространства, который находится под влиянием Академии, а красным – районы протектората Калгана.

Картина, представшая перед Дареллом, представляла собой нечто вроде маленького красного шарика, заключенного как бы внутрь гораздо большего по объему желтого пространства, отдаленно напоминавшего очертания кулака. Желтый «кулак» окружал красную сферу со всех сторон. Открытым оставалось только направление, ведущее к центру Галактики.

– Галактография, – сказал мэр, – наш злейший враг. Наши адмиралы просто-напросто ни от кого не могут скрыть нашей почти безнадежной стратегической позиции. Вот смотрите: у противника имеются внутренние линии коммуникации. Его позиция сконцентрирована, они способны одинаково легко встретиться с нами в любой точке пространства и защититься, не прикладывая особых усилий.

А мы разбросаны. Среднее расстояние между населенными системами на территории Академии почти в три раза превышает таковое для Калгана. Например, чтобы добраться из Сантани в Локрис, нам нужно одолеть двадцать пять парсеков, а им – всего восемь, если мы не

будем выходить за пределы наших территорий.

– Это все я понимаю, сэр, – сухо сказал Дарелл.

– И тем не менее вы не согласны, что одно только это уже означает поражение?

– В войне, сэр, имеют значение не только расстояния. Я утверждаю, что мы не можем проиграть. Это просто невозможно.

– И почему же вы так считаете?

– Таково мое понимание Плана Селдона.

– О!.. – скептически кивнул мэр, скривив губы и сложив руки за спиной. – Значит, и вы тоже рассчитываете на мистическую помощь Второй Академии?

– Нет. Всего лишь на помощь неизбежности – а также на мужество сограждан и мощное сопротивление врагу.

Но несмотря на высказанную словами уверенность, он сам не переставал размышлять.

А что если...

Ну... что если Антор был прав и Калган на самом деле – непосредственное орудие в руках мастеров психологической войны? Что если это и есть их цель – победить и разрушить Академию? Нет! Бессмыслица!

И все-таки...

Он горько усмехнулся. Все время – одно и то же. Все время это тыканье лбом в неподатливый гранит – такой твердый и непрозрачный, который для врагов светился насквозь...

Голографическая картина сложившейся ситуации у Лорда Стеттина, напротив, вызывала удовлетворение.

Повелитель Калгана стоял перед точно такой же моделью Галактики, которую разглядывали мэр и доктор Дарелл. Отличие было лишь в том, что то, что заставляло мэра хмуриться, у Стеттина вызывало довольную усмешку.

Адмиральская форма поблескивала всеми регалиями на его внушительной фигуре. Алая лента ордена Мула, которым его наградил предыдущий Первый Гражданин, не слишком любезно смещенный им с этого поста полгода спустя, пересекала его торс от правого плеча до пояса. Серебряная Звезда с двойными кометами и мечами ярко сияла на левой стороне груди.

Он обратился к присутствующим – шести представителям генерального штаба, облаченным в форму, лишь слегка уступавшую его собственной по количеству блестящих знаков отличия, а также и к Первому Министру, худощавому и седому – темной паутинке, терявшейся в блеске орденов и позументов.

– Полагаю, решение ясное. Мы имеем возможность ждать. Для них каждый день ожидания – лишний удар по их достоинству. Если они попытаются организовать защиту по всему фронту, то вынуждены будут сильно рассеяться, и тогда мы сможем нанести два сокрушительных удара одновременно – вот тут и тут.

Он показал направления атаки на модели Галактики – две стрелки ослепительно белого цвета, отсекавшие желтый «кулак» изнутри от красного шарика и замыкавшиеся не Терминусе плотной дугой с обеих сторон.

– Тем самым мы разорвем их флот на три части, каждую из которых можно разбить по отдельности. Если они попытаются осуществить концентрацию сил, то неизбежно сдадут добровольно две трети своих калений, где, вероятно, вспыхнут бунты.

Тихий голос Первого Министра с трудом пробился сквозь довольный шепот офицеров:

– Через шесть месяцев Академия станет в шесть раз сильнее. Как мы отлично знаем, у них более мощные резервы, численность их флота более велика, людская сила – тоже. Наверное, все-таки вернее было бы предпринять один мощный удар.

Однако к его голосу никто не прислушался. Стеттин снисходительно улыбнулся и небрежно махнул рукой.

– Шесть месяцев... Да пусть хоть год! Для нас это равным счетом ничего не значит. Люди из Академии не смогут подготовиться. Они на это просто морально не способны. Они верят, что им поможет Вторая Академия. Но на этот раз они жестоко ошибаются.

Присутствующие нервно зашевелились и зашептались.

– Видимо, у вас недостаточно информации, – жестко сказал Стеттин. – Что, еще раз процитировать отчеты наших агентов на территории Академии? Или еще раз пересказать выводы мистера Хомира Мунна, перешедшего на нашу сторону бывшего агента Академии? Прошу вас, джентльмены, расходитесь. Совет окончен.

Стеттин вернулся в свои апартаменты. Улыбка не сходила с его лица.

Порой он, конечно, задумывался о Хомире Мунне. Станный это был человек, непонятный. Первого своего обещания он, конечно, не сдержал, но все-таки время от времени сообщал небезынтересную информацию – особенно тогда, когда присутствовала Каллия.

Улыбка его стала еще шире. У этой толстой дуры всегда на все есть свои резоны, но и она порой бывала полезна. По крайней мере, она со своей дурацкой бабьей болтовней ухитрялась выудить у Мунна больше, чем ему самому удавалось, да и выходило это у нее гораздо легче. Может, отдать ее Мунну совсем? Он нахмурился. Каллия... Каллия со своей идиотской ревностью! Черт бы ее побрал! Если бы не она, у него была бы теперь эта девчонка – Дарелл, и как это он только ей башку не проломил за это?

Этого он и сам не мог понять.

Может, потому что она ухитрялась так ловко обстрепывать разговоры с Мунном? А Мунн ему очень нужен. Ведь именно Мунн доказал, что уж, по крайней мере, Мул был убежден, что никакой Второй Академии не существует. А его адмиралам, как воздух, необходима такая уверенность.

Он не прочь объявить об этом во всеуслышание, но разумнее оставить все как есть. Пусть Академия верит в эту несуществующую поддержку. Но неужели именно Каллия это выяснила? Да, точно. Именно она. Она и сказала.

Да нет, что за чушь. Что она могла сказать?

И все-таки...

Он потряс головой, но особой ясности не прибавилось.

Глава восемнадцатая

Мир-призрак

На Тренторе царило странное сочетание смерти и возрождения. Как потускневший алмаз в обрамлении огромного количества ярчайших звезд в центре Галактики, освещенный их лучами, он дремал и видел во сне свое прошлое и свое будущее.

Было время, когда невидимые нити власти тянулись от его металлической коры во все концы Галактики. На планете некогда существовал один-единственный город, населенный четырьмя сотнями миллиардов администраторов, – это была самая грандиозная столица всех времен и народов.

Но постепенно Империя пришла в упадок, а потом – примерно столетие назад – было Великое Побоище и силы Трентора остались при нем самом, а потом и вовсе иссякли. Сияющие останки трупа – его металлическая оболочка сморщилась и покорежилась, страдая от сознания своего былого величия.

Те, кому удалось выжить здесь, разорвали металлическую оболочку планеты и стали торговать этим металлом, получая взамен зерно и скот. Земля, тысячелетиями не видевшая солнца, не дышавшая воздухом, снова открылась, и планета вернулась к первозданным временам. На открытых участках почвы, где велось примитивное земледелие, Трентор, казалось, начисто забыл о своем великом, закованном в непроницаемую броню прошлом.

И совсем забыл бы, если бы эти клочки возделанной земли не были бы окружены гигантскими стальными руинами, вздымавшимися к небу искореженными башнями и шпилями с пустыми глазницами окон и арок.

Аркадия, затаив дыхание, смотрела на стальную линию горизонта. Деревня, в которой жили Пальверы, была всего-навсего кучкой маленьких простых домиков. Ее окружали поля – золотисто-желтые, волнующиеся под ветром полосы пшеницы.

А там, далеко-далеко, была память прошлого, все еще сияющая незаржавевшим величием,

отбрасывающая блики и отсветы огня в лучах закатного и рассветного солнца Трентора. За все те месяцы, что Аркадия жила на Тренторе, она была там только один раз. Она бродила по гладким стальным тротуарам, заходила в молчаливые, покрытые вековой пылью дома, в которые свет проникал сквозь трещины разбитых стен и крыш.

Это была нескончаемая сердечная боль. Это было проклятие.

Долго выдержать там она не смогла и убежала и бежала до тех пор, пока ноги ее вновь не коснулись мягкой живой земли.

Теперь она лишь подолгу смотрела на руины издалека. Еще рез потревожить мертвый прах она не отважилась бы.

Она знала, что где-то в этом мертвом мире она родилась – недалеко от древней Имперской Библиотеки – в самом тренторианском Тренторе. Это была святая святых, только Библиотека и пережала Великое Побойще и уже целое столетие стояла в неприкосновенности, как безмолвный вызов всей Вселенной.

Там Гэри Селдон и его соратники сплели свою невидимую паутину. Там бился в поисках тайны Эблинг Мис, там он сидел, пораженный внезапным открытием, пока не был убит, чтобы о его открытии не узнал никто на свете.

Там, в Имперской Библиотеке, ее дедушка и бабушка прожили десять лет, пока не умер Мул и они не смогли вернуться в возрождающуюся Академию.

Туда, в Имперскую Библиотеку, вернулся ее отец со своей молодой женой, чтобы попытаться еще раз отыскать Вторую Академию, но не сумел. Там родилась она, там умерла ее мать.

Ей очень хотелось попасть в Библиотеку, но Прим Пальвер только головой покачал и сказал:

– Это за тысячу миль от нас, Аркадия, а у нас тут столько дел. И потом, это не очень хорошее место. Святыня, понимаешь, и всякое такое...

Но Аркадия прекрасно понимала, что ему просто не хочется идти в Библиотеку, что тут все точно так же, как с Дворцом Мула на Калгане. Это был тот самый суеверный страх пигмеев перед реликвиями гигантов прошлого.

Но осуждать за это маленького доброго толстяка она не могла – это было бы кощунством. Она уже три месяца жила на Тренторе, и все это время он и она – Папуля и Мамуля – были так добры к ней...

А что было бы, если бы она вернулась? Она бы только навлекла на них смерть и разрушение. Разве она сказала им о том, что она сама стала мишенью для разрушения? Нет. Она просто милостиво позволила им взять на себя опаснейшую роль своих защитников и укрывателей.

От этих дум она нестерпимо страдала, мысли ее путались, ей было невыносимо стыдно, но выбора не было.

Она медленно спускалась по ступенькам лестницы в столовую. До нее донеслись голоса.

Прим Пальвер, запрокинув голову, с трудом заправил салфетку за воротник и с нескрываемым удовольствием принялся за яичницу.

– Я вчера был в городе, Мамуля, – проговорил он с набитым ртом.

– Ну и что там слышно, Папуля? – безразлично поинтересовалась Мамуля, разглядывая стол в поисках соли. Найдя, она встала и подала ему соль.

– А, ничего хорошего. Прибыл корабль с калганского направления с газетами оттуда. Война там.

– Война! Вот как! Ну что ж, пусть разбивают свои дурацкие лбы, коли ума у них нет совсем. Ты платежный чек получил, Папуля? Папуля, я тебе советую: скажи ты этому старому подлецу Коскеру, что у него не единственный кооператив на Тренторе. Они и так, паршивцы, платит тебе столько, что людям стыдно сказать, так хоть бы уж платили вовремя!

– Вовремя-шмовремя, – раздраженно отозвался Папуля. – Слушай, только не надо со мной за завтраком говорить о делах. У меня кусок в горле застревает.

Он мстительно, раздраженно намазал масло на хлеб, будто оно в чем-то виновато, и

добавил более спокойно:

– Война-то между Калганом и Академией, и уж два месяца как началась.

Он стукнул кулаком о кулак, имитируя столкновение двух космических кораблей.

– Гм-м-м... Ну и как там дела?

– У Академии дела плохи. Ты же сама видела Калган – солдат на солдате и солдатом погоняет. Они были наготове. А Академия – нет, так что... – он развел руками.

Мамуля резко отложила в сторону салфетку и прошипела:

– Идиот!

– Чего?

– Тупица! Болтаешь всякое, язык у тебя без костей! Она быстро повела глазами, и Папуля, заглянув ей за спину, увидел, что в дверях стоит Аркадия, онемевшая от ужаса.

Она спросила:

– Академия воюет?

Папуля беспомощно посмотрел на Мамулю и кивнул.

– И они проигрывают?

Он еще раз кивнул.

У Аркадии перехватило горло. Она медленно подошла к столу.

– Это – конец? – прошептала она.

– Конец? – с деланной беспечностью переспросил Папуля. – Кто сказал – «конец»? Когда война, всякое бывает. И... и...

– Садись, милая, – ласково сказала Мамуля. – Сначала поешь как следует, а потом и поговорить можно. Но Аркадия пропустила ее слова мимо ушей.

– Аркади, – сказал Папуля серьезно, – новости – за прошлую неделю, и Терминус все еще сражается. Это чистая правда. Я не обманываю тебя. Хочешь, я покажу тебе газеты?

– Да!

Она прочитала все колонки новостей, торопливо поела, даже не глядя в тарелку. Она читала, и глаза ее краснели и наливались слезами. «Сантанны и Кореллия сдались без боя». «Эскадра Флота Академии захвачена в малонаселенном секторе Ифни и уничтожена практически до единого корабля».

Теперь Академия была заперта на территории бывших Четырех Королевств – той территории, что была, очерчена Сальвором Гардином, первым мэром. Но они продолжали сражаться, и все еще была возможность... Нет, что бы то ни было, она должна предупредить отца! Она должна каким-то образом сообщить ему. Должна!

Но как? На пути к Терминусу шла война.

После завтрака она спросила у Папули:

– Мистер Пальвер, вы в ближайшее время куда-нибудь собираетесь по делам?

Папуля сидел в просторном шезлонге на лужайке перед домом и загорал. В его толстых пальцах была зажата такая же толстая сигара, а сам он напоминал карикатурного мопса.

– По делам? – лениво пробормотал он. – Как знать... Вообще-то я в отпуске и никуда не собирался. И про дела как-то вспоминать неохота. Ты беспокоишься, Аркади?

– Я? Нет, мне здесь очень хорошо. Вы так добры ко мне – и вы, и миссис Пальвер.

Он замахал рукой в знак протеста.

Аркадия сказала:

– Я думала о войне.

– Лучше не думай. Что ты-то можешь поделать? Ты ничем не можешь помочь, так что толку мучить себя?

– Понимаете, я думала о том, что Академия потеряла часть своих сельскохозяйственных миров. У них там, наверное, очень плохо с продуктами.

Папуля поерзал в кресле.

– Не стоит волноваться. Все будет хорошо.

Она не слушала.

– Мне бы хотелось помочь им с продуктами, вот что, Знаете, когда умер Мул и Академия восстала, Терминус был в осаде почти целый месяц, и генерал Хэн Притчер, который временно

замешал Мула, устроил нам настоящую блокаду. Продуктов было очень мало, и мой папа рассказывал мне, как его отец рассказывал ему, что они питались тогда одними какими-то жуткими аминокислотными таблетками. Нет, честное слово – одно яйцо стоило двести кредиток. Но потом они прорвали блокаду – как раз вовремя, и продуктовые грузы стали прибывать из Сантанни. Думаю, это было ужасное время. И теперь им наверняка не лучше.

Знаете, я готова голову дать на отсечение, что Академия сейчас просто бешеные деньги отвалит за продукты! Двойную, тройную цену. Даже больше! И если бы, к примеру, здесь, на Тренторе, какой-нибудь кооператив за это дело взялся, то он, может быть, и потерял бы несколько кораблей, но за время войны фермеры стали бы все миллионерами. Вот! Торговцы из Академии именно таким образом наживали себе состояния. Нет, серьезно, за одну такую вылазку они привозили пару миллионов прибыли. Могли бы, наверное, и побольше получить, но это была плата за то, что они могли увезти на одном корабле.

Папуля поерзал сильнее. Сигара давно упала и погасла в траве, а он и не заметил.

– Продуктовая сделка! Гм-м-м... Да, но Академия так далеко...

– О, я знаю! Конечно, отсюда нечего и пытаться. Но можно ведь воспользоваться рейсовым кораблем, добраться дальше Массены и Смужчика, а там можно взять напрокат небольшой крейсер или еще что-нибудь в этом роде – небольшой кораблик, на котором можно было бы перебраться через линию фронта.

Папуля поскреб затылок. Он прикидывал в уме.

Через две недели приготовления к отлету были закончены. Мамуля все эти две недели ворчала не переставая. Сначала ее возмущало то, что ее супруг идет на явное самоубийство, летя неизвестно куда. Потом она столь же рьяно возмущалась, почему он не берет ее туда с собой.

Папуля урезонивал ее:

– Мамуля, ну что ты ведешь себя, как старая карга? Я не могу тебя взять с собой. Это мужская работа. Ты себе представляешь, что такое война? Развлечение? Игра в «кошки-мышки»?

– Ну а ты тогда зачем летишь? «Мужская работа»!.. Тоже мне мужчина выискался – старый балбес, одной ногой в могиле. Лучше бы кто помоложе полетел – не такой лысый олух, как ты.

– Ну вот еще новости. Лысого нашла! – слабо протестовал Папуля. – Да у меня еще волосы – о-го-го! И потом – почему бы именно мне не сделать это дело? Неужто уступать какому-нибудь молодому бездельнику? Да тут, Мамулечка ты моя, миллионами пахнет, понимаешь ты или нет? Мил-ли-он-чиками!

Это она понимала и потому в конце концов сдалась.

Перед самым отлетом Аркадия улучила минутку, чтобы поговорить с Пальвером наедине.

– Вы на Терминусе будете?

– Почему бы и нет? Ты же сама сказала, что им нужен хлеб, и рис, и еще картофель. Я заключу с ними контракт, и они все это получат.

– Тогда вот что. Если вы будете на Терминусе, не могли бы вы навестить папу?

Папуля понимающе улыбнулся и ласково погладил ее по голове.

– А я ждал, что ты меня попросишь об этом. Конечно, конечно, детка, я зайду к нему. Я скажу ему, что ты жива и здорова, и что у тебя все в порядке, и что, когда все закончится, я привезу тебя обратно.

– Спасибо, Сейчас я расскажу, как его найти. Его зовут доктор Торан Дарелл, он живет в Станмарке. Это немного в стороне от Терминуса, там летают маленькие маршрутные самолеты. Дом пятьдесят пять на Набережной Канала.

– Постой, я запишу.

– Нет-нет, – покачала головой Аркадия. – Записывать ничего не нужно. Вы должны запомнить и найти его, ни у кого не спрашивая.

Папуля озадаченно пожал плечами.

– Ну ладно, как хочешь. Повторяю: дом пятьдесят пять на Набережной Канала в Станмарке, недалеко от Терминус-сити, добираться маршрутным самолетом. Все правильно?

Аркадия кивнула.

– И... еще кое-что.

– Да?

– Можете передать ему кое-что от меня?

– Конечно.

– Я вам на ухо скажу.

Он склонил голову, и она что-то прошептала ему на ухо. У Папули удивленно округлились глаза.

– Вот так прямо и сказать? Но это же чепуха какая-то!

– Он поймет. Просто скажите, что я так сказала, и сказала, что он поймет, что я хотела сказать. Только скажите все слово в слово. Не перепутаете?

– Почему же я должен перепутать? Шесть словечек всего. Ну, слушай.

– Нет-нет, ни в коем случае! Не повторяйте! И никому не говорите! Никому, кроме моего папы! Обещайте!

Папуля опять пожал плечами.

– Обещаю! Не волнуйся, все будет в порядке.

– Все будет в порядке, – задумчиво пробормотала она, глядя ему вслед, когда он шел по улице к месту, где его ожидало воздушное такси. Она думала об одном: действительно ли она подписала его смертный приговор. И еще она думала, увидит ли его еще когда-нибудь.

Ей так трудно было возвращаться в дом и смотреть в добрые глаза Мамули... Наверное, когда все будет кончено, лучше ей будет покончить с собой за все, что она им сделала...

Глава девятнадцатая Конец войны

Сражение при Кворристоне – ... произошло 9:17:377 А.Э. между вооруженными силами Академии и войсками Стеттина, повелителя Калгана. Это было последнее сражение Периода Безвластия...

Галактическая энциклопедия

Джоуль Турбор в новой роли военного корреспондента, облаченный в форму звездолетчика, был явно доволен собой: форма ему очень шла. Он был даже рад, что он в космосе, а не на Терминусе – вынужденная беспомощность в призрачной борьбе с невидимой Второй Академией для него сменилась физически осязаемой борьбой военных кораблей друг с другом и окружением обычных людей.

Честно говоря, блистательных побед со стороны Академии не отмечалось, но ситуация оставляла место для размышлений. Прошло уже шесть месяцев с начала войны, а ядро Академии оставалось практически нетронутым, и основные силы флота тоже оставались в полном порядке. Численность их, за счет кораблей, построенных с начала войны, оставалась неизменной, а с технической стороны флот стал гораздо мощнее, чем во время поражения при Ифни.

За это время была усилена и оборона планет, шло интенсивное обучение войск на военных базах, командование наконец взялось за голову, и большая часть калганского флота вынуждена была отойти на «подготовленные» позиции.

В настоящее время Турбор находился в группе соединения Третьего Флота на дальних границах Анакреонского сектора. Он разрабатывал свою излюбленную тему – рассказ о войне как о войне «маленьких людей», и брал интервью у Феннеля Лимора, инженера третьего класса, добровольца.

– Расскажите нам немного о себе, матрос, – попросил Турбор.

– А что рассказывать? Рассказывать-то особенно нечего...

Лимор смущенно улыбнулся, повертел носком ботинка, но тут же выпрямился и стал смотреть в камеру, осознав, что на него смотрят миллионы телезрителей.

– Я – локриец. Работал на космическом заводе главным инженером отдела, мне неплохо

платили. Женат, имею двух детей – обе девочки. А можно я им привет передам – вдруг они смотрят?

– Давайте, давайте, матрос. Не стесняйтесь!

– Ну, спасибо. Он приосанился.

– Привет, Милла! Если ты меня видишь, слушай – у меня все отлично. Как там Санни и Томма? Я о вас все время думаю, и, может, мне удастся отпроситься на побывку, когда мы вернемся на базу. Я получил от тебя продуктовую посылку и отослал ее обратно. У нас тут отличный паек, а гражданским, говорят, сейчас с едой туго приходится. Ну, вот и все. Береги детей.

– Я загляну к вашей жене, когда буду в Локрисе, матрос, и поинтересуюсь, как у них с продуктами. Идет?

Молодой человек широко улыбнулся и кивнул:

– Спасибо, мистер Турбор. Вы очень добры, я этого не забуду.

– Не стоит благодарности. Ну а теперь скажите нам... вы ведь доброволец?

– Так точно. А что же, на нас нападают, а я буду сидеть сложа руки, что ли? Ну нет. Я записался добровольцем сразу, как только услышал про «Хобера Мэллоу».

– Вы молодчина. А в боевых действиях вы уже принимали участие? Я смотрю, у вас уже две боевые звездочки?

– Тьфу, – сплюнул матрос. – Да разве это сражения были? Так, ерунда. Да калганцы просто бояться драться, если у них нету пяти кораблей против одного нашего. И даже тогда они стараются разбить наш строй, чтобы рассеять и перебить поодиночке. Мой двоюродный братишка попал в заварушку при Ифни, он служил на том корабле, который уцелел там, – на старом «Эблинге Мисе». Так он говорит, что и там было то же самое. У них был целый флот против нашего подразделения, и, даже когда у нас оставалось всего пять кораблей, они задирались, вместо того чтобы драться по-настоящему. В том сражении у них было подбито вдвое больше кораблей, чем у нас.

– Значит, вы думаете, мы победим в этой войне?

– Да это же ежу понятно! Мы ведь не отступаем! Ну а уж если дело плохо повернется, я уверен, нам Вторая Академия на подмогу придет. План Селдона – он ведь никуда не делся – и они, калганцы-то, про это тоже знают, я уверен.

Турбор едва заметно улыбнулся:

– Вы рассчитываете на помощь Второй Академии?

Матрос искренне удивился вопросу:

– А как же? Как все!

Младший офицер Типпельблум зашел в каюту Турбора после окончания передачи. Он предложил корреспонденту сигарету и откинул фуражку на затылок – непонятно было, как она там удержалась.

– Пленного захватили, – сообщил он небрежно.

– Да?

– Ага. Какой-то стукнутый мужичок. Утверждает, что он якобы нейтрал – дипломатический иммунитет у него, никак не меньше. Похоже, начальство не знает, что с ним делать. Фамилия что-то вроде Пальви или Пальвер – что-то в этом роде. Говорит, что с Трентора. Ума не приложу, как его занесло в зону военных действий.

Турбор рывком приподнялся и сел на койке. Он даже забыл о предложенной сигарете. Он отлично помнил последний разговор с Дареллом в тот день, когда началась война и он должен был вылететь на задание.

– Прим Пальвер, – проговорил он. Это прозвучало утвердительно.

Типпельблум поперхнулся на середине затяжки. Пуская клубы дыма и кашляя, он выговорил:

– Да. А вы-то откуда знаете?

– Неважно. Могу я с ним увидеться?

– Черт подери, не знаю... Старик держит его у себя, допрашивать собирается. Все говорят,

что он шпион.

– Скажите старику, что если он действительно тот, за кого себя выдаст, то я его знаю. И беру ответственность на себя.

Капитан Диксиль, командир флагманского корабля Третьего Флота, не отрываясь, смотрел на экран Большого Детектора. Всякий корабль, как известно, представляет собой источник ядерного излучения даже без движения – точки на экране Детектора и были кораблями.

Все корабли Академии были в наличии, и никаких других вспышек на экране после поимки шпиона замечено не было. Но появление чужого кораблика, пусть даже маленького, вызвало некоторое замешательство в командирском отсеке. Могло потребоваться изменение в боевой тактике, и притом очень быстрое. Что и было сделано.

– Вы помните? – спросил капитан. – Повторите еще раз.

Командор Сени кивнул:

– Я проведу свою эскадру через гиперпространство. Радиус – десять парсеков, тета – 263,52 градуса, фи – 84,15 градуса. Вернусь на место в 13.30. Общая продолжительность отсутствия – одиннадцать и восемьдесят три сотых часа.

– Все точно. Учтите, вы должны вернуться минута в минуту. Ясно?

– Так точно, капитан.

Он взглянул на наручные часы:

– Мои корабли будут готовы к старту в 01.40.

– Хорошо, – ответил капитан Диксиль.

Калганская эскадра пока еще не попала в поле «зрения» Большого Детектора, но ждать ее нужно было с минуты на минуту, У капитана имелась по этому поводу проверенная независимая информация. В отсутствие эскадры Сенна сил у Флота Академии будет катастрофически недостаточно, но капитан был совершенно спокоен. То есть – *абсолютно* спокоен.

Прим Пальвер грустно поглядывал по сторонам. Ему ничего не оставалось, как ждать своей участи, переводя взгляд с одного лица на другое. В каюте присутствовал капитан – высокий, сухопарый, в адмиральской форме, и несколько офицеров. Кроме них, был еще один человек, у которого, в отличие от остальных людей, верхняя пуговица рубашки была расстегнута и не было галстука. Этот человек сказал, что хочет поговорить с ним.

Джоуль Турбор продолжал уговаривать адмирала:

– Я полностью отдаю себе отчет, адмирал, в том, что дело крайне серьезное, но уверяю вас – если мне будет дана возможность поговорить с этим человеком с глазу на глаз всего пару минут, многое может проясниться.

– А почему бы вам не поговорить с ним в моем присутствии?

Турбор выпятил губы и набычился.

– Адмирал, – сказал он упрямо, – все то время, что я нахожусь в Третьем Флоте, вы не можете пожаловаться на отсутствие самых лестных отзывов в прессе о вас и ваших людях. Я бы не стал вам об этом напоминать, но уж если так стоит вопрос... Можете выставить охрану за дверь, а сами возвращайтесь через пять минут. Ну, пожалуйста, позвольте мне эту малость – уверяю вас, ваша репутация от этого не только не пострадает, а даже выиграет. Вы меня понимаете?

Он понял.

Как только они остались наедине, Джоуль Турбор резко повернулся к Пальверу:

– Быстро: назовите имя девочки, которую вы увезли с Калгана!

Пальвер только широко раскрыл глаза и отрицательно замотал головой.

– Я не шучу, – сказал Турбор. – Если вы не ответите, вас сочтут шпионом, а шпионов в военное время расстреливают на месте без суда и следствия.

– Аркадия Дарелл! – выдохнул Пальвер.

– Отлично. Она жива?

Пальвер кивнул.

– Если вы не уверены в этом, то ваше дело плохо.

– Она жива и здорова, – побледнев, отозвался Пальвер.

Тут вернулся адмирал.

– Ну? – спросил он сурово.

– Этот человек – не шпион, сэр. Можете верить всему, что он вам говорит. Я ручаюсь за него.

– Вот как? – нахмурился адмирал. – Следовательно, получается, что он – представитель сельскохозяйственного кооператива с Трентора, который желает заключить с Терминусом торговую сделку на поставку зерна и картофеля. Ну хорошо, будь по-вашему, только сейчас я его все равно отпустить не смогу.

– Почему? – резко спросил Пальвер.

– Потому, что мы в самом центре военных действий. Когда сражение закончится и если все мы будем живы, мистер Пальвер, мы сопроводим вас на Терминус.

Калганский Флот, на полной скорости несущийся через пространство, издалека заметил корабли Академии, но и сам не остался незамеченным. Как крошечные светлячки на экранах Больших Детекторов, они летели навстречу друг другу в безмолвной пустоте.

Адмирал Флота Академии нахмурился и сказал:

– Скорее всего, это их главный удар. Поглядите, сколько их. – И добавил: – Однако им против нас не устоять, если только Сенн подоспеет вовремя.

Командор Сенн улетел несколько часов назад – как только враг был замечен. Теперь план изменить уже нельзя. Он мог либо сработать, либо сорваться, но адмирал был спокоен. Так же как все офицеры и матросы.

Снова танец светлячков на экране. Пляски смерти...

Флот Академии медленно, нудно отступал. Шли часы, а Флот медленно отходил назад, изматывая противника, сбивая его с намеченного курса – все сильнее и заметнее.

В умах стратегов, ведущих эту битву, было предусмотрено колоссальное пространство, которое должны занять корабли Калганского Флота. Флот Академии освобождал это пространство – и его тут же занимали калганцы. Те их корабли, что рисковали выйти за пределы этого пространства, тут же подвергались резкой и беспощадной атаке. Тех, кто оставался внутри пространства, никто не трогал.

Все зависело только от собственной инициативы командиров кораблей Флота Лорда Стеттина – то ли идти на верную смерть, то ли оставаться там, где им ничто не угрожает.

Капитан Диксиль холодно взглянул на циферблат наручных часов. Было 13.10.

– У нас есть еще двадцать минут, – сообщил он.

Лейтенант, стоявший справа от него у экрана, сдержанно кивнул:

– Пока все идет по плану, капитан. Почти девяносто процентов их кораблей заперто. Если удастся их еще продержаться...

– Да! Если...

Теперь корабли Академии медленно двинулись вперед. Не так быстро для того, чтобы обратить калганцев в бегство, но все-таки достаточно быстро, чтобы сдерживать их наступление. Враг предпочел выждать. Шли минуты.

В 13.25 адмиральский сигнал прозвучал на семидесяти пяти кораблях линии фронта Академии, и они, развив максимальную скорость, бросились в самую середину фронта калганцев, насчитывающего три сотни кораблей. Вспыхнуло защитное поле вокруг калганских звездолетов, черную пустоту пространства озарили вспышки колоссальных выбросов энергии. Каждый из трехсот кораблей устремился вперед, навстречу безумным атакующим, которые шли на них так бездумно, так легкомысленно, и...

В 13.30 – откуда ни возьмись – появились пятьдесят кораблей под командованием командора Сенна. Мощным броском из гиперпространства они оказались в расчетной точке в расчетное время и яростно накинлись на незащищенный фланг калганцев.

Хитрость сработала превосходно!

Численное преимущество пока еще было на стороне калганцев, но считать свои силы им было попросту некогда. Вначале они пытались ускользнуть, но строй их был разбит напрочь, и те корабли, что пытались спастись бегством, натыкались друг на друга и взрывались. Через некоторое время ситуация стала напоминать охоту на крыс. Из трехсот кораблей калганцев – ядра и гордости Флота – меньше шестидесяти, многие – в безнадежно подбитом состоянии, постыдно драпали на Калган. Потери Академии составили восемь из ста двадцати пяти кораблей.

Прим Пальвер приземлился на Терминусе в самый разгар празднования победы. Фурор торжества несколько смутил его, но, прежде чем покинуть планету, он успел сделать две вещи и получил одну просьбу.

А вещи он сделал вот какие: 1) заключил контракт, согласно которому кооператив Пальвера должен был поставлять на Терминус двадцать грузовых кораблей с продовольствием в месяц в течение будущего года по расценкам военного времени причем – слава богу и исходу последнего сражения – без всякого риска и 2) передал доктору Дареллу шесть слов Аркадии.

Несколько мгновений доктор Дарелл смотрел на него широко раскрытыми от изумления глазами, а потом попросил передать Аркадии кое-что на словах. Пальвер был доволен. Ответ простой и незамысловатый: «Мажешь вернуться. Опасности больше нет».

Лорд Стеттин был вне себя от ярости. Видеть, как его превосходное оружие ломается на глазах и превращается в труху, как прочнейшая ткань его военной мощи рвется, как ветхое рядно, – это даже закоренелого флегматика привело бы в состояние бушующего вулкана. Но тем не менее он осознавал, что поделаться ничего не может.

Уже несколько недель он почти не спал. Три дня он не брился. Отменил все аудиенции. Адмиралы были предоставлены самим себе, и никто лучше самого повелителя Калгана не знал, что пройдет совсем немного времени, и даже новых поражений не потребует, как начнутся внутренние бунты.

Лев Мейрус, Первый Министр, тоже ничем помочь не мог. Он стоял перед Лордом Стеттином – спокойный, безнадежно старый, нервно похрустывая длинными пальцами, как обычно. Вертикальная складка, пересекавшая его лицо, стала, казалось, еще глубже.

– Ну! – рявкнул Стеттин. – Что же вы молчите? Прелагайте хоть что-нибудь! Мы разбиты, понимаете вы или нет? Разбиты! А почему? Я не знаю почему! А вы знаете?

– Думаю, да, – спокойно отозвался Мейрус.

– Измена... – тихо проговорил Стеттин. Не повышая голоса он продолжал: – Вы знали об измене и помалкивали. Вы служили тому козлу, которого я прогнал с поста Первого Гражданина, и думаете, что сможете служить всякому другому мошеннику, который сбросит меня? Если окажется, что вы действовали вот так, а не иначе, я из вас кишки вытяну и сожгу их, поджарю у вас на глазах!

Мейрус не пошевелился.

– Я много раз, сэр, пытался вам внушить свои собственные сомнения. Я пытался вложить слова вам в уши, но вы предпочитали выслушивать советы других, поскольку они больше тешили ваше самолюбие. Все повернулось именно так, как я боялся, и даже хуже. Если вы и сейчас не желаете меня слушать, сэр, то так и скажите, и я уйду и, конечно же, стану служить тому, кто сменит вас, если у него хватит ума первым же делом подписать мирный договор.

Стеттин сверлил его покрасневшими от бессильной злобы глазами, сжимая и разжимая гигантские кулаки.

– Говори, серое ничтожество. Говори, черт бы тебя побрал!

– Я не раз говорил вам, сэр, что вы – не Мул. Вы можете командовать кораблями и орудиями, но вы не можете управлять умами своих подданных. Известно ли вам, сэр, с кем вы сражаетесь? Вы сражаетесь с Академией, которую никому и никогда не удавалось победить, с Академией, которая защищена Планом Селдона, с Академией, которой на роду написано сформировать новую Империю.

– Нет никакого Плана! Так сказал Мунн.

– Значит, Мунн ошибается. Да даже если он прав, что с того? Вы и я, сэр, еще – не народ. Мужчины и женщины Калгана и наших колоний свято верят в План Селдона – так же как все, кто населяет этот район Галактики. Четыреста лет – хороший урок того, что Академию победить невозможно. Это не удалось никому – ни королевствам, ни диктаторам, ни старой Империи.

– Мулу удалось!

– Да, но он не был предусмотрен Планом Селдона – в отличие от вас. Что еще хуже: народ это отлично понимает. Вот и получается, что ваши корабли отправляются на битву, неся в себе зародыш поражения. Невидимая ткань Плана окутывает их, и ваши люди становятся осторожными и осмотрительными – думают каждый раз, семь раз отмеряют, прежде чем атаковать. Но та же самая невидимая ткань Плана придает врагу уверенность и решимость, прогоняет страх, поддерживает боевой дух, невзирая на поражения вначале. Почему бы и нет? Так всегда бывало. Поначалу Академия всегда терпела некоторые потери, зато в конце всегда выигрывала.

А ваше собственное состояние, сэр? Ваши позиции на территории врага вроде пока крепки. Ваши собственные колонии не захвачены. И захвачены, скорее всего, не будут. И все-таки вы побеждены. Вы сами не верите в возможность победы, потому что знаете: такой возможности попросту нет.

Так отступите же сейчас, или вас поставят на колени. Отступите добровольно, и тогда вам удастся спасти хотя бы то, что у вас осталось. Вы положились на железо и сталь, и они дали вам возможность продержаться. Вы игнорировали силу разума и духа – и это вас подвело. Послушайтесь моего совета хотя бы сейчас. У вас есть человек из Академии – Хомир Мунн. Освободите его. Отпустите его на Терминус, чтобы он доставил туда ваши мирные предложения.

Стеттин плотно сжал губы и закрипел зубами. Выбора не было.

В первый день нового года Хомир Мунн наконец покинул Калган. Прошло больше шести месяцев с того дня, как вы улетел сюда с Терминуса. За это время много воды утекло – началась и кончилась война.

Прибыл сюда он сам собой, а улетел с эскортом. Прибыл сюда он простым смертным, по частному делу, а улетал не то чтобы официально назначенным, но фактически – послом мира.

Ну а уж что радикально переменилось за это время, так это его суждение о Второй Академии. Эта мысль веселила его. Он уже рисовал в уме, как будет рассказывать об этом доктору Дареллу и этому выскочке, молодому всезнайке – Антору, всем им...

Он знал. Он, Хомир Мунн, наконец знал всю правду.

Глава двадцатая «Я знаю...»

Последние два месяца стеттинианской войны Мунн потратил даром. В необычной для себя роли Чрезвычайного Посредника он находился в самом центре межзвездных событий, и эта роль, к его собственному удивлению, пришлась ему по вкусу.

Крупных сражений больше не происходило – несколько мелких стычек, которые можно и не принимать в расчет. За это время были разработаны пункты мирного договора между Калганом и Академией. Стеттин торчал у себя в особняке и делами занимался мало. Флот его был расформирован, владения за пределами Калгана получали автономию, и им было дано право провести референдумы, в ходе которых они должны были решить – вернуться ли им к первоначальному статусу или перейти под протекторат Академии.

Формально война была окончена на астероиде, в звездной системе, принадлежавшей Академии, в месте размещения ее самой старой военной базы. Со стороны Калгана мирный договор подписал Лев Мейрус, а Хомир присутствовал в качестве заинтересованного наблюдателя.

За все это время он не видел ни доктора Дарелла, ни кого-либо другого из своих знакомых, хотя они тоже обретались в тех краях. Но это не имело никакого значения. Его новости могли и подождать. При мысли об этом он неизменно улыбался.

Доктор Дарелл вернулся на Терминус через несколько недель после окончания войны, и в тот же вечер в его доме состоялась встреча пятерых людей, которые десять месяцев назад здесь строили свои планы.

Тянулся обед, они ели и пили вино и явно не хотели возвращаться к старым разговорам.

Первым молчание нарушил Джоуль Турбор. Одним глазом поглядывая в пурпурную глубь бокала с вином, он процедил сквозь зубы:

– Ну, Хомир, вы теперь – просто герой дня. Здорово вы все обстряпали!

– Я? – воскликнул Мунн и весело расхохотался. Странно – вот уже несколько месяцев он не заикался. – Да мне и пальцем шевельнуть не пришлось. Это все Аркадия. Кстати, Дарелл, как она? Я слышал, она возвращается с Трентора?

– Вы слышали правильно, – спокойно отозвался Дарелл. – Она возвращается через неделю.

Он пристально оглядел присутствующих, но в ответ на свое сообщение не услышал ничего, кроме вздохов облегчения и слов радости. Ничего.

Турбор допил вино и сказал:

– Ну, значит, все кончено. И кто бы мог представить себе такое десять месяцев назад? Мунн слетал на Калган и вернулся. Аркадия побывала на Калгане и на Тренторе и тоже возвращается домой. Была война, и мы ее выиграли, черт подери! Вот говорят, что можно предсказать колоссальные повороты событий в истории, но разве можно себе представить, что то, что случилось, кто-нибудь из нас мог предвидеть, а ведь каждый из нас по-своему прожил это время и все события почувствовал на своей шкуре, образно говоря.

– Ерунда... – кисло отозвался Антор. – Нечего это вы так радуетесь? Вы говорите так, будто мы в действительности выиграли войну, а выиграли-то мы на самом деле чепуховую потасовку, которая только для того и была нужна, чтобы отвлечь наше внимание от реального врага.

Наступила неловкая пауза. Только Хомир понимающе усмехнулся.

Антор стукнул по столу кулаком.

– Да-да! – яростно воскликнул он. – Я говорю о Второй Академии. О ней теперь ни слова не говорят, и, если я прав, значит, предприняты все попытки, чтобы о ней и не вспоминали никто. И все эта проклятая атмосфера триумфа, наполняющая этот мир непроходимых тупиц, – все так радуются и торжествуют, что возникает идиотское желание присоединиться. Ну что ж, давайте вывешивайте за окнами транспаранты, бегите на улицу, влезайте друг другу на спины и бросайте с балкона конфетти, а когда вам это наконец наскучит, возьмитесь за голову, спуститесь с небес на землю, и давайте вернемся к обсуждению все той же проблемы – она никуда не делась и сегодня так же актуальна, как десять месяцев назад, когда вы все сидели тут с глазами на лбу от страха – и боялись, сами не зная чего и кого. Неужели вы правда думаете, что теперь, когда вы побили жалкую кучку военных кораблей, бояться Второй Академии нужно и можно меньше?

Он замолчал, тяжело дыша. Лицо его покрылось испариной и покраснело.

Мунн спокойно сказал:

– Позвольте, теперь скажу я, Антор. Или вы собираетесь играть роль конспиратора-пропагандиста?

– Говорите, Хомир, – сказал Дарелл, – только поосторожнее с эпитетами, прошу вас. Я и сам порой не против поговорить красиво, но сейчас нам просто не до этого.

Хомир Мунн откинулся на спинку кресла и аккуратно налил себе вино из графина, стоявшего рядом с ним на столе.

– Я был послан на Калган, – начал он, – для того чтобы выудить все, что я мог выудить из записей Мула, хранящихся во Дворце. Я потратил на это несколько месяцев. Не собираюсь ставить себе это в заслугу. Как я уже говорил, неожиданное разрешение на допуск во Дворец целиком и полностью – дело рук и гениальной головки нашей маленькой Аркадии. Тем не

менее факт остается фактом – к моим первоначальным званиям о жизни Мула и его времени, которые и так были не малы, я добавил плоды напряженного труда над первоисточниками, которых до меня никто в руках не держал.

Поэтому у меня есть уникальная возможность судить о реальной опасности Второй Академии – гораздо более реальная, чем у нашего возбудимого друга.

– Ну и какова же ваша оценка опасности? – буркнул Антор.

– Нулевая.

Короткая пауза. Эльветт Семик удивленно уточнил:

– Нулевая? Нет опасности, что ли?

– Разумеется. Друзья мои, никакой *Второй Академии не существует*.

Веки Антора медленно опустились. Он побледнел, лицо его вытянулось, стало невыразительным.

Мунн продолжал, явно довольный тем, что был в центре внимания.

– И более того: никогда не существовало.

– И на чем же, – поинтересовался Дарелл, – вы основываете это столь неожиданное заключение?

– Не стал бы называть его неожиданным. Все вы знаете историю поисков Второй Академии Мулом. Но что вам известно об интенсивности этих поисков, о том колоссальном упорстве, с которым они велись? У него были громадные ресурсы, и он их использовал до конца. У него только одно желание и было – и он ничего не добился. Никакой Второй Академии найдено не было.

– Трудно ожидать, что она могла быть найдена, – нетерпеливо прервал его Джоуль Турбор. – Она наверняка имела и имеет способы защиты от любопытных глаз и умов.

– Даже если это был такой любопытный ум, как ум Мула – могущественнейшего мутанта? Не думаю. Ну ладно, в конце концов, ведь не ждете же вы, что я вам за пять минут перескажу содержание пятидесяти томов отчетов? Все это, согласно одному из пунктов мирного договора, перейдет в ведение Исторического Музея имени Селдона, и вы сможете с ними спокойно ознакомиться – так же как я. Собственными глазами прочтете и убедитесь – уверяю вас, там черным по белому написано то, что я сказал. Нет и никогда не было никакой Второй Академии.

Семик поинтересовался:

– Ну и кто же тогда – или что – остановило Мула?

– Елки-палки, а вы как думаете, что его остановило? Смерть его остановила, как в свое время остановит каждого из нас! Величайшее заблуждение всех времен как раз и заключается в том, что считается, что всепобеждающая карьера Мула была якобы остановлена какими-то неведомыми, мистическими силами, оказавшимися сильнее его самого. Это – результат того, что на ситуацию смотрели под в корне неверным углом.

Однако никто в Галактике ведь не станет оспаривать тот факт, что Мул был калекой – как с физической, так и с умственной точки зрения. Он умер в возрасте чуть более тридцати, потому что его измученное болезнью тело устало жить скрипя по всем швам. Еще за несколько лет до смерти он уже был дряхлым инвалидом. В самом лучшем здравии он был не лучше смертельно больного человека. Ну хватит об этом. В общем, он покорила Галактику, а потом совершенно естественным образом умер. Даже удивительно, что он так долго протянул. Друзья мои, тут все предельно просто. Нужно только терпеливо и бесстрастно взглянуть правде в глаза и постараться посмотреть на вещи под другим углом.

Дарелл задумчиво проговорил:

– Ну что ж, давайте попытаемся, Мунн. Это не лишено интереса и уж, во всяком случае, может внести некоторое разнообразие в ход наших мыслей. Вот интересно, что в этой связи вы скажете об энцефалограмме «обработанных» людей, которые нам в прошлый раз показывал Антор?

– Нет ничего проще. Сколько лет энцефалографии? Нет, лучше поставить вопрос иначе: насколько хорошо развита наука изучения нейронных процессов?

– Мы – в самом начале пути, – ответил Дарелл. – Попали в точку, принято.

– Отлично. Так насколько же мы можем быть уверены в том, что то объяснение, которое

нам представил Антор, и та интерпретация, которую вы дали пресловутому Плато на энцефалограммах, верны? У нас есть гипотезы, но насколько вы можете быть уверены в их правильности? И как вы можете быть уверены в том, что это явление действительно является отражением существования некоей могущественной силы, никаких других свидетельств существования которой не существует? Всегда легко объяснить неизвестное наличием потусторонней нечеловеческой силы и воли.

Это в природе человеческой. На протяжении всей истории Галактики было полным-полно случаев, когда оказавшиеся в изоляции системы время от времени возвращались в первобытное, варварское состояние, и какой урок мы извлекли из этого? Во всех случаях подобные дикари считают непостижимые для собственного разума явления – ураганы, эпидемии, засухи – делом рук существ более могущественных, чем они сами.

Если не ошибаюсь, это называется антропоморфизмом, и в этом смысле мы ничем не лучше дикарей. Мы просто с головой погрузились во все это. Имея крайне ограниченные познания в области психологии, мы сваливаем все непонятные нам явления на область деятельности сверхлюдей – в данном случае на тех, кто якобы населяет Вторую Академию, на существование которой в свое время туманно намекнул Селдон.

– Ах! – вмешался Антор, театрально заломив руки. – Значит, вы все-таки помните о Селдоне? А я так понял, что вы про него напрочь забыли. Селдон сказал, что Вторая Академия существует, и давайте все-таки плясать от этого.

– А вы до конца понимаете все цели Селдона? Вы знаете, какие именно задумки были заложены во все его расчеты? Да Вторая Академия запросто могла быть выдуманным пугалом, жупелом, изобретение которого преследовало весьма специфическую цель. Почему, например, мы победили Калган? Как вы писали в последней серии статей, Турбор?

Турбор поерзал в кресле.

– Я понял, куда вы клоните. Я был на Калгане до конца, Дарелл, и должен честно сказать, что моральный дух калганцев был здорово сломен. Я просматривал все их газетенки, смотрел все ролики новостей и должен сознаться, что они просто-таки сами не видели другого исхода, – они ждали, что их победят. То есть у них просто руки опускались при мысли о том, что вот-вот должна вмешаться Вторая Академия, и приложить к войне свою карающую десницу, и, что вполне естественно, выступить на стороне Первой.

– Вот именно! – воскликнул Мунн. – А я-то и вообще там всю войну проторчал! Я сказал Стеттину, что Второй Академии не существует, и он мне поверил. Для него это было жутко важно, и он за счет этого чувствовал себя более уверенно. Но заставить народ перестать верить в то, во что он верил всю жизнь, было невозможно – так миф, придуманный Селдоном, сыграл роковую роль в начатой им космической шахматной партии.

Антор резко открыл глаза и в упор уставился на Мунна, который был явно доволен, что у него все так складно получилось.

– А я заявляю, что вы лжете, – отчетливо выговорил он.

Хомир побледнел.

– Не считаю нужным реагировать и отвечать на подобные обвинения.

– А я вовсе не намеревался задеть ваше достоинство. Вы просто не можете не лгать. Вы даже не понимаете, что лжете. Но тем не менее все, что вы говорите, ложь!

Семик, сидевший рядом с Антором, мягко опустил руку на запястье молодого человека.

– Не надо так горячиться, юноша!

Антор раздраженно стряхнул руку старика и крикнул:

– Как же вы все мне надоели! Сидят, смотрят – и ничего не понимают. Да я этого человека и видел-то всего раз десять за свою жизнь, но мне совершенно очевидно, насколько он переменялся! А вы все знаете его, что называется, сто лет и ничего не замечаете! Просто с ума можно сойти! Нет, вы серьезно считаете, что этот человек, которого слушаете развесив уши, – Хомир Мунн? Это не тот Хомир Мунн, которого я знаю!

Немая сцена. Почтише, чем в театре. Тишину нарушил пронзительный вскрик Мунна:

– Вы что, считаете меня мошенником?

– Не в прямом смысле, но это не имеет значения! – прокричал в ответ Антор. – Все равно

вы – мошенник! Тихо, все тихо! Я требую, чтобы меня выслушали!

Он так рассвирепел, что все вынуждены были повиноваться.

– Так вот: помнит ли кто-либо из вас того Хомира Мунна, каким его запомнил я, – того застенчивого библиотекаря, который и говорить-то вслух стеснялся, человека с напряженным, нервическим голосом, заикающегося на каждом слове? Разве это – тот самый человек? Он гладко говорит, он самоуверен, у него куча теорий, и, черт бы меня подрал, он не заикается! Так что – это тот самый человек?

Даже сам Мунн растерялся. Пеллеас Антор предложил более спокойно:

– Ане стоит ли его обследовать?

– Как? – спросил Дарелл.

– Это вы меня спрашиваете – как? Обычно! У вас есть его энцефалограмма десятилетней давности? Сделайте новую и сравните!

Он ткнул пальцем в съежившегося от страха библиотекаря и яростно крикнул:

– Боюсь, он пострашится идти на обследование!

– Нисколько, – ответил Мунн. – Я – тот же самый человек, каким был всегда.

– Как вы можете об этом судить? – с сожалением в голосе спросил Антор. – Нет, я больше скажу: я здесь теперь никому не доверяю. И требую, чтобы были обследованы все до одного. Была война, так? Мунн был на Калгане. Турбор был за пределами Терминуса, на борту корабля, в зоне военных действий. Дарелла и Семика тоже какое-то время не было здесь – уж не знаю, где они были и чем занимались. Один только я был здесь, в одиночестве и безопасности, поэтому я больше не верю никому из вас. Но, честно говоря, и я не прочь обследоваться. Согласны? Или мне уйти? В таком случае я уйду и буду делать, что сочту нужным.

Турбор пожал плечами:

– Лично у меня возражений нет.

– Я уже сказал, что я не против, – сказал Мунн.

Семик жестом дал понять, что и он не возражает.

Антор ждал, что скажет Дарелл. Дарелл кивнул.

– Начните с меня, – предложил Антор.

Электроды были прилажены на курчавой голове молодого человека. Он застыл в кресле, прикрыв глаза. Веки его слегка подрагивали. Дарелл достал из ящика стола листок с прежней энцефалограммой Антора и показал ему.

– Ваша подпись, не так ли?

– Да, да! Это моя энцефалограмма. Сравните.

Сканнер выбросил на экран старые и новые линии – все шесть. В темноте раздался голос Мунна:

– Вот посмотрите: по-моему, тут есть изменения.

– Это – первичные волны с лобной доли. Это ничего не значит, Хомир. Эти дополнительные пики, на которые вы показываете, не отражают ничего, кроме возбуждения нервной системы. Тут надо на другое смотреть, – объяснил Дарелл.

Он нажал контрольную кнопку, и все шесть ломаных линий слились в одну попарно. Удвоение отмечалось только в области более высокой амплитуды первичных волн.

– Удовлетворены? – спросил Антор.

Дарелл вежливо кивнул и занял его место. За ним последовал Семик, потом – Турбор. И запись, и сравнение результатов происходили в гробовом молчании.

Последним в кресло сел Мунн. На мгновение он растерялся и с оттенком отчаяния в голосе сказал:

– Только учтите: я последний и очень волнуюсь. Надеюсь, это будет принято во внимание.

– Разумеется, – заверил его Дарелл. – Ни одна ваша сознательная эмоция не повлияет на первичную кривую, да она и не важна.

Казалось, потекли долгие часы в тишине... Потом, когда на экране пошло сравнение линий, Антор торопливо проговорил:

– Смотрите – вот оно! Ну, конечно, это самое начало развития комплекса. Разве он сам не

рассказал нам об этом самом? Нет никакой обработки – это глупое, нелепое антропоморфическое понятие, но вы сами посмотрите! Думаю, все ясно!

– В чем дело? – вскрикнул Мунн.

Рука Дарелла легла на плечо Мунна.

– Спокойно, Мунн. Вас «обработали». Обработали они.

Вспыхнул свет. Мунн затравленно озирался по сторонам, пытаясь выдавить жалкое подобие улыбки.

– Вы шутите! Нет, вы точно шутите! Вы меня проверяете!

Но Дарелл только покачал головой:

– Нет-нет, Хомир. Это правда.

Глаза библиографа неожиданно заволочло слезами.

– Но я не чувствую в себе никаких перемен. Я не могу поверить в это! Вы... просто с ума все посходили со своей конспирацией! – выкрикнул он.

Дарелл попытался удержать руку на его плече, чтобы немного успокоить, но рука его была яростно отброшена в сторону. Мунн взвизгнул:

– Вы хотите убить меня! Клянусь, вы этого хотите!

Одним прыжком рядом с ним оказался Антор. Раздался глухой, неприятный звук сильного удара, и Хомир повалился навзничь с перекошенным от страха лицом.

Антор резко поднялся и сказал:

– Стоило бы его связать, а потом решим, что с ним делать дальше. – Он отбросил назад свои длинные волосы.

Турбор поинтересовался:

– А как вы догадались, что с ним не все в порядке?

Антор повернулся к нему и насмешливо проговорил:

– Это было нетрудно. Видите ли, дело в том, что я *знаю, где находится Вторая Академия.*

Это был сильный удар. Но давно замечено, что каждый последующий удар всегда слабее предыдущего. Неудивительно, что Семик очень спокойно поинтересовался:

– Вы уверены? Только что нам нечто в этом роде пытался доказать Мунн...

– Это далеко не то же самое, – ответил Антор. – Дарелл, в тот день, когда началась война, я с вами говорил совершенно серьезно. Я пытался убедить вас покинуть Терминус. Я бы и тогда мог сказать вам то, что собираюсь сказать сейчас, если бы мог доверять вам.

– Вы хотите сказать, что уже полгода знаете ответ?

– Я знал его с того самого дня, как Аркадия улетела на Трентор.

Дарелл вскочил на ноги.

– При чем здесь Аркадия? К чему вы клоните?

– Да ни к чему особенному. Все вполне согласуется с тем ходом событий, о котором мы все прекрасно осведомлены.

Аркадия отправляется на Калган и в страхе спасается бегством, улетая в самый центр Галактики, вместо того чтобы вернуться домой. Лейтенант Диридж, наш лучший агент на Калгане, «обработан». Хомир Мунн, попав на Калган, тоже подвергается «обработке». Мул покорила Галактику, но, как ни странно, сделал своей резиденцией именно Калган. Тут можно поразмышлять, действительно ли он был таким уж великим Завоевателем. Может быть, он был всего-навсего инструментом. Мы все время наталкиваемся на Калган, и ни на что другое – на мир, который непостижимым образом остался целым и невредимым за время почти вековой истории непрерывных сражений между диктаторами.

– Каков же ваш вывод?

– Он очевиден, – ответил Антор, глядя прямо Дареллу в глаза. – Вторая Академия находится на Калгане.

Тут вмешался Турбор:

– Антор, но я был на Калгане! Я был там не далее как на прошлой неделе. И если Вторая Академия находится там, значит, я сошел с ума. Но, честно говоря, у меня впечатление, что с ума сошли вы...

Молодой человек в ярости развернулся к Турбору.

– А у меня впечатление, что вы – жирный осел! Как вы себе представляете Вторую Академию? Что это – детский сад с вывеской? Или вы считаете, что на табло в космопортах должно быть указано: «Вторая Академия»? Послушайте меня, Турбор! Где бы они ни находились, они формируют некую ограниченную олигархию. Они так же упорно должны скрываться внутри того мира, где они находятся, как сам этот мир – в Галактике.

Турбор нервно подвигал скулами.

– Меня смущает ваше отношение к этому, Антор.

– Очень меня трогает ваше смущение! – огрызнулся Антор. – Да вы вокруг себя на Терминусе оглядитесь! Где мы находимся? Мы находимся в самом центре, в ядре, в колыбели Первой Академии, хранилище всех знаний по физической науке. И какую часть населения составляют ученые-физики? Вот вы, лично вы, смогли бы управлять атомной электростанцией? Что вы, лично вы, знаете о конструкции и принципе действия гиператомного двигателя? А? Число настоящих ученых на Терминусе – даже на самом Терминусе – едва ли составит больше одного процента от всего населения планеты.

А что же тогда говорить о Второй Академии, главный принцип существования которой – строжайшая секретность? Их должно быть еще меньше, и они должны скрываться даже внутри своего собственного мира.

– Ну, скажем, – осторожно вмешался Семик, – Калган мы все-таки одолели...

– Да, одолели, – сардонически парировал Антор. – И бурно празднуем победу. В городах до сих пор иллюминация, фейерверки, по телевизору только об этом и орут взхлеб. Но сейчас, именно сейчас, когда мы снова ищем Вторую Академию, каково последнее место, куда нам следует заглянуть? Правильно, Калган.

И ни хрена мы их не победили. Мы только пустили на воздух сколько-то кораблей, убили сколько-то тысяч человек, разрушили на части их Империйку, несколько подорвали их экономическую и торговую базу, но это все семечки. Я готов поклясться, что ни один из тех, кто действительно правит Калганом, нисколько не пострадал. Наоборот, они выиграли, поскольку теперь свободны от всякого стороннего любопытства. Ну, что скажете, Дарелл?

Дарелл пожал плечами:

– Интересно. Я пытаюсь соединить сказанное вами с теми короткими словами, что мне передала Аркадия пару месяцев назад.

– Что, было письмо? – поинтересовался Антор. – И что же?

– Ну, не то чтобы письмо. Я пока и сам не очень понимаю. Всего шесть слов. Но это очень, очень интересно.

– Послушайте, – вмешался Семик. – Я все-таки кое-чего недопонимаю.

– Чего именно?

Семик заговорил, устало двигая губами, тщательно подбирая слова:

– Ну вот, например: Хомир Мунн говорил, что Гэри Селдон, грубо говоря, врал, когда утверждал, что основал Вторую Академию. Вы теперь утверждаете, что это не так, что Селдон вовсе не врал, так?

– Да, он не врал. Селдон сказал, что основал Вторую Академию, и это действительно так.

– Ладно, но тогда следует вспомнить, что он сказал и еще кое-что. Он говорил, что основал две Академии на разных концах Галактики. Ну, молодой человек, а к этому как относиться – тоже шутка, вранье? Калган-то уж никак не на противоположном конце Галактики.

Антор был раздражен.

– Это – второстепенный момент. И это запросто могло быть сказано и выдуманно для того, чтобы их лучше обезопасить. И потом, сами подумайте: какая могла быть реальная польза от того, что Хозяева, Властители Умов, были бы помещены на другом конце Галактики? Какова их функция? Служить делу выполнения Плана. Кто является основнымдвигающим моментом в деле выполнения Плана? Мы, Первая Академия. Откуда же им удобнее понаблюдать за нами в таком случае, чтобы наши действия служили их целям? С другого конца Галактики? Смешно! На самом деле – они всего-навсего в пятидесяти парсеках от нас, что гораздо удобнее и

разумнее.

– Мне нравится этот довод, – вставил Дарелл. – Он не лишен смысла. Погодите... Похоже, Мунн пришел в себя. Думаю, его можно развязать. Он уже не опасен.

Антор явно был против, но Хомир отчаянно кивал головой. Пять секунд спустя он принялся столь же отчаянно и яростно растирать затекшие кисти рук.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Дарелл.

– Отвратительно, – ответил Мунн. – Но это не важно. Мне хотелось бы кое о чем спросить нашего молодого всезнайку. Я слышал почти все, что он сказал, и не дурно было бы услышать, что он думает о том, как же нам быть дальше.

Наступила напряженная пауза.

Мунн едко ухмыльнулся:

– Ну, ладно, давайте представим, что Калган – действительно Вторая Академия. И *кто* же на Калгане на самом деле они? Как вы собираетесь их искать? Как их опознаешь? Как и что можно с ними сделать, даже если вы их найдете?

– А вот на этот вопрос легко ответить мне, – сказал Дарелл. – Рассказать вам, чем мы с Семиком занимались последние полгода? Тем самым я сумею убить двух зайцев, то есть отвечу, Антор, на ваш вопрос: почему я все это время не мог улететь с Терминуса.

– Во-первых, – продолжал он, – я работал над энцефалографическими исследованиями, преследуя цели гораздо большие, чем кто-либо из вас может подозревать. Выявление типа разума, характерного для людей из Второй Академии, – дело гораздо более тонкое, нежели обнаружение Плато обработанности, и этим напрямую я не занимался. Но подошел к этому вплотную. Вплотную, уверяю вас.

Знает ли кто-нибудь из вас, какова сама природа управления чужими эмоциями? Со времен Мула эта тема пользовалась колоссальной популярностью у писателей-фантастов. И были сочинены целые горы макулатуры, которая, однако, живо обсуждалась, были длинные передачи по телевидению и тому подобное. Большей частью на это явление смотрели, как на нечто таинственное, непостижимое. Но это не так. Каждый знает, что человеческий мозг является источником мириад крошечных электромагнитных полей. Всякая возникающая эмоция так или иначе влияет на состояние этих полей, и это тоже должно быть каждому понятно.

Значит, в принципе, есть возможность создать мозг, который мог бы улавливать эти изменения в состоянии полей, фиксировать их и даже входить с ним в резонанс. То есть должен существовать некий специфический участок в головном мозге, который способен воздействовать на любое выявленное им состояние электрического поля. Каким именно образом это происходит, я не представляю, но дело не в этом. Если бы я, например, был слепым, ничто не помешало бы мне теоретически узнать о том, каково значение фотонов и квантов энергии, и мне было бы понятно, что захват фотонов этой энергии может вызвать химические изменения в некотором органе человеческого организма, который способен эти изменения уловить. Но, конечно, от этого я не стал бы способен различать цвета.

Вам все ясно?

Антор кивнул твердо, остальные – менее уверенно.

– Так вот, подобный гипотетический Резонирующий Орган мозга, будучи настроенным на поля, испускаемые мозгом других людей, может осуществлять то, что мы называем «чтением эмоций» или «чтением умов», но в действительности дело обстоит гораздо сложнее. Исходя из этого легко предположить, что может существовать и сходный орган, способный воздействовать на другой мозг. Этот орган способен сориентироваться своим более сильным полем на более слабое поле другого мозга – почти так же как сильный магнит ориентирует атомные диполи куска стали и оставляет их после этого намагниченными.

Я решил математическую задачу принципа действия Второй Академии в том смысле, что вывел функцию, с помощью которой можно прогнозировать необходимую комбинацию нейронных цепочек, нужную для формирования такого органа, какой я вам только что описал. Но к сожалению, функция эта слишком сложна, чтобы ее можно было построить и решить с

помощью любого из имеющихся в распоряжении на сегодня математических методов. И это очень плохо, поскольку это означает, что на основании изучения энцефалограмм я никогда не сумею выявить человека из Второй Академии.

Но мне удалось сделать нечто другое. С помощью Семика я сумел создать устройство, которое назвал «Менторрезонатором». Возможности современной науки позволяют создать источник энергии, который способен имитировать тип электромагнитного поля, подобный тому, что фиксируется на электроэнцефалограммах. Более того, можно устроить так, что поле будет иметь некий сдвиг, создавая в сознании предполагаемого представителя Второй Академии нечто вроде «шума» или «резонанса», что поможет защитить, закрыть для доступа сознание других людей, с которыми такой человек может быть в контакте.

Вам все ясно?

Семик довольно прищелкнул языком. Работал-то он вслепую, но догадывался и вот теперь понял, что догадки его были верны. Он был доволен собой – есть еще порох в пороховницах!

Антор ответил:

– Мне как будто ясно.

– Это устройство, – продолжал Дарелл, – сконструировать оказалось довольно-таки несложно, тем более что к моим услугам был весь научный потенциал Академии, когда я возглавлял военное научное ведомство. В настоящее время Резиденция Мэра и Юридическая Ассамблея снабжены такими устройствами, то есть защищены полем ментостатики. То же самое сделано вокруг основных, стратегически важных заводов. То же самое сделано вокруг этого здания. Фактически каждое место, которое мы хотим обезопасить от действия Второй Академии, можно снабдить таким устройством, и тем самым оно будет в неприкосновенности и от нее, и от всех будущих Мулов, появившись они на свет. Вот и все.

Он улыбнулся и развел руками.

Турбор откинул назад голову и рассмеялся:

– Значит, все кончено? Все позади? Господи более, наконец-то все позади!

– Ну, – сказал Дарелл, – не совсем так.

– Как же это – не совсем? Что еще?

– А как же? Ведь мы до сих пор не обнаружили Вторую Академию!

– Что, – рявкнул Антор, – вы хотите сказать?

– Хочу сказать, что Калган – не Вторая Академия.

– Вы-то откуда знаете?

– Это просто, – усмехнулся Дарелл. – Дело в том, что мне *известно, где на самом деле находится Вторая Академия.*

Глава двадцать первая Ответ, который всех устроил

Турбор истерически расхохотался. Его хохот, казалось, сотрясал стены; наконец он, всхлипывая и утирая слезы, затих. Устало покачивая головой, он сказал:

– Более праведный, так ведь с ума сойти можно. Весь вечер одно и то же. Одного за другим сбиваем оловянных солдатиков. Развлекаемся вовсю, а ни к чему так и не придем. Слушайте – может быть, уже все планеты, какие есть, – Вторые Академии? А может, у них нет вообще никакой планеты, а они везде? Какая же разница теперь, когда Дарелл говорит, что разработал совершенное средство защиты?

Дарелл улыбнулся, но глаза его оставались серьезными.

– Совершенной защиты порой бывает недостаточно, Турбор. Даже мой «Менторрезонатор» – это всего-навсего прибор, позволяющий нам оставаться все время на месте связанными по рукам и ногам, со страхом оглядываться по сторонам, нет ли где врага – только и всего. Мы должны знать не только как победить, но и кого побеждать. А реальный мир, где существует враг, есть.

– Ближе к делу, – поторопил его Антор. – Говорите по существу.

– Аркадия, – ответил Дарелл, – передала, как я говорил, мне кое-что на словах, и до тех

пор, пока я не услышал этих слов, я не понимал, что не вижу очевидного. А ведь это были самые простые слова – детская поговорочка: «У кольца нет начала и конца». Понимаете?

– Нет, – угрюмо ответил за всех Антор.

– «У кольца нет начала и конца»? – вопросительно повторил Мунн, задумчиво наморщив лоб.

– Знаете, – сказал Дарелл, – а я сразу понял... Какой единственный абсолютно достоверный факт известен нам о Второй Академии, а? Я вам скажу. Мы знаем, что Гэри Селдон основал ее «на другом конце Галактики». Хомир Мунн высказал предположение, что Гэри Селдон солгал и что Второй Академии вообще не существует. Антор высказал предположение, что в этом случае Селдон сказал правду, но солгал относительно расположения Второй Академии. А я заявляю, что Селдон не лгал ни в том ни в другом случае: он сказал истинную правду.

Но... что есть «другой конец»? Галактика представляет собой плоский объект в форме чечевицы. В сечении она представляет собой круг, кольцо, а «у кольца нет начала и нет конца», как говорит Аркадия. Мы – мы. Первая Академия, расположены на Терминусе, который находится на краю этого кольца. Мы, по определению, на краю Галактики. Ну а теперь попробуйте мысленно пройти по краю Галактики и найти ее конец. Идите, идите, идите... и никакого конца вы не найдете. Вы просто вернетесь туда, откуда вышли!

Вот там-то вы и найдете Вторую Академию!

– Там? – повторил за ним Антор. – Вы хотите сказать «здесь»?

– Да, я хочу сказать «здесь», – энергично воскликнул Дарелл. – А где же еще? Вы же сами сказали, что люди из Второй Академии являются хранителями Плана Селдона, и поэтому маловероятно, чтобы они были расположены на другом краю Галактики, в полной изоляции. Вы сказали, что было бы более вероятно, если бы они находились от нас на расстоянии пятидесяти парсеков. А я утверждаю, что и это слишком далеко. А где они были бы в наибольшей безопасности? Кто бы вздумал их здесь искать? Да это же самый старый и испытанный способ игры в прятки!

Почему покойный Эблинг Мис был так удивлен, просто поражен своим открытием расположения Второй Академии? Вот именно это он и узнал, отчаянно разыскивая ее, чтобы предупредить о нашествии Мула, выяснив для себя неожиданно, что, оказывается, Мул успел убить Две Академии одним ударом. А почему сам Мул не преуспел в своих поисках? Почему? Если кто-то ищет непобежденного врага, разве станет он искать его среди врагов побежденных? А Властители Умов тем временем спокойно вынашивали дальнейшие планы, как остановить Мула, и весьма в этом преуспели.

Да это же безумно просто! А на нас поглядеть – как мы тут носимся со своими графиками, полями – а сами сидим в цитадели врага! Не смешно разве?

Однако лицо Антора сохраняло скептическое выражение.

– И вы искренне верите в свою гипотезу, доктор Дарелл?

– Да, я искренне в нее верю.

– Но тогда получается, что любой из ваших соседей, всякий прохожий на улице может быть сверхчеловеком из Второй Академии, мозг которого следит за всяким из нас и улавливает биение нашего сознания?

– Разумеется.

– И нам была дана возможность беспрепятственно работать и жить все это время?

– Беспрепятственно? Кто вам сказал, что нам никто не препятствовал? Вы, вы лично обнаружили, что Мунна «обработали». Как вы можете быть уверены, что мы его послали на Калган по собственной воле? Как можно быть уверенным в том, что Аркадия подслушала нас и отправилась с Мунном на Калган по своей воле? Ха! Да я ни на минуту не сомневаюсь, что каждый наш шаг был запрограммирован. А им больше ничего и не нужно было – достаточно было сбить нас с толку, и это было гораздо проще, чем грубо останавливать.

Антор с головой ушел в пучину размышлений. Вынырнул он оттуда крайне недовольным.

– Не нравится мне все это. Тогда вашему «Менторезонатору» – грош цена. Не можем же мы вечно оставаться в доме! А как только мы выйдем отсюда, мы предстанем перед ними

голенькими, со всеми своими теперешними знаниями – нате, берите. Получается, мы пропали. Если только вы не сумеете снабдить портативными средствами каждого человека в Галактике.

– Да, но не так уж мы беспомощны, Антор. Эти люди из Второй Академии обладают специфическим чувством, которого у нас нет. Это – одновременно – их сила и их слабость. Ну, например, есть ли такое средство, которое могло бы безошибочно отличить зрячего человека от слепого?

– Есть, конечно, – быстро ответил Мунн. – Свет в глаза.

– Вот именно, – подтвердил Дарелл. – Сильный, хороший такой, слепящий свет.

– Ну и что из этого? – спросил Турбор.

– По-моему, аналогия ясна. У меня есть «Менторезонатор». Он создает искусственное электромагнитное поле, которое для человека из Второй Академии – все равно что для нас – пучок ярких лучей. Только мое устройство по принципу действия больше напоминает калейдоскоп. Оно постоянно меняет направленность и силу поля – очень быстро, быстрее, чем может воспринять такие сдвиги воспринимающий орган в мозгу. Ну, представим себе это в виде мигающего луча – это, как правило, вызывает у нас головную боль. А теперь представьте себе, что сила света доведена до того, что он ослепляет, или, другими словами, настолько усилена мощь этого электромагнитного поля, – и это вызовет боль, непреодолимую боль. Но только у того, кто обладает определенной чувствительностью, и ни у кого другого.

– Правда? – оживленно поинтересовался Антор. – Вы уже пробовали?

– На ком? Конечно, никаких испытаний не было. Но все сработает, я уверен.

– А где у вас пульт управления полем, которое окружает ваш дом? Мне хотелось бы взглянуть.

– Вот пульт, – ответил Дарелл и достал из внутреннего кармана небольшой предмет.

Маленький, черный, снабженный рядами кнопок и рычажков цилиндр перешел в руки Антора. Антор повертел его и сказал, пожав плечами:

– От того, что я на него смотрю, я понимаю не больше, чем до этого. Скажите, Дарелл, на какую кнопку не следует нажимать? Мне не хотелось бы случайно отключить поле, окружающее дом, понимаете?

– Вы не сможете этого сделать. Эта кнопка заблокирована.

И он указал на кнопку, которая была жестко зафиксирована.

– А это что за регулятор?

– С его помощью меняется частота импульсов. А с помощью вот этого – интенсивность. То самое, о чем я говорил.

– А можно? – спросил Антор, положив кончик пальца на регулятор интенсивности. Остальные сгрудились вокруг него.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Дарелл. – Нам ведь это нисколько не повредит.

Медленно – даже замедленно – Антор повернул регулятор в одну сторону, потом в другую. Турбор сжал зубы, Мунн быстро заморгал. Было впечатление, что они пытаются своим несовершенным «оборудованием» ощутить импульс, который в действительности ощутить не могли.

В конце концов Антор пожал плечами и вернул Дареллу пульт управления.

– Видимо, придется поверить вам на слово. Но, ей-богу, трудно поверить, что что-то действительно произошло в тот момент, когда я повернул регулятор.

– Разумеется, Пеллеас Антор, – сказал Дарелл с едва заметной иронией. – Я ведь вам дал фальшивый пульт. У меня есть другой.

Он сунул руку под куртку и отстегнул от ремня точно такой же цилиндр.

– Вот – видите? – сказал Дарелл и резко перевел регулятор интенсивности в крайнее положение.

В то же мгновение Антор с нечеловеческим, душераздирающим воплем повалился на пол. Он метался в агонии. Побелевшие, скрюченные пальцы пытались рвать собственные волосы.

Мунн, сидевший поблизости, инстинктивно подобрал ноги, чтобы не коснуться корчившегося в судорогах тела. Глаза его потемнели от страха. Семик и Турбор застыли, как две безмолвные статуи.

Дарелл же спокойно вернул регулятор в прежнее положение, Антор пару раз слабо дернулся и остался лежать без движения. Он был жив, но дышал слабо.

– Давайте перенесем его на кушетку, – предложил Дарелл, приподнимая голову Антора от пола. – Помогите мне.

Турбор ухватил Антора за ноги. Казалось, они перетаскивают не живого человека, а мешок с мукой. Потянулись долгие мгновения. Дыхание Антора стало спокойнее, веки задрожали, глаза открылись. Лицо его было желтым от ужаса, тело и волосы взмокли от пота, а голос, когда он заговорил, стал надтреснутым, хриплым, незнакомым.

– Нет! – просипел он. – Нет, нет! Только не делайте этого опять! Вы не представляете, не знаете... О-о-о... – простонал он.

– Мы не станем этого больше делать, – сказал Дарелл, склонившись над ним, – если вы скажете нам правду. Вы – из Второй Академии?

– Дайте мне воды! – взмолился Антор.

– Принесите воды, Турбор, – попросил Дарелл, – да захватите бутылку виски.

После того как он влил Антору в рот глоток виски и два стакана воды, он повторил свой вопрос. Молодой человек не сопротивлялся.

– Да... – устало проговорил он. – Я – из Второй Академии.

– Которая, – закончил за него Дарелл, – находится здесь, на Терминусе.

– Да-да... Вы совершенно правы, доктор Дарелл.

– Отлично. А теперь объясните нам все, что происходило в течение последнего года.

Говорите!

– Я хочу спать... – прошептал Антор.

– Успеете. Говорите же!

Горький вздох. Потом Антор заговорил торопливо и тихо. Остальные склонились над ним, чтобы не пропустить ни слова...

– Ситуация становилась опасной. Мы знали, что ученые на Терминусе стали интересоваться энцефалограммами и что вот-вот будет создано устройство такого типа, как сконструировал доктор Дарелл. Кроме того, нарастала общая враждебность в отношении Второй Академии. Мы должны были остановить развитие событий так, чтобы не повредить Плану Селдона.

Мы... мы попытались взять под контроль ваше... движение. Мы попытались присоединиться к нему. Это бы... избавило нас от подозрений и отвлекло от нас внимание. Одним из таких отвлекающих моментов была спровоцированная нами война с Калганом. Вот почему я отправил Мунна на Калган. Мнимая фаворитка Стеттина была нашей сотрудницей. Она устроила все так, чтобы Мунн делал нужные шаги...

– Что? Каллия?! – вскрикнул Мунн, но Дарелл жестом остановил его.

Антор продолжал, не заметив, что его прервали:

– С Мунном отправилась Аркадия. На это мы не рассчитывали... не можем же мы предусмотреть все... поэтому Каллия отправила ее на Трентор, чтобы предотвратить ее вмешательство. Вот и все. Кроме того, конечно, что мы проиграли...

– Меня вы тоже хотели отправить на Трентор, не так ли?

Антор вяло кивнул:

– Должны были... убрать вас отсюда... на время... Ваше сознание явно и неопровержимо излучало триумф победителя. Вы решали проблему создания своего прибора – «Менторезонатора».

– Почему вы не «обработали» меня?

– Не мог... не сумел. У меня были инструкции... мы работали в соответствии с планом... Импровизация... все бы нарушила... План только предсказывает вероятности... вы это знаете... как и План Селдона.

Фразы его становились все более отрывистыми, почти бессознательными. Голова моталась из стороны в сторону – болезненно, лихорадочно.

– Мы имели дело с отдельными людьми... не с массами... вероятности очень низки... и проиграли. И потом... если бы мы вас «обработали»... устройство изобрел бы кто-то еще... все

было бесполезно... должны были тянуть время... а это труднее... Собственный план Первого Оратора... я не знаю всех деталей... только... ничего не вышло...

Он глубоко зевнул и впал в прострацию. Дарелл грубо встряхнул его:

– Не спать! Сколько вас здесь?

– А? Вы что-то спросили? О-о-о... немного... будете удивлены... около пятидесяти... нужно было больше...

– А конкретно на Терминусе?

– Пятеро... еще шестеро на заданиях... как Каллия... спать хочу...

Неожиданно он сделал над собой невероятное усилие, пытаясь побороть слабость и наваливающийся сон. Казалось, ему хочется сделать все возможное, чтобы как-то смягчить позор поражения.

– Но в конце я почти было поборол вас! Мог выключить защиту и схватить вас! Тогда посмотрели бы, кто здесь хозяин! Но вы дали мне фальшивый пульт... вы все время меня подозревали... Наконец он умолк и крепко заснул.

Изменившимся голосом Турбор спросил:

– И давно вы его подозревали, Дарелл?

– С тех пор как он тут появился, – последовал спокойный ответ, – Он заявил, что прибыл от Кляйзе. Но я прекрасно знал Кляйзе и отлично помнил, в каких отношениях мы расстались. Он просто заболел розысками Второй Академии, а я его бросил. Мое поведение было оправдано, поскольку я понял, что разумнее и безопаснее вести исследования самостоятельно. Но объяснить этого Кляйзе я не мог, да он и не стал бы меня слушать. Для него я остался трусом и предателем, возможно, он даже считал меня агентом Второй Академии. Он из тех, кто не прощает обид, и с того самого времени вплоть до самой смерти он со мной не общался. И вдруг, ни с того ни с сего, в последние недели своей жизни он пишет мне – совсем как старый друг – и присылает ко мне своего сотрудника, ученика, с предложением возобновить старые исследования.

Это было настолько не похоже на него! Он не мог на такое пойти без постороннего воздействия. Тогда я и стал думать о том, не подsunул ли он мне настоящего агента из Второй Академии. В итоге так оно и оказалось.

Он вздохнул и на секунду прикрыл глаза.

Семик взволнованно проговорил:

– Но что я все мы будем делать с ними со всеми... с этими, ну из Второй Академии?

– Не знаю, – устало отозвался Дарелл. – Можно, например, устроить что-то вроде резервации. В Зоранеле, к примеру. Можно их там поместить и окружить планету защитным полем с помощью «Менторезонатора». Мужчин и женщин лучше было бы разделить, а еще лучше – стерилизовать, и через пятьдесят лет Вторая Академия останется историческим фактом, не более. А может быть, милосерднее было бы дать им всем спокойно умереть.

– Как выдумаете, – задумчиво спросил Турбор, – а мы не могли бы обучиться этому их дару? Или они с ним рождаются, как Мул?

– Не знаю. Но думаю, дар этот приобретается в процессе длительного обучения, поскольку данные энцефалографии показывают, что такие способности есть в мозгу каждого человека, только в латентном состоянии. Но для чего вам это чувство, этот дар? Видите – он им не помог.

Он нахмурился.

Он молчал, а мысли его кричали.

Все получилось слишком легко, слишком легко... Они были побеждены, эти непобедимые, побеждены, как книжные злодеи, и это ему не нравилось.

Черт побери! Когда же человек может быть уверен в том, что он – не марионетка? И как он может знать, что он – не марионетка?

Аркадия возвращалась домой, и мысли его постепенно отвлеклись от того, с чем ему еще предстояло столкнуться.

Она была дома – неделю, вторую, а он все никак не мог избавиться от этих мыслей. И как

он мог от них избавиться? За время ее отсутствия она превратилась из ребенка в молодую девушку – под действием какой-то странной алхимии. Она была звеном в цепи, которая связывала его с жизнью, ниточкой, связывавшей его память с его сладостно-горькой женитьбой, супружеством, длившимся чуть дольше медового месяца...

И вот однажды, поздно вечером, он спросил осторожно, как только мог:

– Аркадия, как вышло, что ты решила, что обе Академии находятся на Терминусе?

Они как раз вернулись из театра, где сидели на самых лучших местах. На Аркадии было новое, красивое платье, и она была просто счастлива.

Она удивленно взглянула на него и отвела взгляд.

– Ой, папа, сама не знаю. Просто на меня нашло.

Сердце Дарелла похолодело.

– Вспомни, – настойчиво попросил он. – Это очень важно.

Она слегка нахмурилась.

– Ну... была Леди Каллия... Я знала, что она – из Второй Академии. Ведь Антор сказал то же самое!

– Но она была на Калгане, – настаивал Дарелл. – Почему же ты решила, что Вторая Академия – на Терминусе?

Тут Аркадия задумалась на несколько минут, прежде чем ответить. Что заставило ее так решить? Ей стало неприятно об этом думать – почему, она сама не знала.

Она сказала:

– Но она же знала все – Леди Каллия. И у нее... наверное... была информация о Терминусе. Похоже, папа?

Но он только головой покачал.

– Папа, – воскликнула она, – но я это знала! И чем больше я об этом думала, тем больше я убеждалась в этом. Это так *логично*!

Но в глазах отца, смотревших на нее, читалось все то же чувство беспомощности и растерянности.

– Не то, Аркадия, не то... Интуиция уже сама по себе подозрительна, когда речь идет о Второй Академии. Ты же это понимаешь, правда? Это могла быть интуиция, но могла быть и «обработка».

– «Обработка»? Ты хочешь сказать, что меня... изменили? О нет! Они не могли!

Она отвела взгляд и слегка отодвинулась от отца.

– И потом... разве Антор не сказал тебе, что я была права? Он же все подтвердил! Признался во всем. И ты нашел целое их гнездо тут, на Терминусе. Разве нет? Разве нет?

Она раскраснелась и тяжело дышала.

– Да, я знаю... но... Аркадия, ты позволишь, я сделаю тебе энцефалограмму?

Она отчаянно замотала головой:

– Нет, нет! Только не это! Мне страшно, я боюсь!

– Меня боишься, Аркадия? Ну что ты, глупышка, не бойся! Но мы должны проверить, мы обязательно должны проверить! Ты же это понимаешь, правда?

После этого она обратилась к нему только раз. Она вцепилась в его руку как раз перед тем, как он собирался выключить свет.

– А если меня изменили, папа? Что ты будешь делать?

– Если тебя изменили, Аркадия, ничего я делать не буду. Если это так, то мы просто-напросто уедем отсюда. Отправимся на Трентор, только ты да я... и не будет нам никакого дела до всей Галактики.

Никогда в жизни Дарелл не проводил обследование так медленно и тщательно, никогда он еще не ставил на карту более высокой ставки... Когда все было кончено, Аркадия тихо сползла с кресла. Она боялась смотреть на отца. Наконец раздался его радостный смех, и этим все было сказано. Она вскочила, подбежала к нему и упала в его объятия.

Они стояли, прижавшись друг к другу. Он гладил ее непослушные кудряшки и радостно говорил:

– Дом окружен максимальным резонирующим полем, а твоя энцефалограмма – в полном

порядке. Значит, мы действительно покончили с ними, Аркадия. Мы можем начать жизнь сначала!

– Папа. – проговорила она сквозь слезы, а теперь мы сможем получить медали?

– Медали? А откуда ты знаешь, что я от них отказался?

Он на мгновение отстранил ее от своей груди и снова рассмеялся:

– Маленькая шпионка! Ты, как водится, знаешь все! Ладно, можешь получить свою медаль – все, как положено, – трибуна, торжественные речи. Ты ее заслужила.

– И... папа...

– Да?

– Ты не мог бы теперь называть меня «Аркади»?

– Ну хорошо... Аркади.

Медленно, постепенно пришло к нему ощущение настоящей победы и захлестнуло его. Академия – Первая Академия – и теперь единственная – стала настоящей Хозяйкой Галактики. Больше не существовало преграды между ними и Второй Империей – венцом Плана Селдона.

Оставалось только дожить до этого...

А все благодаря...

Глава двадцать вторая Верный ответ

Непонятно где расположенная комната в непонятно где расположенном мире... И план, чей план сработал... Первый Оратор взглянул на Студента.

– Пятьдесят мужчин и женщин, – сказал он. – Пятьдесят жертв! Они знали, что для них это означает смерть или пожизненное заключение, но они не посмели пойти на сопротивление, они не могли быть так ориентированы, поскольку такая ориентация могла быть выявлена. Но они не пали духом. Они осуществили план до конца, потому что были верны высшему Плану.

– А могло их быть меньше? – осторожно спросил Студент.

Первый Оратор медленно покачал головой:

– Это было минимально возможное количество. Будь их меньше, возможно, задуманное и не удалось бы осуществить. В действительности объективно требовалось не менее семидесяти пяти человек, чтобы подстраховаться от возможных ошибок. Но это теперь неважно. Ты изучил ход событий, разработанный Советом Ораторов пятнадцать лет назад?

– Да, Оратор.

– И сравнил его с реальным ходом развития событий?

– Да, Оратор, – ответил Студент и после короткой паузы добавил: – Я был совершенно поражен, Оратор.

– Знаю. Это всегда вызывает искреннее удивление. Если бы ты знал, сколько труда скольких людей вложено за многие годы в то, чтобы отшлифовать, довести до совершенства эту идею, ты бы меньше удивлялся. Ну а теперь расскажи мне, что произошло, – своими словами. Расшифруй свои математические выводы.

– Хорошо, Оратор.

Молодой человек старательно сконцентрировал свои мысли.

– Главное: людей из Первой Академии нужно было твердо, неопровержимо убедить в том, что они обнаружили и ликвидировали Вторую Академию. В этом плане отмечается некоторый возврат к исходной позиции. Теперь Терминус снова не будет знать о нас ничего и не станет включать нас в свои расчеты. Мы снова в тайне и безопасности... ценой жизни пятидесяти человек.

– А какова была роль калганской войны?

– Показать Академии, что они способны победить физического врага, – с тем чтобы укрепить их достоинство, по которому нанес серьезный удар Мул.

– Вот здесь ты потрудились недостаточно. Помни: население Терминуса относилось к нам с явной враждебностью. Они ненавидели нас, завидовали нашему превосходству, но бессознательно надеялись на нашу защиту. Если бы мы были «ликвидированы» до калганской

войны, это вызвало бы панику на всей территории Академии. Тогда они ни за что не отважились бы выступить против Стеттина, напади он на них тогда. А он бы именно так и сделал. Только на своем пике ослепления победой могла произойти «ликвидация» с минимумом побочных эффектов. Даже если бы позволили себе подождать еще год, успех не был бы воспринят столь горячо и безоговорочно.

Студент кивнул:

– Я понял. Теперь течение истории будет происходить без отклонений от курса, намеченного Планом.

– Если только, – уточнил Оратор, – не произойдет больше никаких случайностей индивидуального порядка.

– А для этого, – сказал Студент, – мы и существуем. Только вот... Один момент волнует меня, Оратор. В Первой Академии осталось мощнейшее оружие – «Менторезонатор». По крайней мере, это уже выходит за рамки возврата к прежней позиции.

– Верно подмечено. Но им не на ком его применять. Оно стало холостым оружием, стерильным. Таким же холостым и стерильным оружием станет со временем и энцефалография, поскольку мы как угроза для них больше не существуем. Ее место займут те отрасли науки, которые больше отвечают насущным потребностям. Так что – первое поколение ученых-психологов в Первой Академии одновременно станет последним, и примерно через сто лет «Менторезонатор» станет реликвией прошлого.

– Да... – подумав, проговорил Студент. – Похоже, вы правы.

– Но вот на что я хочу обратить твое особое внимание, юноша. Ради твоего же собственного будущего – ради твоей работы в Совете. Это – учет самых тончайших вмешательств, проведенный в Плане за последнее десятилетие. И все это было нужно потому, что мы имели дело с отдельными людьми. Я говорю о способе, благодаря которому Антор ухитрился вызвать к себе подозрение таким образом, что оно созрело в нужное время, но это было относительно просто.

Была создана такая ситуация, такая атмосфера, что до поры до времени никому и в голову не приходило, что Вторая Академия находится там. Это знание должно было быть внушено маленькой девочке, Аркадии, на которую, кроме ее отца, никто бы не обратил внимания. Она была увезена на Трентор именно для того, чтобы раньше времени не встретилась с отцом. Эти двое – отец и дочь – были чем-то вроде полюсов гиператомного двигателя. Каждый из них в отдельности от другого беспомощен. Должна была проскочить искра, должен был сработать контакт – именно в нужный момент. А это уж была моя работа.

А еще было необходимо, чтобы последнее сражение прошло так, как надо. Флот Академии должен был быть морально поддержан, а калганцы – обращены в бегство. Об этом я тоже позаботился.

Студент сказал:

– Мне кажется, Оратор, что вы... то есть я хотел сказать, что все мы... рассчитывали на то, что доктор Дарелл не станет подозревать, что Аркадия является нашим инструментом. Судя по моим расчетам, существовала тридцатипроцентная вероятность того, что он все-таки это заподозрит. Что бы произошло тогда?

– Об этом мы тоже позаботились. Тебя ведь учили, и ты должен знать, что такое «Плато обработанности». Что оно собой представляет? Конечно же, не внедрение иной эмоциональной подложки. Это как раз делается без возможности выявить это с помощью энцефалографии. Следствие из теоремы Лефферта, ты должен знать. Нет, Плато отражает стирание прежнего предубеждения, только это оно в действительности и демонстрирует. Должно демонстрировать.

– И конечно, Антор удостоверился в том, что доктор Дарелл именно так, как надо, понимает сущность Плато?

– Да. Однако... Как и когда можно «обработать» отдельного человека, начать управлять его эмоциями так, чтобы это не обнаружили? Только тогда, когда изначальное предубеждение еще не сформировалось. Другими словами – тогда, когда индивидуум – новорожденный ребенок с чистым, нетронутым сознанием. Таким ребенком была Аркадия Дарелл пятнадцать лет назад здесь, на Тренторе, когда в структуру Плана была внесена новая линия.

Она никогда не узнает о том, что ею управляли, и нам всем от этого лучше и легче, поскольку ее «обработка» не принесла ей никакого вреда, а наоборот, привела к развитию уникальной личности.

Первый Оратор коротко рассмеялся:

– В каком-то смысле это – ирония судьбы, и это самое смешное. Четыреста лет назад люди были обмануты словами Селдона о «другом крае Галактики». Они придавали этим словам свой собственный, буквальный, физический смысл – они ведь всегда ищут другой конец линейками и рулетками и находят этот конец в точке, отстоящей от начала измерения на сто восемьдесят градусов, а то и просто у себя дома.

Но величайшая для нас опасность таилась именно в том, что у нашего расположения была и чисто физическая разгадка. Как ты знаешь, Галактика – не просто плоский, сплюснутый овоид, так же как его периферия – не просто замкнутая кривая. Фактически Галактика – это двойная спираль, и восемьдесят процентов населенных миров находятся на ее внутреннем витке, а мы – на другом конце, поскольку что есть другой конец спирали? Естественно, центр.

Но это ловушка, шарада. К такому выводу трудно прийти просто так. Однако к нему пришли бы обязательно, если бы те, кто искал ответ, вспомнили, что Гэри Селдон был психолог, а не физик и прекрасно понимал, каково будет течение мыслей в данном случае. Он сориентировал их в нужном для нас направлении. Что могли для психолога значить «разные концы»? Два противоположных края карты? Конечно, нет, Это – чисто механическая интерпретация.

Первая Академия находилась на Периферии, в том месте, где власть Империи была наиболее слаба, где наименьшим было ее цивилизующее влияние, где практически отсутствовали культура и процветание. Но где же находился социально противоположный конец Галактики? Ну конечно, в том месте, где первоначальная Империя была наиболее сильна, где ее цивилизующее влияние было наиболее выражено, где наиболее заметны были ее процветание и культура.

Здесь! В центре! На Тренторе, в столице Империи времен Селдона!

И это настолько очевидно! Гэри Селдон оставил после себя Вторую Академию, чтобы она сохранила, улучшила и продолжила его работу, Где это могло быть осуществлено наилучшим образом? На Тренторе, где работала группа Селдона, где десятилетиями скапливалась информация. Кроме того, целью Второй Академии была охрана Плана от врагов. И это тоже было известно. А где был главный источник опасности и для Терминуса, и для Плана?

Здесь! На Тренторе, здесь, где Империя умирала в течение трех столетий, но все-таки могла разрушить, ликвидировать Академию, если бы только ей пришлось в голову это сделать.

Потом, когда Трентор пал и был разрушен, всего лишь сто лет назад, мы наконец обрели реальную возможность защитить нашу цитадель, и из всей планеты только Имперская Библиотека и окружающая ее территория остались в неприкосновенности. Это было прекрасно известно в Галактике, но даже этот столь прозрачный намек остался без должного внимания.

Здесь, на Тренторе, Эблинг Мис нашел нас, и здесь же мы не позволили ему пережить свое открытие. Чтобы осуществить это, потребовалось все продумать так, чтобы обычная девушка из Академии победила могущественного мутанта – Мула. Конечно, и это событие могло привлечь внимание к планете, на которой оно произошло.

Именно здесь мы впервые изучили Мула и спланировали его полное и окончательное поражение. Именно здесь родилась Аркадия и началась цепь событий, которая вернула нас в конце концов к Плану Селдона.

И все эти прорехи в ткани нашей секретности, все эти зияющие дыры остались незамеченными! А все потому, что Гэри Селдон сказал «другой конец» в одном смысле, а они поняли это в совершенно другом.

Первый Оратор «молчал» уже довольно долго. На самом деле он перестал обращаться к Студенту, а как бы исповедовался самому себе, стоя перед окном и глядя на звезды.

Огромная Галактика теперь была в безопасности навсегда.

– Гэри Селдон называл Трентор «концом звезд», – прошептал он. – Ну что же, почему бы и нет? Это так поэтично... Когда-то отсюда правили всей Вселенной, со всех звезд тянулись сюда

невидимые нити и обрывались здесь. «Все пути ведут к Трентору», – говорит старая пословица, и именно тут и есть конец всех звезд.

Десять месяцев назад Первый Оратор стоял на этом самом месте и смотрел на то же самое небо, усеянное бесчисленными звездами, – нигде их не было так много, как здесь, в центре Галактики. Но тогда он был печален. Сегодня же его лицо было озарено искренней, неподдельной радостью – круглое, румяное лицо Прима Пальвера – Первого Оратора.